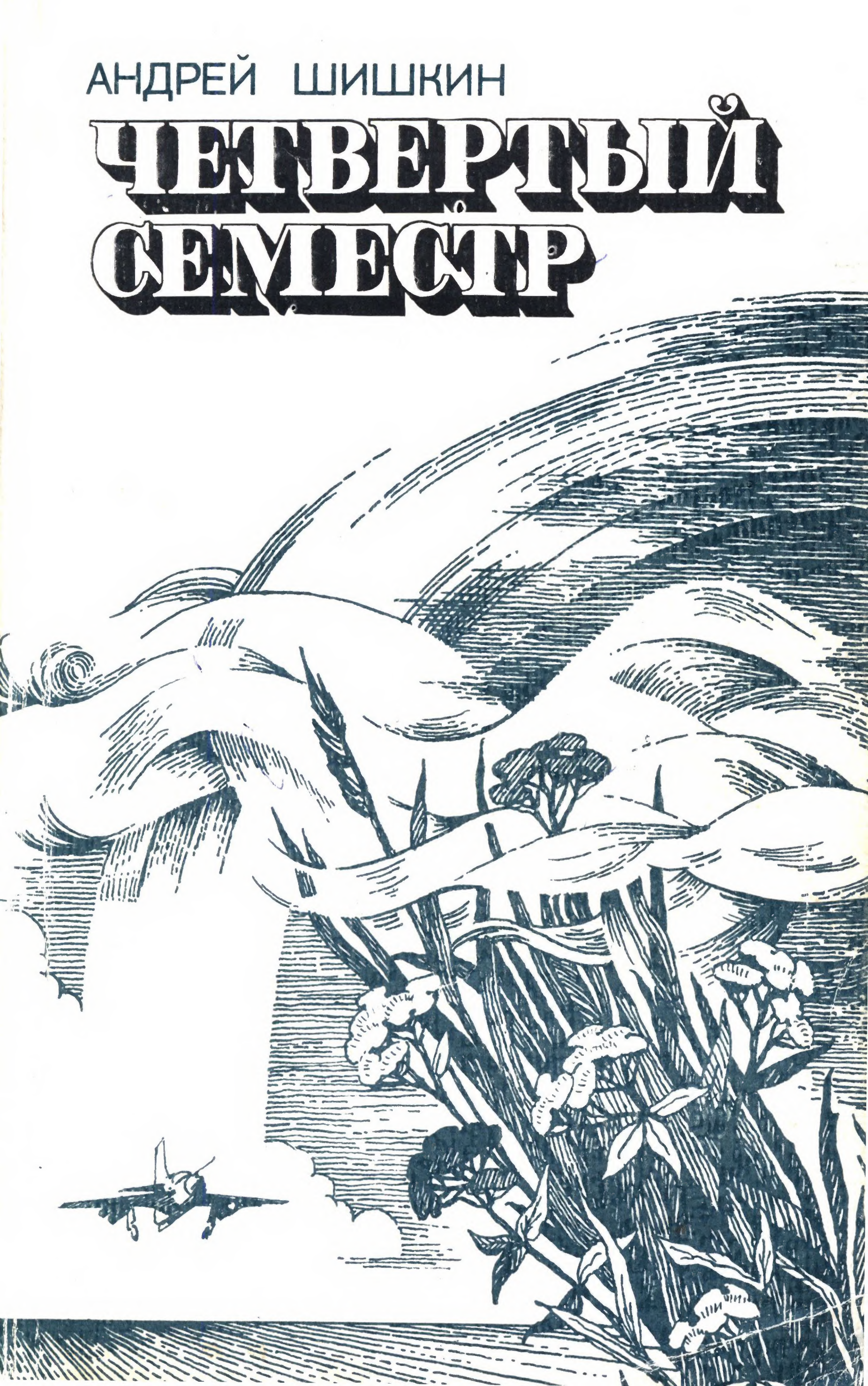

АНДРЕЙ ШИШКИН
ЧЕТВЕРТЫЙ СЕМЕСТР

АНДРЕЙ ШИШКИН

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕМЕСТР

ПОВЕСТИ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1987

ББК 84Р7
Ш 65

Художник
И. Максимова

Ш $\frac{4702010200-219}{078(02)-87}$ 124—87

НАЧАЛО

1

Небо наискосок пересекает блестящая россыпь звездного Чумацкого шляха, теплый весенний ветерок гонит вдоль сельской улицы густой медвяный запах цветущих вишен, глушит привычные звуки позднего вечера: коротко взлаяла собака, протяжно мыкнула корова, на станции бухнул буфером состав.

Совсем недавно отшумели пасхальные праздники, которые обыкновенно заканчивались пьяными драками, заполошным воем битых баб, куражистыми выходками парубков, хмельных крепкой свекольной самогонкой, избытком дурной молодой силы. Сейчас село притихло, мужики готовились сеять, подкармливали отощавших зимой быков, чинили плуги, бороны, конскую упряжь, другой немудреный крестьянский инвентарь.

Во время праздника комсомольцы устроили красный субботник: ремонтировали сельскую больницу, таким образом противопоставляли свою революционную сознательность темноте одурманенных вином, обманутых религией масс. Набожные старухи грозили мором, гладом, геенной огненной, неорганизованный молодняк насмешничал, запевал едкие подковыристые частушки. Комсомольцы порывались начистить морды особо наглым парням, однако Васька, секретарь ячейки, строго запретил задираться. Каменел лицом, оскорбленно багровел, когда сквозь зубы цедил, что союзная молодежь должна отвергнуть старорежимные методы убеждения, вести вперед народные массы только своим личным положительным примером.

Секретарь ячейки наслушался выступлений районных активистов, стал дошлым парнем насчет разных умных слов. Боролся против буржуазности, которую насаждала новая экономическая политика. Даже пудриться, одеколониться комсомолкам запрещал. Всю эту парфюмерию, дескать, капиталисты специально придумали, чтобы маскировать свою гнилую сущность. Советскому человеку маскировать нечего, стыдно завлекать товарищей сладкими запахами, вызывать всякие ненужные чувства.

Сейчас он чавкал сапогами, громко убежденно говорил:

— На казенных харчах девке тоже неплохо... — хмурил широкие черные брови. — В школу там, поди, ходит.

Вот глядишь, потом поступит в ФЗО, станет ученым человеком.

Она, запарившись, расстегнула плюшевую жакетку.

— Здесь тоже есть школа первой ступени.

— А зубы на полку покладете?

— Я сестренку прокормлю.

— Да ты на себя погляди! Без слез смотреть невозможно. Из хаты выпускать нельзя, когда сильный ветер. Вот трошки сальца нагуляешь, вместе поедем. В области одна пропадешь, там полно мазуриков, разной другой шантрапы.

— Не пугай христа ради!

Она испуганно накрыла губы ладошкой, словно хотела поймать нечаянно вырвавшееся поповское словечко. Васька сурово насупился, будто собирался выступать, потом шумно выдохнул, широкими шагами пошел дальше, грязь после дневного дождя захлюпала сильнее. Она семенила следом, тихо радовалась темноте, скрывавшей обидные слезы, вызванные грубоватым напоминанием насчет слабости.

Зимой болела сыпняком. И откуда только этот тиф взялся! Чисто жили, хотя небогато: она прокладывала постель и одежонку пахучими стеблями полыни, которая отгоняет всех насекомых. Спали, застилая постель простынями, что считалось буржуйской привычкой. Из больницы вышла через полтора месяца, до прозрачности исхудавшая, до бровей повязанная платочком. Косу отстригли, новые волосы отрастали медленно, туго курчавились, как белые сосновые стружки. До своей хаты едва добрела, хмельная теплыми весенними запахами, потом долго сидела возле перевернутых саней, разглядывала покрытые яркими пятнами ржавчины полустертые блестящие полозья. Нежилую тишину подворья нарушал шорох прелого околота, которым были крыты хаты, бойко гомонили шустрые воробьи, играли свои весенние свадьбы, шумная стайка облепила пустое гнездо аистов на сухом стволе тутовника с обрубленными ветвями.

В голодном двадцать первом году при родах умерла мама. Из бабьей жалости сестренку выкормили соседи, они потом помогали отцу, вечно занятому своими партийными делами. Две дочки для вдового мужика тяжелее любой работы, тут без женского пригляду никак. Она бы-

ла старшей дочкой, поэтому пришлось рано осваивать домашний женский труд. Сначала зыбала люльку, потом учила сестренку ходить. С пяти лет помнила только работу, вечерами забиралась на теплую печку, с детски неясной тоскливостью вспоминала мамины ласки, тихо плакала. Отец был грамотный, ночами долго читал, жег дорогой керосин, много раз вслух повторял, будто заучивал наизусть: «Революция есть невероятный и мучительный процесс умирания старого и рождения нового общественного строя, уклада жизни десятков миллионов людей... — Тянул махорочный дым, потом снова говорил: — Революция есть самая острая, бешеная, отчаянная классовая борьба и гражданская война».

Он, казалось, больше любил младшую дочку, чернявостью напоминавшую мать. Старшую тоже жалел. Баловал обновками, городскими гостинцами, привозил халву, мятные пряники, сладкие сахарные петушки. И всегда говорил о светлом будущем. Говорил, что она, когда подрастет, может стать грамотной учительницей, чтобы потом учить сельских ребятишек читать, писать, считать. На земле это самое нужное занятие после хлеборобского. Ленин говорил, без грамоты, хоть убейся, социализм построить невозможно!

Отец собирал сельских активистов, объяснял сложность текущего момента, когда завоеванную пролетарской кровью свободу всякие троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы, другие сволочные оппозиции норовили извести, пустить под правый уклон. Активисты обсуждали особенности новой экономической политики, земельный вопрос, потом отправляли сельчан организовывать коммуны, начинать товарищескую обработку земли. Кулака, дескать, обмежевали продналогом, бедняк наконец вздохнул, достатком начал догонять середняка, хотя личными мелкими хозяйствами страну прокормить нельзя. Пора оставлять собственнические замашки, делать смычку с пролетариатом, вместе добиваться торжества коллективного труда. Тем более, государство заключает контрактационные договоры, на два года освобождает коллективы от налогообложения, помогает машинами, сортовыми семенами. Мужики в шинелях, гумарках, кожушинах молча слушали, крепко чесали затылки, потом принимались горячо спорить. Иногда схватывались ругаться, бились кулаками, кольями, оглоблями. Боязно было начинать новую жизнь, старая тоже обрыдла, жилы рвать приходилось, только чтобы прокормиться. И хоть тресни, под

конец зимы ржаную муку для хлебушка разбавляли просом, кукурузой, если случался недород, того хуже, горохом кормились, остатками картошки.

Тишину распорол истошный вскрик. Она насмерть перепугалась, ужас сыпанул вдоль спины холодными острыми иголками. Кинулась бежать куда глаза глядят, под ногами хлюпнуло, сквозь шнуровку ботинок противно влилась холодная вода. Васька, смеясь, пояснил:

— Это кошки женихаются, язви их в душу! Орут, как при виде собственной смерти. А ты гляди какая резвая, стрибанула натурально в лужу. Ноги, поди, насквозь промочила!

Она услыхала насмешливые нотки, решительно шагнула через пробитую тележными колесами глубокую колею и поскользнулась. Васька успел подхватить, руки парня больно сдавили под мышками, замерли, потом несмело погладили спину сверху донизу. Она часто задышала, загораясь непонятным волнением, отчего несколько томительно долгих мгновений начисто выпали из сознания. Васька опамятовался первым, смущенно покашлял, убрал руки, медленно пошел дальше, хотя именно сейчас следовало поторопиться: если кто увидит, пойдут всякие пересуды, злые люди могут ворота дегтем обмазать. Эта трусливая мысль вспыхнула, тотчас погасла, и пришло желание ласки.

Без матери, как водится, дом сирота.

Она дома была вместо матери, все свои шестнадцать лет помогала отцу тянуть хозяйство. На пахоте водила коня в поводу, на жатве вязала снопы, месила навоз для кизяков: без своего огорода тоже нельзя прокормиться. С одной коноплей забот полон рот, надо собрать, высушить, вымочить. Из семян выжать масло, из свежего жмыха потом можно печь вкусные рогалики.

Анька, сестренка, росла бойкой девчонкой. С утра до поздней ночи гоняла с соседскими мальчишками. В бабки играла, в чижика, в казаков-разбойников. Вечерами чистила сады и бахчи сельских куркулей, домой приходила вконец измотанная.

Отец организовывал колхоз. Устраивал сходки, собрания. А ночами часто мучился приступами падучей. Эта

подлая хворь появилась давно, после тяжелого ранения головы. На рассвете упрямо поднимался. Пошатываясь, надевал старую истрепанную шинель. На уговоры остаться всегда отвечал, что некогда отдыхать, на дворе классовая борьба, только успевай поворачиваться и беспощадно приносить себя в жертву мировому катаклизму.

Она знала, что это слово — не ругательное. Его отец услыхал в двадцатом году, получая партбилет единого образца. Вот тогда полковой комиссар говорил, что идет самый большой социальный катаклизм. Царя отменили, капиталистов сковырнули, в море скинули белых гадов, разных антантовских интервентов — теперь трудности строительства нового общества. Это дело многих десятилетий.

По совету отца вступила в комсомол. Ребята собирались, писали агитационные лозунги, шефствовали над избой-читальней. Народ интересовался знаниями, однако некоторые несознательные мужики отрывали края газет, выдирали листы книжек для самокруток, других непотребных надобностей. Из райцентра приезжали комсомольцы, называли себя синеблузниками, хотя одеты были тоже как попало. Они рассказывали, что безработица стала убывать, теперь везде нужны крепкие рабочие руки, так как страна начала строить гигантские электростанции, тракторные, автомобильные, металлургические комбинаты. Потом устраивали концерты, показывали акробатические живые картины, читали зажигательные стихи пролетарских поэтов — Маяковского, Демьяна Бедного. И просто разъясняли смысл всех внешних, внутренних политик: одни люди хотят сделать других своими рабами, взяв силу, безнаказанно угнетать, убивать, делать подлости.

А в феврале отца убили... Ночью, подло, сзади. Ударили топором. Уже мертвого ржавыми навозными вилами подперли, поставили возле дверей сельского Совета.

Она тогда болела... Сестренку увезли в детдом.

После болезни прошло всего ничего. На впалых щеках еще держится голубоватый оттенок, под глазами черные полукружья, платье свободно болтается. Неорганизованный молодняк — здоровые задастые девки, сплевывая семечную шелуху, ехидно спрашивали, какими ножницами нынче стригут комсомолок, простыми или овечьими; дернувшие самогонки парни орали вслед матершинные ча-

стушки, разные гадкие припевки. Село большое, шесть длинных улиц, народу тьма-тьмущая, а в ячейке всего двадцать человек, из них пять девушек, все подвергались насмешливому зубоскальству. Дети кулаков, мироедов, змеиного рода подкулачников имели веские причины злобиться, остальные чесали языки просто так, были жертвами собственной темноты. Не могли уразуметь, зачем вечерами собираться, чтобы читать газеты, обсуждать внутреннюю политику, если можно поухажориться, весело поплясать. Молодая кровь играет, самое время потискать заневестившихся девчат, пусть батьки ломают головы насчет новой жизни.

Она тоже любила поплясать, да разве до пляски тут!..

Комсомольцы постановили: ввиду слабости здоровья направить ее в сельскую столовую помощницей повара. На других работах от нее пока никакого толку, в поле на первом кругу упадет в борозду. Ячейка направляла ребят на горячие участки в своем колхозе, путевками посылала на курсы специалистов сельского хозяйства, на великие стройки социализма. Она хотела стать учительницей, окончить педагогическое училище. Для этого требовалось немного: только умение читать, писать, знать четыре действия арифметики. Эту мечту пришлось отложить.

Стала жить одна. Без надсады, привычных домашних забот. И в столовой тоже... Ну разве трудное дело начистить картошки, для борща накрошить капусты, из старого сала нажарить шкварок для кулеша. Не утомляла такая работа, как прежде, чтобы вечером усталой бухнуться в постель, закрыть глаза, забыть про все на свете. А в хате только ходики нарушали тишину, непривычное одиночество вызывало лютую тоску. Чтобы не кукситься, вечерами посещала ячейку, изучала сложность текущего момента: после повального раскулачивания, местных перегибов коллективизации вышло официальное разъяснение, где было ясно сказано, что можно делать, чего нельзя. Некоторые самораскулаченные, кто зимой порезал скотину, прогнал работников, прикинулся трудовым элементом, также часть неустойчивых середняков снова вспомнили единоличничество, разобрали обобществленных коров, потребовали возвернуть земельные наделы. Колхозные активисты языки истрепали, уговаривая селян погодить необдуманно поворачивать оглобли. Одни мужики молчаливо выжидали, чем дело закончится, другие исподтишка мутили воду, третьи почуяли силу. В округе

ходили слухи, что стали постреливать, село тоже ночами иногда будило гуканье обрезов. Комсомольцев направили поддерживать разъяснительную работу, обязали обходить хаты покачнувшихся селян, беседами раскрывать глаза, показывать невозможность возврата прежней жизни. Ходили обыкновенно парами, чтобы девчата сдерживали парней, которые быстро распалялись, начинали ругаться, иные сами поддавались суждениям неустойчивых, теряли бдительность, незаметно надирались крепкой свекольной самогонки.

Васька свернул возле хаты, крытой очеретом, простучал ступенями крыльца. Внутри звякнула задвижка... В дверном проеме показался крепкий коренастый мужик, над головой держал керосиновую лампу, которая красновато освещала обросшее густой щетиной лицо, настороженно прищуренные глаза, нательную рубаху, пестрядинные штаны. Васька вежливо поздоровался:

— Здравствуйте вашей хате!

— Будь здоров, Дегнера! С кавалеркой, бачу, прийшов!

— Язык попридержи обзываться! — насупился секретарь.

Сердюк, так звали мужика, вдруг сердито взъерошился:

— Вам чого потрибно? Знову прийшлы агитировать, так агитируйтэ! А брови тут ломать нечего. — Почесал волосатую грудь, потом, протяжно подвывая, зевнул. — Та ладно, заходьте, побалакаем трошки.

В кухне кисло пахло опарой, овчиной, на столе блестела удилами уздечка с сапожной иглой в сыромятном ремешке. Сердюк плотно прикрыл дверь в чистую половину, бухнул на стол полчетверти самогона, выставил миску с одуряюще пахнущими укропом огурцами, кусок сала в розовых мясных прожилках. Она сглотнула враз загустевшие слюнки. Голодать не голодала, чужие куски не выглядывала, но после болезни постоянно хотела есть. Васька расстегнул верхние пуговички косоворотки, тоже громко сглотнул, видимо, унимая взыгравшийся аппетит, и одобрительно указал глазами на стол:

— Не бедствуешь, дядько Панас!

— А я и раньше гарно жил. От цими руками усе добув, — мужик показал крупные темные ладони. — Сидайте. Выпьем, закусим чем бог послал... На пасху, ба-

чив, вам и похристосовываться не довелось, ликарню штукатурили.

Васька стопочку решительно отставил, отрезал два ломтя хлеба, положил сверху толстые куски сала.

Она, стесненно улыбаясь, откусывала маленькие кусочки. Сало пахло чесноком, таяло во рту. Сердюк махнул стопочку. Весь передернулся, сипло выдохнул, маленькие умные глаза под кустистыми бровями повлажнели, заблестели откровенным насмешливым интересом. Секретарь сыто икнул, начал деловой разговор:

— Вот такое сальцо, на самый большой! — показал большой палец, после чего повысил голос, видимо, хотел выглядеть старше, опытнее. — А рабочий класс, который предан идеям революции, в поте лица сейчас создает промышленность. И до сих пор сквозь пустой живот прощупывает свой натруженный позвоночник.

Сердюк похрустел огурцом, заинтересованно вскинулся:

— А ну, ну, цикаво... Шо вин там прощупывае?

— Хребет внутри своего организма.

Мужик хитро прищурился, почесал подбородок, щетина под ногтями жестко скрипнула. Он вчера был в городе, *худых там не видел. И жинки справные, что сзади,* что спереди. Все веселые, красивые. Достал кисет, принялся сворачивать самокрутку. Васька обеими пятернями поправил длинные волосы, осуждающе нахмурился. Сначала надо окрепнуть индустриально, очистить людское сознание от гнилья буржуазности, вот так весь народ постепенно станет полностью советским. Сердюк искренне удивился:

— А мы какие?

— Мы на подходе. Живем при Советской власти, это точно. А внутри маемся старыми пережитками и рабскими привычками. По части религии, например. И по женскому вопросу... — секретарь махнул рукой. — Да чего говорить! Твой сынишка, дядько Панас, вот он будет жить полностью коммунистично. А лично тебе надо еще много работать над своей сознательностью. Не прятаться от сложности момента в своей хате с краю возле макитры с галушками. Сейчас рабочий класс сидит на пайке ржаного хлеба, потому что некоторые неустойчивые мужики качнулись к врагам, мечтающим задушить страну костлявой рукой голода. Чтоб у них повылазило! И ты натурально тянешь вожжу в ту же сторону.

— Спаси и помилуй, матушка царица небесна! На-

плюй мени в очи. — Сердюк истово перекрестился. — Я цих мыслей николы... Шоб людыну костлявой рукой... Не вовк, чи якнй ведмедь!

— А из колхоза выписался.

— Твоя правда, Дегнера.

— Ну и вот!

— Шо?

Васька кинул яростный взгляд, дескать, нечего придурком прикидываться! Русским языком давно сказано, что с мелким хозяйством из нужды не выбраться. Однолемешники будут хрячить на прокорм и продналог, а колхоз скоро получит трактор, обеспечит хлебом себя, начнет кормить страну. Он делал вид, что все знал, но голос срывался, в глазах сквозила беспомощная подозрительность, будто ожидал подвоха. Сердюк выдохнул густую струю дыма, щуря левый глаз, с любопытством, разглядывал ребят.

— Доки сонце зийде, роса очи выисть.

— А вот это вражеская пропаганда!

— У твоего батька сын дурень, не узнал пословыци.

— За такие пословицы к стенке надо приставлять!

Сердюк насмешливо посоветовал:

— Сопли пидбери, потим лякай.

В кухне установилась напряженная тишина. Васька хмурился, молча разил мужика взглядом. Тот, молча рассматривая уздечку, откровенно жалел напрасно потерянное время.

Она подумала, что отцу приходилось вести такие же долгие разговоры, силком тянуть сельчан в новую жизнь. Но встречал твердолобое непонимание, раздражающее упрямство, и дома его догонял страшный судорожный припадок. Злость ударила в голову горячей волной.

— Вы все... Вы все тут дураки! Ну чего чухаетесь? От оков вас освободили, за уши тянут в светлую... А вы не хотите этого понимать, да еще кочевряжитесь, как вши на гребешках!

Хотела добавить обидного, но захлебнулась неожиданно хлынувшими слезами. Перед глазами, расплываясь, маячил медный крестик на черном шнурке-гаснике, выпавший из разреза нательной рубахи хозяина. Сердюк выпил еще стопочку, вместо закуски глубоко затянулся дымом, потом заговорил покладисто, рассудительно, серьезно. Он не против колхоза, рано или поздно этого не миновать. Ему тоже надоело одному надсаживаться, каждую осень увязывать концы: при военном коммунизме

была продразверстка, подчистую зерно выметали, теперь установили продналог... И секретарь пришел большим начальником, вместо того, чтобы просто посидеть, поговорить душевно, как люди говорят... Ребята очень быстрые. Наверное, думают стоит только собраться вместе, все межи перепахать, и сразу манна с неба посыплется. А не выходит одним махом! Они еще под стол пешком ходили, когда мужики решили сделать коммуну, собрали скотину, начали кормиться из общего котла. Но какие-то злыдни подожгли конюшню, сгубили последних бедняцких лошадей, весной снова пришлось кланяться кулакам. Вот такая вышла промашка! На молоке тогда крепко обожглись, теперь осторожно на воду дуют. Васька без прежнего напора сказал, что тот случай надо считать разведкой. Горький опыт коммун будет хорошим уроком при организации колхозного строя. Трудная это доля — строить новый мир, и никто не знает, как его строить, поэтому выходит много всяких перегибов.

— Для тебя розвидка, для людей життя. Не у цацки играем! — Сердюк опять поскреб пальцами густую щетину. — Та ладно. Шо з возу упало, то пропало. За колгосп теж дуже много переказувалы. За грудки друг друга чипалы. Куркулей раскудлатили. Я трохи помозговал. Дило стояще, чекать нема дурных. Ты меня знаешь, Дегнера. За грех горбачу. Скотина справна. А подывись на хату! У кого ще така гарна хата?

Васька согласно кивнул:

— Да чего канителить, ты мужик хозяйственный!

— Я и думал, шо у колгоспи уси будуть хозяины. Не можу кучеряво розмовляты, но душою розумию... Колы хлиб делим поровну, то кожна людына должна робыть по совести. А як на деле? Одних паразитов пид ноготь, а других зараз на шею сажаемо?

— Ты на что намекаешь, дядько Панас?

— А на то... З ранку горилку пьють. Быков бьють палками до живого мяса. Плуги ржавеют без догляду. Шо мовчишь? Чи не бачив? Цих трутнив тягають до начальства, на собраниях ругають, а воны там покаються, и знову регочуть. И я не хочу кормить нахлибников. От така буде моя пропозиция!

Васька растерянно поскреб затылок, потом неуверенно согласился. Еще есть процент несознательного элемента. Не все стали настоящими хозяевами новой жизни. Много думал насчет этого, сделал такой вывод: комсомольцев, партийных, вообще колхозников, совершивших раз-

ные проступки, надо судить строже, чем других простых людей. К определенному законом наказанию добавлять строго, как подрывающим авторитет комсомола, партии, всего святого общего дела! С другой стороны поглядеть, все они — люди. Поэтому сейчас приходится личным примером выкорчевывать паразитические наклонности, любую политическую незрелость. Сердюк посопел, угрюмо сказал:

— От ты давай выкорчевывай своим примером. А у меня руки чешутся взять оглоблю, щоб тот процент... Да чого балачки разводить! Нэма дурних працювать на разный элемент. А там подывимость, чем дило закинчется!

Возвращались поздней ночью, улицу накрыла непроглядная темнота, ветер шелестел молодой листвой. Звезды мигали между черными пятнами медленно ползущих облаков. Васька всю дорогу горячо рассуждал насчет трудностей создания нового человека, силился постигнуть сложные выверты человеческой натуры. Если разобраться, раньше было проще... На гражданской, например, войне враг всегда виден, коли штыком, глуши прикладом! Здесь сейчас сплошная маета, никакой настоящей борьбы, вместо врагов вокруг просто темные полуграмотные мужики. Прищемишь такого умным словом, сразу шелковым делается, вскидывает копыта вверх!

Она шла, слушала жутко умные речи. Кружилась голова, сердце заходилось счастьем идти рядом, чувствуя рукой руку парня, волнующую близость, томительное предчувствие ощущений, тайно мучивших бессонными ночами. Даже стала нарочно спотыкаться, чтобы напомнить: она здесь, рядом идет, это сейчас главное! Кажется, добилась своего. Васька встал, вплотную приблизив лицо, начал молча вглядываться. Она зажмурилась, с радостной готовностью привстала на цыпочки. Сознание зазорности поцелуев вызывало мучительную стыдливость. Но пересиливало хмельное желание наконец испытать пока запретную взрослую ласку, снова хотелось уловить ускользающую, мимолетную возможность почувствовать себя немножечко счастливой. А что такого? Маяковский, этот трибун революции, суровый пролетарский поэт, тоже говорил, что человек должен быть заводом, вырабатывающим счастье. Секретарь наконец громким шепотом сказал:

— Сердюк крепкий орешек, язви его душу! — после

чего зашелся долгим кашлем, словно подавился рыбной косточкой или мучился простуженным нутром. — Ну до чего упертый, хоть кол на голове теши! Да ничего... Все они возвернутся. Это реальность недалекого будущего!

Он если скажет, так скажет, все сразу проясняется. Она согласно кивала, стараясь унять участившееся дыхание. Мелко дрожавшие коленки медленно успокаивались, волнительный порыв незаметно улетучивался, словно выдувался теплым весенним ветром. Васька громко сглотнул, потряс руку энергичным комсомольским прощанием, и его сапоги зачавкали по дорожной грязи. Удалявшиеся шаги вызвали непонятное обидное разочарование... Она еще немного постояла возле калитки, охлаждая ладонями пылавшие щеки. Потом неожиданно испугалась: что делать, если парень надумает вернуться? Проворно распахнула калитку. И уж на крыльце рассудительно додумала — чего краснеть, совеститься, выдумывать себе невесть что! Не свататься, поди, приходил секретарь, по комсомольскому заданию, и тут весь с него спрос!

Хата оказалась незапертой, хотя она хорошо помнила, что закрывала висячий замок. Ключ положила на косяк, в этом месте добрая половина сельчан хранила ключи. Красть вроде нечего, а воры знают, куда идут. Но могли зло подшутить или даже снасильничать мордастые сынки местных богатеев. В такую ветреную ночь и крика никто не услышит. А если услышит, не каждый кинется выручать, кому охота получить колом по голове!

С плетня сняла глиняную кринку, вооружившись таким образом, почувствовала себя увереннее. Осторожно толкнула входную дверь. Петли протяжно скрипнули, из сеней дохнуло знакомым жилым теплом. В кухню вошла крадучись, пугливо напряженной. Но услыхала размеренное тиканье ходиков, облегченно перевела дыхание и тихо рассмеялась над своими недавними страхами.

Сзади раздался громкий шорох. Ужас знобко сыпанул вдоль спины острыми иголками. Кринка выскользнула из ослабевших пальцев, с оглушительным грохотом разбилась. Шею крепко обхватили цепкие руки. Раздался протяжный всхлип. В лицо ткнулась лохматая голова, от которой резко пахло шпалами железной дороги.

— Сестричка, ридненька! — послышался торопливый шепот. — Сховай меня... Не отдавай обратно в тот детдом. Все буду дома делать! И слушать тебя буду, как мать родную... Только не отдавай, сестричка моя ридненька!

Она молча плакала, гладила худые плечи сестренки, ощупывала полоски ребер, выступавшие бугорки позвонков. Уже привычно, озабоченно думала, что сейчас надо нагреть воды, хорошенько отмыть девочку. Снять свалявшиеся, насквозь пропыленные, наверное, завшивевшие волосы. А в это время отварится картошка, можно намять, сдобрить подсолнечным маслом. На казенных харчах небось девочка хорошо наголодовалась! И они теперь будут жить вдвоем. Она все сделает, чтобы жилось хорошо. Ведь недаром говорится, что баба, если надо, тупой косой поле выкосит!

2

Тонкое полупрозрачное облако медленно накрыло половинку луны, холодная темнота вытеснила серый неяркий свет. По крыше амбара прошелестел порыв ветра, сверху упал обломок камышины. В куточке под широкими ступенями лестницы было спокойно, ветер проходил поверху, стена тоже хорошо загораживала. Петя сворачивал самокрутку, озябшие пальцы плохо слушались, рассыпали крупные махорочные крошки. Она смешливо вздохнула, продолжая начатый разговор:

— Ну конечно, пережиток прошлого. Но какие видные хлопцы взяли рябых, кривых хозяйских дочек, которые имели богатое приданое. Воронка, кстати сказать, твой лучший дружок... За ним самые раскрасавицы увивались. Полину взял, батьки добавили сундук добра, корову, телушку.

Петя негромко насмешливо буркнул:

— Большое счастье телушка!

— Не скажи... Ты тоже, поди, не посватаешь дивчину, у которой за душой ни гроша, а в кармане вошь на аркане. А у меня всего приданого одна сестренка. Аньку надо поднимать, пока разума наберется.

Петя прикурил, накрывшись полой тулупа.

— Да будет прикидываться! Ты девка видная, не дура какая, на кого перед сном лучше не глядеть. Если приснится, кондрашка хватит! На тебя любой глаз положит... Сама шибко копаешься, лук за овощ не считаешь!

Она удивилась такому повороту, растерянно обомлела.

— Вот дурной, ей-богу! И как только язык повернулся! Я копаюсь! И лук... Эх! Да мое времечко ушло, как вода сквозь пальцы. С молоденькими хлопчиками неинтересно, парни постарше расхватаны бойкими дивчинами, другие выбирают невест побогаче.

Хотела добавить, что, кроме этих любовных вопросов, имеет много других важных дел. Но не умела кривить душой, поэтому накрылась полой тулупа, словно замерзла, теперь согревала лицо... По путевке ячейки могла поехать учиться, чтобы стать учительницей, тем более, что Центральный Комитет комсомола объявил ударный призыв пятидесяти тысяч комсомольцев для педагогической работы. Но пришлось остаться, без пригляду сестра пропадет.

На работе уже справно выполняла свои обязанности, едоки довольно похваливали, приходили просить добавки. Особенно парни, молодые мужчины, при этом норовили заглянуть под вырез халата, некоторые приглашали вечерком погулять возле речки. Она краснела, отшучивалась... А что еще оставалось, если вовсю разневестилась: вились вновь отросшие белые волосы, худоба обернулась стройностью. Уже стала совсем взрослой, вроде перестала верить чудесам, но летом на Купалу вместе с девчатами пускала по речке сплетенные из полевых цветов венки с горящими свечками. И, обмирая сердцем, долго следила, как уплывал огонек, куда приставал: где пристанет, оттуда надо ждать счастье!

А ночами перечитывала старую замусоленную книгу, тайно упивалась красивостью благородной любви прекрасных королев, эдакой возвышенной страстностью графов, виконтов, маркизов. На селе любовь всегда выворачивалась неприглядной стороной, для женитьбы завести ухажорство, это дело понятное, разные такие чувства считались дурью, даже распутством, влюбленных провожали постыдными намеками, похабными частушками. И манеры местных кавалеров сильно отличались от изысканной воспитанности книжных вздыхателей, готовых отдать жизнь, только чтобы чмокнуть надушенную ладошку дамы своего сердца. О какой можно говорить обходительной галантности, если парни отпускали крепкие словечки, раскатисто сморкались, зажимая пальцем ноздрю, стоило остаться одним, сразу распускали руки, норовили огладить запретные места.

Васька, первая тайная любовь, уехал руководить комсомолом районного масштаба. Новый секретарь помоложе, разрешал девчатам пудриться, одеколониться. По старой привычке она кляла бытовые проявления буржуазности, однако подолгу чепурилась перед зеркалом, шила фасонистые платья, выбирая ситчик ярких расцветок.

Петя затянулся махорочным дымом, потом глухо сказал:

— Для меня гарна дивчина дороже богатства.

Она шутливо поддержала разговор:

— Так бери меня, кто тебе не велит!

Он придвинулся вплотную, щекотнул усами щеку:

— А что, возьму... За милую душу! До ранку продежурим, вот тогда. Зараз нэможно, бо потеряем бдительность, злыдни все зерно разворуют. — Втянул носом воздух, шутливо блаженно вздохнул. — У тебя волосы полынью пахнут. Аж голова кругом, какой запах духмяный!

— Есть хочешь, поэтому кружится.

Она сказала спокойно, вроде продолжала шутить, хотя ласковый голос парня заставил сердце дрогнуть. Петя немного отстранился, всегда улыбчивые глаза глянули непривычно серьезно. Потом рывком поднялся, сунул под мышку одноствольное ружье. Медленно пошел вдоль белой саманной стены амбара, ссутулившись, покачиваясь. На углу ветер выдул из самокрутки искры, унес их в темноту красными волнистыми полосками.

Петю она знала всегда. Тоже круглый сирота, жили совсем рядом, через улицу стояла его кособокая хатенка, крытая околотом. В комсомол вступали вместе, часто на пару выполняли разные поручения.

Из худенького хлопчика получился спокойный улыбчивый парень. Когда приходил отведать столовских харчей, она замечала неумело чиненные рубахи, оторванные пуговицы, другие признаки неухоженности, вызывавшие жалостливое сострадание, и черпала борща погуще, в миску накладывала каши побольше.

Легкий декабрьский морозец одевал лужи тонким ледком. Повсюду овечьими шкурками белели снежные островки. Но уютное тепло под тулупом напоминало весну... В этом году весна выдалась ранняя. Враз осели сугробы, быстро разбежались звонкими ручейками, речка распластала лед, как тесную кожушину, талая вода затопила левады, только старые вербы торчали, неровной полосой обозначая русло. Деревья быстро окутывались зеленым дымом молодой листвы, появились белоклювые грачи, над полями временами поднимались большие стаи, издали напоминавшие растрепанные ветром черные облака. Старики прикладывали к лысинам влажные комья чернозема, чтоб вернее определить начало сева, удивленно качали головами: по срокам вроде рановато, по земле самый раз

начинать. Тремя тракторами дружно вспахали колхозные поля, отсеялись, получили благодарность райкома партии, почетные грамоты, премии деньгами, мануфактурой.

Колхоз уверенно становился на ноги, появились первые советские комбайны, заменившие косы, конные косилки. Возле станции начали строить большой районный элеватор. Был разработан колхозный устав, где четко говорилось, как и что организовывать, создавать бригады. Сплошную уравниловку оплаты заменили трудоднями, как потопаешь, так полопаешь, для лодырей, разгильдяев это острый нож. Появилась необходимость учиться управлять коллективными хозяйствами, устарели дедовские методы, комсомольцев посылали на курсы полеводов, животноводов, учетчиков, девчата становились механизаторами, осваивали мощные тракторы.

На время посевных, уборочных она оставляла столовую. Сев или страда самое горячее время, комсомолке стыдно отсиживаться около теплой печки. Еще был простой житейский расчет наработать трудодней, чтобы потом двоим кормиться. Свой огород тоже надо вскопать, обсадить, обиходить. На трудодни выдавали неплохую натуроплату, однако своя капуста, картошка, огурцы зимой хорошо выручали. Аньке, сестренке, пошел четырнадцатый год, ростом почти догнала, посильно помогала тянуть хозяйство. Но, видать, природа немного ошиблась, снабдила девчоночье обличье мальчишеской натурой. На машинном дворе дневать, ночевать была готова возле тракторов с железными шипастыми колесами. В карманах таскала винтики, гаечки, болтики, ходила вечно замасленной, промазученной, стыд поглядеть. И домой загнать невозможно... А если загонишь, все мыло изведешь, чтобы отмыть, отбить стойкий керосиновый запах. Ругать тоже бесполезно, девчонка таким образом подражала боевым трактористкам, про которых много писали газеты.

Этой весной, как прежде, незаметно отцвели вишни, яблони, потемнела, запылилась листва высоких пирамидальных тополей. На сельских улицах вечерами пиликали гармошки, это вовсю веселился незаметно поднявшийся, недавно сопливый молодняк. Девчата постарше, принарядившись, в левадах за околицей душевно спивали: «Ой, у лузи, лузи червона калина...» Девичество затягивалось, начинали томить непонятные настроения, мучила жаркая бессонница. В ночной тишине душа металась большой белой птицей, хотела вырваться, улететь высоко, навстречу

неведомому счастью, наслаждаясь высотой, сладким головокружением. Рассветы приносили облегчение, потом начинались житейские хлопоты, хотя средь бела дня душа тоже тайно проявлялась, заставляла чувствовать себя взрослой птицей, уже заботливо раскинувшей над гнездом широкие крылья: так аисты берегут птенцов от непогоды... В самом раннем детстве возникло постоянное чувство заботливости, оно усиливалось, размягчало характер. В ячейке иногда мысленно осуждала свою мягкотелость. Тут надо бить врагов трудового народа, беспощадно приносить жертвы мировому катаклизму: она, наоборот, ненавидела драки, любую жестокость, тайно жалела всех. Ведь все люди одинаково страдают после кровавых потасовок, злоба рождает только большую ожесточенность, если жить таким образом, скоро останутся одни плохие чувства. И из газет знала, что время тревожное: страны капитала сотрясали кризисы, всякие депрессии, поэтому буржуям неймется. Итальянские, немецкие фашисты стали управлять своими государствами, спешно строили военные заводы, японцы вообще распоясались, силком захватили часть китайской территории.

Морозный воздух прогнал теплую полудрему.

— Ты бы шла домой! — Петя, отогнув воротник тулупа, вполголоса говорил настывшими губами. — Иди домой, говорю, здесь может выйти большая буза. Матюгов наслушаешься, зашибут ненароком.

Она испугалась, хотя застыдилась своей трусливости.

— Вместе начали дежурить, вместе закончим!

Петя пожал плечами, забрался под тулуп.

— Ну до чего горячая дивчина, чисто к печке привалился, — сказал, постукивая зубами в холодном ознобе и после недолгого молчания осторожно спросил: — Мы тут вроде решили пожениться... Правда или шутковала?

Она опять обомлела, но не подала виду.

— А ты как хочешь, шутейно или серьезно?

— Хочу, чтоб в полной серьезности. Я из-за тебя давно ночей не сплю. Хочешь, побожусь, землю буду есть? Да ты этого не бачила. Где уж было углядеть! Дегнеру, нашего прежнего секретаря, глазами нежила. Вся при нем прямо вспыхивала и каждое его слово изо рта ловила, будто оттуда леденцы сыпались. И в своей столовой... — парень говорил спокойно, будто перегорел внутри, остались только подернутые пеплом угольки. — За

обедом разводила тити-мити с инженером. Ну, который элеватор строил... Перед начальником милиции хвостом виляла, мне кусок в горло не лез!

— Да ты что, совсем умом тронулся? — Она искренне возмутилась. — И в мыслях не держала вилять, с чего тебе такое привиделось? Мне сестренку надо поднимать. И на потом есть мечта стать учительницей, чтоб учить ребятишек грамоте. Отец говорил, что это самое нужное дело после хлеборобского.

Петя сунул руки в карманы тужурки, пахохлился.

— Да ладно намекать! И так на душе муторно, будто в пост оскоромился. — Он не мог скрыть обиды. — Я босота, маленький человек. И мечту имею тоже маленькую, этой зимой закончить на шофера. Где нам глаз класть на будущих учительниц!

Она прильнула к парню, чтобы своим теплом унять его зябливую дрожь. А в памяти мельтешили цветные картинки: ведь было, раньше часто встречала вопросительный, немного грустный взгляд его серых глаз.

— Ты совсем глупый человек! Я не цыганка какая, чтоб чужие мысли угадывать. Ну, как, спрашивается, могла узнать, что так тебе глянулась! — И решила немного схитрить: — Правда, недавно раскидывала карты... В ячейке, смотри, не сболтни, ребята засмеют. И рядом всегда выпадал червонный король вроде тебя, блондинистый... — Не умела кривить душой, опустила глаза, увидела в руке парня тускло блестевшие латунные столбики. — Ты зачем достал патроны?

Петя, клацнув затвором, зарядил ружье.

— У меня глаз наметанный, сегодня точно будет гость. За углом в фундаменте кирпичи расшатаны, стоит вытянуть — из дыры можно зерно выносить мешками. Но шалишь, цей номер не пройдет, знову покажем злыдням безумство храбрых... На месте застукаем, сдадим начальнику милиции, чтоб другим неповадно было. Все, утихни, ставь уши топориком!

Она настороженно прислушалась. В камышовой крыше амбара шелестел ветер. На станции коротко свистнул паровоз, загрохотали буфера вагонов. Снова наступила плотная, гнетущая, пугающая тишина...

Она шепотом спросила:

— Может, сегодня никто не придет?

Петя погладил ствол стоявшего между коленей ружья.

— Да кто его знает? Иной раз колобродят вокруг всю ночь, а подойти слабо. Та не журысь! В первое дежурство мне тоже за каждым кустом казалось... И хоть зови маму! Ты поспи немного. Если что — разбужу!

Она достала горбушку, честно разломила пополам.

— На, подкрепись, чтоб голова не кружилась.

Петя громко сглотнул, отчего кадык на длинной шее дернулся снизу вверх, обеими руками осторожно взял хлеб, жадно втянул носом душистый ржаной запах. Все ребята разом сметали свои пайки, потом много курили, глушили голод табаком, поэтому быстро подсыхали, костлявились. В житейском смысле девчата изворотливее, умели сдерживаться, экономить продукты. Или накопают съедобных корешков, наварят пустых щец, и на душе вроде веселей. В длинные зимние вечера собираются вместе прясть, поют печальные песни: «Закувала та сива зозуля рано вранци на зори...», рассказывают разные страшные небылицы, после которых любой голод забывается. Если, например, плохо закрыть вьюшку, в хату через трубу могут залететь неприкаянные души убиенных злодеев, чтобы напиться живой крови. Ужас, как страшно, особенно когда при таком рассказе срывается кусочек сажи, по углям начинают метаться яркие искры: тут забываешь, что комсомолка, невольно суеверно перекрестишь печку.

Столовую закрыли после уборки озимых, когда стало ясно, что год этот будет трудным, придется потуже затягивать пояса или ожидать худшего. В сельсовете ночами горел свет, председатель, колхозные активисты усиленно думали, пытаясь спасти все, что еще можно было спасти. Утром посылали бригады заготовлять полову для скотины, в левадах поливать капусту, на полях проса, ячменя дергать бурьян. Но при всех стараниях натуроплаты на трудодни выходило всего ничего. Бедные многодетные семьи голодали, люди слабли, отчаивались. Некоторые заколачивали хаты, в город уходили, в хлебные края, но городской народ тоже кормился по карточкам, а неурожай захватил самые хлебные области. Правление колхоза организовало колпит, для которого выделяло продукты, резало негодь — яловых, старых коров. В поля вывозились котлы, обеспечивали работников сытным варевом. Добрая подмога при малых достатках! Секретарь ячейки предложил комсомольцам сдавать для колпита свои трудодни. И хотя многих ребят шатала слабость, проголосо-

вали единогласно. Была причина поддержать правление... К котлам тянулись сельские ребятишки. И в колхоз начали вступать селяне, наконец осознавшие полную безнадежность единоличничества.

Ночами отдыхать было некогда, приходилось охранять народное добро. Лихие люди повадились чистить огороды, уводить скотину. Анька, сестренка, позабыла машинный двор. С мальчишками занималась промыслом. На обмелевшей речке ловила рыбу. Из степи приносила тощих сусликов. Не ахти какая добыча, хотя мясной приварок.

Милиция растрясала дома под железными крышами, под расписку изымала припрятанные излишки. Не обходилось без ругани, драк, стрельбы... Комсомольцев обязали проведывать сельчан, которые пухли, собирали чахлую лебеду, перебивались жидкими болтушками, однако пытались сохранить свою единоличную независимость. Часто заставали взрослых мертвыми, детей едва живыми. Подгоняли мажару, грузили трупы, везли хоронить. Сирот сельский детсад малость подкармливал, потом сдавал городским детским домам.

Она сильно мучилась при виде тонких детских ладошек, судорожно хватавших кусочки хлебца, которых хватало для двух жевков; при истощении поначалу много давать нельзя... После уборочной трудодни отоварили зерном. Вышло всего ничего, кошкины слезы, долго прокормиться такой натуроплатой невозможно. Но люди сразу стали печь хлеб, очень хотелось настоящего хлеба без мякины, лебеды, отрубей. Многих тогда убила неожиданная сытость, кладбище пополнилось свежими могилами. Она тоже немного помучилась животом, потом стала сдерживать аппетит, жадное желание быстрее заглотить душистый хлебный кусочек. Аньке, сестренке, подсовывала лишние горбушки. Росла девчонка, молодой организм много требовал. При виде голодного блеска черных глаз сердце кровью обливалось, хотя сделать ничего невозможно, сама постоянно думала про еду, снилось тоже только съестное: ешь сколько угодно, никак нельзя наесться. Душа медленно запекалась тревожным ожиданием большого несчастья... Она однажды испытала такое. Тогда во время солнечного затмения солнце медленно накрывала чернота, все вокруг замерло, даже куры угомонились, бесформенные тени листьев сделались одинаковыми узенькими полумесяцами, жутковатые дневные сумерки напоминали обещанный старухами конец света.

Петя громким шепотом сказал:

— Явился, милок... — неохотно откинул полу тулупа. — Я пойду один. Ты пока подожди. На всякий случай вот тебе свисток, держи наизготовку. Как только махну, дуй изо всех сил!

Он неслышными шагами двинулся вдоль стены амбара. По мутно-белой, освещенной луной штукатурке заскользила вытянутая тень. Она, зябко поеживаясь, пошла следом, старательно обходила лужи, чтобы не хрустеть тонким ледком. От страха хотелось сжаться маленьким незаметным комочком или тотчас разорвать свистом зловеще настороженную тишину. Ветер ледяными порывами обжигал щеки. На цыпочках подошла к углу амбара, осторожно выглянула: с крыши косо опускалась черная непроглядная темнота, словно кусок пространства густо замазали сажей.

— Здорово, мужики! — послышался спокойный насмешливый голос. — Допомога не требуется? Да не ховайтесь друг за дружку, я вас всех высмотрел. Закладайте дыру обратно, пошли в милицию объясняться.

— Петро, не губи ради Христа-спасителя! — слезно взвыл сиплый голос. — Бес попутал... Голодуха проклятая. Дома диты малые есть просют. Слезьми обливаются... Хоть шей суму и иди по миру.

— Ты, Сухан, детьми не прикрывайся. И я знаю, какой бес тебя попутал. В бригаде летом работал спустя рукава, дома огород бурьяном порос, поэтому зараз жрать нечего. А ты же колхозник, шкура! Тебя надо вдвойне судить, что пришел колхоз грабить.

— Петро... Диты... Не бери грех на душу!

— Летом надо было своих детей вспоминать.

— Послушай, Макада, погоди мельтешить. Давай разойдемся по-мирному, — предложил сочный молодой басок. — Мы зараз заделаем эту дыру. Ты нас не видел. Мы тебя не знаем.

Она узнала голос сынка местного мироеда, красивого блондинистого парня, он водил компанию лихих хлопцев, от зуда дурной крови часто учинял жестокие драки. Этот парень исподтишка калечил свинчаткой, выставляя противникам зубы. Таких обычно наказывали миром, могли крепко отвалдачить, переломать ребра, этого трогать побаивались, знали, что мог вытащить ножичек. Петя раздраженно сказал:

— А ты заткнись! Свое зерно закопал, к нашему протягнувся?

— Зубы не показывай, Макада, потерять можешь.
— Ворон лякай на своем огороде.
Опять взрыднул сиплый голос:
— Петро, на колени встану!
— На черта мне твои колени? Зараз нечего давить на жалость, прибереги слезы для милиции. Короче, дело к ночи... И ты, Бармин, швыдчэ поварачивайся. Не пинай мешок — колхозное добро.
Сочный басок длинно матерно выругался, заглушая нудные сиплые причитания. Петя спиной вперед вышатнулся из темного пространства, вскинул ружье, под луной холодно блеснул длинный ствол.
— Не балуй. Бери мешок и гайда вперед!
— Не маши берданкой, кожух спортишь.
— Стой, стрелять буду!
Из ствола вылетел яркий огонь. Грохот разломил тишину, ветер подхватил раскатистое эхо. После протяжного болезненного стона басок осатанело выдохнул:
— Попал, падла малохольная... А вы, дурни, чего стоите? По башке, по башке ему, пока перезаряжает. Всех подведет под монастырь, надо делать концы в воду. Шпак, вломи ему сбоку!
— Не горячкуй.
Петя наконец перезарядил ружье.
— Ша, мужики, хватит лаяться...
И не договорил. Шапка вдруг слетела, ноги медленно подогнулись, ружье ткнулось в землю стволом, еще раз ахнуло и отскочило в сторону. К парню из темноты кинулись три тени, свились черным клубком, замелькали кулаки...
Она, слыша гулкие удары собственного сердца, закусила свисток, долгий переливчатый свист прокатился над мерзлой землей.
Тени замерли. Потом, испуганно пригибаясь, бросились в разные стороны.
Она едва дотащила парня под широкие ступени лестницы, подстелила охолодавший тулуп. От нижней юбки оторвала широкую ленту, в затишке перевязала голову с липкими растрепанными волосами. Над амбаром висела неяркая половинка луны, видом напоминала свежеиспеченный, разрезанный пополам пшеничный каравай. Петя наконец очнулся, моргнул смерзшимися ресницами, непослушными губами попросил принести ружье. Она обрадованно зашептала:
— Здесь оно, здесь, принесла... А ты зачем с троими

связался, дурной? Ведь под горячую руку могли пришибить. И слава богу, что хоть этим кончилось!

— Могли пришибить... — Он потрогал голову, болезненно поморщился. — А я как тот хитрый Митрий, который вроде помер, а глядит. Где они, гады? Ну да ладно! Сухан и Шпак могут отболтаться. Не были, дескать, и не докажешь. А этот гад самораскулаченный не отвертится. Я ему плечо пометил. Чем это они меня вдарили?

— Шкворнем.

— В прошлый раз колом. Насилу отбился. И тоже убегли.

— Ты тоже хорош! — Она вдруг рассердилась. — Сразу начал палить, ведь убить кого мог насмерть. Да чего говорить. Бармин гад ползучий, это всем известно. А у Сухана шесть душ детей, без отца к весне семья вымрет. Жалко... Дети ведь, они в чем виноваты? И что вообще получится, если мы начнем палить в кого ни попадя?

Петя привалился к стене, согласно кивнул:

— Мне тоже жалко. В смысле детей... Не повезло им с такими батьками. Шпака все лето уговаривали вступать в колхоз, сама знаешь, какой упертый мужик! Сухан тоже фрукт. Лодырь, пьяница, пустобрех. А насчет Бармина... Была бы моя воля, все это хулиганье особым декретом объявил бы внутренним врагом Советской власти. Не дай бог, случится какая заваруха, без святого в душе все это гадье сразу предаст, продаст.

— Нет, это жестоко!

— А мне вломили — это как?

— Так тоже нехорошо... Совсем запуталась!

Петя разволновался, начал хватать ртом воздух.

— У тебя сестренка, ты не ходишь воровать! И меня зло берет... За Советскую власть столько крови пролили, зараз всякая погань, кто не хочет честно работать, из нее дармовую кормушку делает. Ну нет, шалишь...

Он не договорил, уронил голову, начал медленно заваливаться набок. Сквозь тряпичную повязку проступило темное пятно. Она опять перепугалась, крепко обняла парня. Чтобы быстрее очнулся, начала торопливо целовать худые твердые щеки, темные впалые подглазья. Губы наконец дрогнули, усы шевельнула слабая улыбка:

— Ишь какая горячая! Да погоди, не давай поцелуя без любви. До ранку продежурим, вот тогда... — Было непонятно, шутил или говорил серьезно. — Как твои волосы полынью пахнут. Аж голова кружится!

3

— С тех пор такими лунными ночами долго мучила злая тоска... — Она привстала, проследила, как теплый ветерок ворохнул полупрозрачную штору. — От жалости выть хотелось, впору было руки на себя накладывать!

Она стыдливо накрыла простыней груди, нежную белизну которых подчеркивал покрывший плечи густой южный загар, склонив голову, задумчиво оглядела квадрат голубоватого лунного света под высоким, настежь распахнутым окном. На даче возле забора санатория крутили патефон неорганизованные отдыхающие, слышался хрипловатый голос певца: «Луч луны упал на ваш портрет, милый друг давно забытых лет, и во мгле как будто ожил он, и на миг смешались явь и сон...» Вдали равномерно шумело море.

Сергей закурил, огонек спички выхватил из полутьмы белый длинный мундштук папиросы, крепко сжатые губы. На грудь поставил тяжелую стеклянную пепельницу, после долгой паузы осторожно спросил:

— А как сегодня? Опять соленое?

— Соленое...

Он медленно раскуделил ее волосы, потом слегка потянул, как любил делать.

— Я вообще удивляюсь, как это ваши хлопцы тебя раньше не увели? Помню, увидел тебя, сразу подумал, что всю жизнь искал такую белобрысую.

— Белокурую.

— Ну да, конечно, белокурую. Как артистка Любовь Орлова. Да куда там артистке! И какая, думаю, несправедливость, если она уже отдала свое сердце другому. Но мне крупно повезло!

— Ты невезучий... — Она запрокинула голову, чувствуя приятную тяжесть оттянутых мужской рукой волос. — Ты просто ужас какой решительный. Я тогда опомниться не успела, как стала женой!

В августе тридцать шестого село оказалось в районе военных маневров. Над башнями элеватора проносились юркие «ястребки», вызывая шумные восторги мальчишек. По улицам шли колонны пропыленных красноармейцев. Кормленые кони рысью тянули тяжелые пушки, боевыми эскадронами скакали лихие кавалеристы в синих галифе. Иногда военные задерживались около колодцев,

вокруг тотчас собирались селяне. Мужики угощали солдат табаком, разглядывали оружие, женщины выносили хлеб, молоко, яблоки. Девчата, неизвестно когда успевающие принарядиться, заходились призывно дразнящим смехом, подрывали воинственный дух, железную дисциплину красных армейцев...

Все дальше уходил голод тридцать третьего, оставив могилы, заколоченные хаты. Да черное пожарище.

Петя после дежурства пошел докладывать начальнику милиции, что произошло ночью. Она днем веяла семенное зерно, размышляла насчет неожиданного поворота судьбы. Не так все представляла. Не испытывала особой любви, чтобы поспешно выходить замуж. С одной стороны, выходило, лучше погодить. С другой — мучила боязнь остаться вековухой. По сельским понятиям, возраст для замужества предельный, сестренка дома — вот все девичье приданое. И вообще, если подумать, до морковкина заговенья можно ждать эту самую любовь!

После работы прилегла немного отдохнуть, незаметно придремнула. Проснулась среди ночи... Вернее, разбудили крики, частый тревожный перезвон пожарного колокола. В окошко было видно, как вдоль улицы летели длинные желтые искры сухой соломы, селяне валили плетни вокруг полыхавшей огромным костром хатенки Макады. Люди потом говорили, что дверь, окна были снаружи подперты бревнами, потом запустили красного петуха. Тут спастись невозможно. Петя тогда живьем сгорел, его потом всем миром схоронили. Бармин скрылся... Отца вызывал начальник милиции, устраивал допросы, однако старый мироед оказался тертым калачом, плел хитрые кружева. Сын, дескать, подался строить социализм, обещал прислать письмо, вот тогда будет известен адрес.

От близкого счастья осталось большое черное пепелище, там еще несколько дней, шипя, выхлестывались из-под обугленных головешек тонкие дымки, подрагивая, тянулись вверх, растворялись голубым морозным воздухом.

После засухи годы пошли урожайными. Вскоре отменили хлебные карточки, сельпо стало торговать дешевыми советскими товарами. Снова открылась столовая, она вернулась туда, сама начала работать поваром. Вновь замечала пристальные взгляды молодых мужчин. Они, правда, мало трогали, сердце долго оставалось нечувствительным, сильно обожженное ночным пожаром. А когда

немного отмякло, три года словно корова языком слизнула.

Аня подросла, оставила мальчишеские выходки. Из дерзкой вострoглазой разбойницы незаметно получилась пригожая черноокая, чернокосая дивчина. К сроку заневестилась, вечерами возле плетня начали маячить ломкоголосые парубки. Это понятно, такая куколя кого угодно присушит: личиком привлекательная, любила наряжаться, шила цветастые юбочки, расшивала блузки красивыми узорами. Не хватало, пожалуй, серьезности, все хиханьки, хаханьки. Но по хозяйству помогала, на каникулах зарабатывала трудодни. И училась хорошо, окончила сельскую семилетку, потом решила стать медицинской сестрой. В райцентр уехала учиться... Хата снова опустела.

Она поначалу растерялась, настолько неожиданно пришло постылое одиночество. Потом немного освоилась, даже наладилась осуществить свою давнюю мечту — стать учительницей. В райцентре нашла педучилище, узнала условия приема, расстроенной вернулась обратно: время прошло, условия изменились, уже недостаточно только умения читать, писать, знать таблицу умножения. Словом, четырех классов образования мало. Снова пришлось идти учиться, посещать сельскую вечернюю школу.

В тот вечер земля вдруг задрожала, раздался страшный грохот, в дребезжащих окнах класса показались диковинные железные машины на гусеничном ходу. Из круглых башен торчали короткие пушки... Все, понятное дело, побросали тетрадки, толпой кинулись рассматривать невиданную боевую технику. На площади перед сельсоветом быстро собралась толпа селян, настороженно, молчаливо наблюдавших, как открывались люки башен, оттуда вылезали прокопченные красноармейцы. Она, мучась жутким любопытством, энергично протолкалась вперед, тотчас почувствовала взгляд рослого парня. Он цепко, пристально смотрел, потом сбил назад кожаный ребристый шлем и ласково улыбнулся глазами.

У нее сердце оборвалось, заслабли коленки, некстати вспомнилось гадание. Еще зимой девчата собирались, пытались угадывать судьбу. В хату принесли белую курочку, трех петушков: белого, пестрого, черного. Поставили воды, насыпали проса. Белый петушок сразу пить, пестрый оказался драчливым, только черный ходил вокруг курочки, приглашал поклевать зернышек. Тут всем ясно:

блондинистый муж запьет, рыжий станет руки распускать, чернявого парня надо высматривать. Мальчишки облепили танки, норовили залезть внутрь. Мужики кулаками простукивали броню, дивовались неслыханной крепости. Она настороженно наблюдала за рослым танкистом. Он разговаривал с мужиками, раскатисто смеялся, отчего на смуглом лице ослепительно блестели крепкие зубы. Снял шлем, тряхнул густыми черными волосами: не только брюнетом оказался, красным командиром — красноармейцев стригли наголо.

— Ты тогда случайно попал ко мне на постой?

— Нет, конечно. Сначала провел глубокую тактическую разведку. — Сергей, вспоминая, смешливо прищурился. — Все вызнал о тебе у одного вашего тракториста. У него фамилия такая занятная... Воронка, кажется. Так что шел с полной уверенностью одержать победу. А ты как думала? — Он привлек ее, медленно погладил по спине сверху вниз. — У нас такие войска: скорость, маневр! А если бы получил от ворот поворот, увез бы в танке силой, как черкес или какой башибузук. Потом попал бы под трибунал, и все — пишите письма! А чего это тебя кинуло ворошить такие далекие воспоминания?

— Не знаю... Ты тогда не говорил о любви.

— В военных уставах нет таких слов.

— И потом не говорил.

— А разве неясно?

Она положила голову на его выпуклую, поросшую густым черным волосом грудь. В глубине только ей одной предназначенного мужского тела ровными размеренными толчками билось сильное сердце. И она вдруг испугалась... Ведь тогда танки могли пройти мимо села. Или это сама судьба устроила маневры, начисто отшибла всякую стыдливость, осторожность, житейскую рассудительность? И сейчас страшно подумать, на каких тонких паутинках висело счастье.

На дворе стемнело, когда привели на постой того самого чернявого командира. Он успел переодеться, надел суконную гимнастерку. На рукавах золотом горели угловатые нашивки, портупею оттягивала желтая кобура нагана, в черных петлицах алели кубики.

Она сразу бестолково засуетилась, стала готовить

ужинать. И в комнату шмыгала чепуриться... Но все получалось нескладно. В печке ухватом перевернула чугунок каши. В комнате рассыпала пудру. И по кухне потом металась, окруженная душистым облаком, из тапок пудра вылетала белыми облачками. Командир покуривал папиросу, молча внимательно приглядывался. Эта внимательность вызывала необъяснимое смятение, непонятное ожидание. Чего ждать, боялась даже загадывать, чтоб наперед избежать разочарования. Но вся струной напряглась, когда услыхала спокойный голос, звучавший властно, настойчиво: так обычно пробирал сельских хулиганов начальник милиции. А командир внимательно оглядел свои большие наручные часы, фасонисто надетые поверх обшлага гимнастерки, сказал, что сейчас двадцать два ноль-ноль. В четыре утра подъем личного состава, потом взвод пойдет дальше выполнять свою боевую задачу. Еще есть шесть часов, целых триста шестьдесят минут. И не стоит терять дорогое время. Надо побыстрее доставать, как говорится, из широких штанин свой серпастый, молоткастый, чтобы побыстрее оформить это дело. На нее напала нервная смешливость:

— Что вы хотите достать?

— Документ... — Командир встал, большими пальцами привычно разгладил складки гимнастерки. — Документ, чтоб расписаться, зарегистрировать законный брак.

У нее сердце потерянно оборвалось. Мелькнула пугливая мысль: кто такой этот решительный танкист, вдруг поматросит и бросит, ищи его потом свищи! Правда, сомнения тотчас отогнала неизвестная отчаянная веселость... Торопливо надевая новое платье, вдруг вспомнила, что без документов живет: без паспортов селяне обходились. Стыдливо боясь, что парень заглянет, через закрытую дверь принялась громко объяснять: здесь женятся кто как хочет, несознательный элемент венчается, другие записываются в сельсовете, третьи просто играют свадьбы. После задумчивого молчания командир сказал, что свадьбу придется отложить, после учений будет свадьба, просто военному человеку жену необходимо записывать в документы, как нужную для комплекта половину.

Все последующее напоминало сновиденье... Председатель сельсовета, спросонья плохо соображая, заставил обоих поставить подписи, потом сиплым нутряным выдохом согрел печать, размашисто ударил, оформляя законные бумаги. Она словно проснулась возле своей хаты,

когда увидела рядом рослого парня, нежданно-негаданно, как при наваждении каком, вдруг ставшего законным мужем. И винить некого, сама допустила такое легкомысленное замужество, теперь ознобливо тряслась, представляя неизбежную обязанность молодой жены, которую требовалось выполнить, пока отдыхал личный состав танкового взвода. Муж будто понял, чем она мучается, сел на лавку около крыльца, вежливо попросил сесть рядом. Крепкой рукой бережно обнял плечи, которые дрожью пронимала ночная прохлада, неясная жутковатая волнительность. Вздохнув, сказал:

— Ну что, теперь давай знакомиться!

И оба рассмеялись, словно одну тяжесть сбросили. То да се, про себя начали рассказывать. Она коротко... Сергей подробнее: беспризорничал, потом трудколония перековала, окончил военную школу, теперь лейтенант, командует боевыми могучими машинами. У него под мышкой она незаметно угрелась, недавний ознобливый страх сменился томительным желанием ласки. Долго набиралась решимости, чтобы спросить мужа, сколько времени осталось отдыхать личному составу, стыдливость сдерживала, язык словно деревенел. Да вот так прособиралась... Сергей встал, показал свои наручные часы, надетые поверх обшлага гимнастерки. Время вышло, пора идти, после маневров будет здесь как штык, она должна сохранять боевую готовность, чтобы сразу могли вместе уехать отсюда.

Она вполголоса спросила:

— Ты веришь, что есть судьба?

— Это суеверная буржуазная отрыжка.

— Не увиливай, пожалуйста, серьезно спрашиваю. Только подумай... Вы тогда могли заночевать в другом селе. Ты мог увидеть другую дивчину, получше меня. Нет, даже страшно представить!

Сергей готовно посоветовал:

— И не представляй!

— Ты просто бесчувственный камень. А я, если хочешь знать, всю жизнь ждала, что такое должно было случиться. Встреча, любовь, счастье... А сейчас сплошная тревога, вдруг все это неправда, только привиделось, может исчезнуть. На работу утром уходишь, такая тоска нападает, сил никаких нет! Чем сильнее любовь, тем страшнее расставание. И я хочу, чтоб мы прожили, как

в сказке. Ну, где говорится, что они крепко любили друг друга, были счастливы, потом умерли в один день. Или нет... Мы будем жить всегда, всегда только вместе!

Сергей осторожно приподнялся. В мягкой голубоватой полутьме блестели черные глаза, неровная бороздка шрама выглядела черной полоской, словно щеку сажей мазнули. Резко дернул уголок простыни. Она едва успела поймать край, стыдливо накрылась, шутливо погрозила пальцем: какой дескать, бессовестный! Он согласно кивнул — есть маленько! Встал, возле открытого окна истомно потянулся, разминая крупное сильное тело.

— Живем мы весело, поем весело, мы физкультурники... — тихо пропел, потом вздохнул. — Ночь сегодня просто необыкновенная! В такие теплые лунные ночи спать можно разве что в наказание. Идем купаться!

— С ума сошел! Да и корпус закрыт.

— А мы в окно. Комар носа не подточит!

Она быстро натянула непросохший купальный костюм. Накинула легкий халатик. И, наспех закручивая на затылке волосы, забралась на широкий подоконник. Сергей стоял внизу, призывно протягивал руки. Распахнутый ворот белой рубашки открывал мускулистую шею, свет полной луны делал белыми парусиновые брюки, легкие матерчатые туфли, начищенные зубным порошком. Она крепко зажмурилась, шагнула вниз, привычно веря надежности протянутых навстречу рук. Он легко подхватил, словно ей не двадцать три, а от силы лет пятнадцать, и весу всего ничего в голенастой худобе. Из объятий высвободилась неохотно. Запрокинула руки, подбирая распавшиеся волосы. Обнимаясь, пошли посередине широкой аллеи, покрытой причудливыми тенями густых кустов туи, высоких раскидистых южных деревьев. Шли молча, тесно прижимались друг к другу, жадно, ненасытно целовались.

Сергей приехал после маневров. Привез не виданный сельчанами кожаный чемодан. Она сложила в него свои платьишки, смену белья. Еще годную плюшевую жакетку, другую верхнюю одежду муж приказал оставить, раздать соседям. И поехали... Она сразу обомлела, пораженная зеркальным великолепием купейных вагонов, пестрым многолюдьем вокзалов, услужливостью ресторанных официантов. Иногда казалось, стоит потянуться, открыть глаза, вновь будет пустая хата, где унылую тишину на-

рушает только мерное тиканье стареньких ходиков. В военном гарнизоне молодых ожидала комната, свадебный стол, заранее приготовленный друзьями мужа. Не ахти какой насчет всяких разносолов, были консервированные крабы, еда матерых холостяков, пирогов напекли юные жены однополчан. Она слушала тосты, шутливые сетования, что сильно горчит вино, требуется подсластить поцелуем. Готовно вставала, охотно подставляла губы. К мужу успела привыкнуть, пока ехали, оценила его деликатные, ненавязчивые ласки, теперь хмелела, чувствуя волнующую настойчивость объятий, непонятное желание уступить этой мужской настойчивости. И мысленно торопила минуты, чтобы поскорее остаться только вдвоем, когда наконец можно будет дать полную волю накопленной нежности.

Скоро обвыкла, сильно понравилось чувствовать себя женой, женщиной, любимой. С нетерпением вечерами ожидала мужа, чтобы накормить, обласкать, ночью крепко прижаться, всем телом прочувствовать надежную, вечную взаимную неразделенность. Не все, конечно, было гладко, иногда приходилось ворчать, осуждать житейскую бесшабашность мужа. Сергей приносил немалое командирское жалованье, но не знал цены деньгам, есть — есть, нет — нет, что понравилось — сразу покупал. Однажды принес патефон, немыслимую цену уплатил, потом весь месяц пришлось питаться исключительно дешевыми консервами под грустную мелодию модного танго: «Утомленное солнце нежно с морем прощалось, в этот час ты призналась, что нет любви. Та-ра-пам-пам!»

А любовь была. И жизнь наступила такая, какая во сне не снилась. Замужем, значит, есть кому защитить, на кого понадеяться. Об огороде, пропитании думать забыла, все покупала или получала щедрым командирским пайком. В птичьем молоке не купалась, нечего душой кривить, хлопот хватало, да уж не на одну себя рассчитывала.

В гарнизоне было три полка: пехотный, танковый, артиллерийский. Командовал энергичный молодняк, люди возрастом под тридцать считались пожилыми. Жили дружно, весело... В клубе жены пели, танцевали, на политзанятиях повышали идейность, на военной подготовке разбирали винтовки, надевали противогазы. Она скоро поняла вкус хорошего белья, тонких шелковых чулок, крепдешиновых платьев, освоила высокие каблуки.

По сельским понятиям, стала просто дамочкой. А ведь совсем недавно было другое: бурт зерна, деревянная лопата. А тут муж пристрастился баловать сюрпризами, хотя они плохо кончались. Купил дорогую чернобурку. К этому меху пришлось шить новое пальто. В нем ездила смотреть столицу. Сергей так решил... В метро побывали, в музеях, в оперном театре. В мире, оказывается, столько всего интересного, умного, красивого, разве можно все увидеть, понять, прочувствовать после четырех классов школы! Сергей тогда успокаивал, дескать, вся жизнь впереди, хватит времени выучиться, постигнуть, прочувствовать.

Зимой он уехал. В далекую командировку, откуда нельзя письма домой написать. С дороги, правда, прислал одно письмо, там даже фото было: шляпа, макинтош, черный чемодан. Она перестала наряжаться, без всякой радости смотрела в гарнизонном клубе новые картины. Тоску усиливали тревожные последние известия из сражавшейся Испании, которой советский народ протянул братскую руку помощи. По радио звучали непривычные названия: Гренада, Барселона, Гвадалквивир. Пионеры носили пилотки с кисточками, приветствовали друг друга вскидыванием к плечу сжатой в кулак правой руки. Она тогда уже скинула высокие каблуки. С большим животом недалеко ускачешь... Беременность переносила легко. Без приступов дурноты, переменчивых желаний кислого или соленого, о чем слыхала от рожалых подруг. И на лицо не очень подурнела. Только губы немного распухли, да на лбу выступили коричневые пятна. Иногда, чего греха таить, накатывал противный нутряной страх: мама умерла при родах! Но отгоняла дурные мысли. Тогда время было голодное, женщины надсаживались работой. А тут сыта, здоровье хорошее. И в конце концов, не она первая, не она последняя должна все перетерпеть, исполнить извечную бабью работу.

Схватки начались теплой майской ночью. В темноте гнать машину по лесной дороге в ближайшую родилку было бессмысленно, соседки решили, что для этого дела подойдет гарнизонная санчасть. Молодой очкастый военврач третьего ранга выделил отдельную палату. Дал разгон излишне любопытным солдатам-санитарам. Сам сел рядом, сразу задремал, сцепив длинные пальцы на худом впалом животе. Она поначалу мучилась стыдливостью... Все думала, как потом встречаться с этим доктором, ведь холостяк, господи, живет рядом, на одной лестничной

площадке. Но потом боль опоясала поясницу, стала невыносимой, показалось, что неведомая сила медленно выворачивает внутренности наизнанку.

— Сергей... Сережа! Сереже скажите!

От собственного крика, визга глохла. Боль рвала тело. В красном тумане перед глазами плавала белая шапочка доктора, блестели круглые очки. Вдруг стало необыкновенно легко. Она почувствовала солоноватый привкус прокушенной губы. И тут послышался сочный звонкий шлепок, тишину разорвал набирающий силу голос, до сладостного изнеможения знакомый, хотя еще никто никогда не слышал этого трогательного басовитого голосишки. Павлик родился крупным, крепеньким, весом почти четыре килограмма.

В этот южный санаторий летели на двухмоторном пассажирском самолете. Она поначалу страшно трусила, но после взлета неожиданно успокоилась, стала разглядывать проплывающие внизу облака, пестро разрисованную всеми оттенками зеленого цвета землю. Сергей вышел из самолета бледным, как стена аэровокзала. В буфете только немного порозовел, когда выпил кружку пива, закусил бутербродом с красной икрой. Павлика оставили воспитателям гарнизонного детсада, сами улетели отдыхать, загорать, купаться, нагуливать жирок. Сначала хотели взять сынишку. Но не было на него путевки, не положено было брать. «Не положено, так не положено, — сказал Сергей. — Все, до свидания! Аста ла виста!»

Эти испанские словечки он привез из той дальней командировки вместе с орденом на гимнастерке и шрамом на левой щеке. Такие отметины оставляют осколки брони при попадании в башню, снаружи снаряд оставляет вмятину, изнутри выбивает мелкие секущие осколки. Это она узнала от Сергея.

По широкой каменной лестнице сбежали вниз, на большой песчаный пляж. С дачи возле забора санатория сюда едва слышно доносился смех. Черная морская вода равномерно накатывалась на берег, выглядела холодной, бездонной, страшной. Сергей торопливо разделся, весело, нетерпеливо приплясывая. Мягкий голубоватый свет, темные тени рельефно обрисовывали выпуклые грудные мышцы, сильные покатые плечи, всю суживающуюся кни-

зу поджарую фигуру. Он призывно махнул руками... Да так и пошел купаться спиной вперед, шутливо прощаясь, помахивая раскинутыми руками.

Она расхотела купаться. Не работал пляжный душ, потом негде будет сполоснуться, утром сваляются жесткие просоленные волосы. Села, подставила теплому ветерку сладко ноющие после поцелуев губы. От разнеженного ощущения счастья хотелось плакать. И то сказать... Все четыре года замужества пролетели мгновением, в таком радостно возбужденном состоянии, какое бывает в жаркой сельской баньке. Сначала обволакивает влажный горячий пар, возникает сладкая бессильная истома. Потом, похлеставшись веничком, в шальной полуобморочной веселости выскакиваешь на улицу, с размаху падаешь в мягкий жгучий снег. И, не стесняясь наготы, хватаешь губами морозный воздух, от хмельного восторга хочется визжать.

И за сестру теперь спокойна. Аня окончила медицинское училище, сразу поступила в московский медицинский институт. На каникулах приезжала проведать родню, племянника.

Она разглядывала мудреные книжки сестры, дивилась устройству человека: желтый тощий скелет, багровые жгуты мышц, аккуратно сложенные кишочки. Не дай бог такое ночью приснится, со страху преставишься.

Аня не успевала учиться, ночи напролет простаивать в очередях за билетами на выставки, концерты, разные театральные представления. Стала писаной красавицей, черноокой, чернокосой, носила модный белый фетровый беретик, узкие пояски платьев подчеркивали тонкую, осиную талию. Молодые командиры, сослуживцы мужа, ходили вокруг девушки, как лихие кочеты, разве что только землю крыльями не скребли.

Но смутная тревога, будто глубокая заноза, мешала сейчас отдаться разнеженной безмятежности полностью. О какой можно говорить безмятежности, если уже почти год шла большая война. Итальянские фашисты захватили Албанию, франкисты задушили республиканскую Испанию, возле восточных границ страны хозяйничали японские милитаристы. Германские фашисты оккупировали европейские государства, летом захватили Францию. В гарнизоне все чувствовали приближение войны, готовились защищать страну. На лекциях, политзанятиях женщины спрашивали, когда это может начаться, лекторы уклончиво советовали отставить панические настрое-

ния, вспоминали подписанный германским правительством договор о ненападении сроком на десять лет.

На праздничных вечеринках, как водится, женщины надевали свои лучшие платья, горели желанием веселиться, танцевать под патефон. Но мужчины незаметно уводили разговоры к сцеплению траков, пружинным амортизаторам, мостовым рессорам, оптическим прицелам. К озеру Хасан, в далекую Монголию, на линию Маннергейма. Уже многие были награждены орденами, вспоминали боевые операции, погибших товарищей, тех, кто уехал: стали советскими Прибалтийские республики, пришлось создавать новые укрепрайоны вдоль всей западной границы. В приграничные округа постепенно прибывали армии из внутренних областей страны. Сергей после маневров бывал хмурым, озабоченно говорил странные слова: будет война машин, моторов, скоростей, для полного перевооружения армии необходимо несколько мирных лет, вот тогда взять нас будет невозможно. Время действительно стояло тревожное, хотя крутили бодрые картины, где красноармейцы достойно встречали агрессора, быстро разбивали короткими контратаками. Так было задумано, она сама читала первый параграф полевого армейского устава: «Всякое нападение на социалистическое государство рабочих и крестьян будет отбито всей мощью Вооруженных Сил Советского Союза».

Сергей поплескался возле берега, потом вдоль узкой лунной дорожки, протянутой невообразимо далеко, поплыл туда, где тяжелая масса воды касалась неба, разрисованного россыпями крупных южных звезд. Его голова исчезала, снова появлялась между волнами.

Она вдруг испугалась, явно почудилось, что мужа навсегда уводит этот зыбкий лунный свет, остается только привкус жестких поцелуев. Душа, словно белая птица, тревожно метнулась вверх, разрывая безмятежное фиолетовое небо сильными широкими крыльями. Страх стал холодным суеверным ужасом, она громко закричала, тоскливый крик разорвал тишину безлюдного ночного пляжа, полетел над морем, над узкой лунной дорожкой.

4

Сердюк свернул цигарку, пощелкал блестящей немецкой зажигалкой. Едва успел прикурить, как кончился бензин, огонек посинел, бессильно угас. Павлик сидел напротив, завороженно разглядывал зажигалку. Не ви-

дел мальчонка путёвых игрушек, кроме тряпичных кукол, хотя зачем парню куклы: считал этих самодельных девок солдатами, посылал воевать. Сердюк заметил жадный взгляд, молча кивнул, разрешая взять зажигалку. Мальчик мигом схватил блестящую вещицу, умчался на чистую половину хаты, только валенки мелькнули подшитыми кожей задниками.

— Нехай хлопчик позабавыться, — мужик помахал сложенной лодочкой ладонью, разгоняя дымное облако.— Та й тебе будэ чим печку растопляты. Сирныкив, бачу, нема. А бензину для цей чиркалки принесу.

— У меня всегда угольки на загнетке.

— Я що казав? Я казав — нехай будэ!

— И не знаю, как расплатиться.

— Не треба. Як дивчинка?

Она благодарно поклонилась:

— Спасибо, господин староста. Как говорится, вашими молитвами... — не хотела откровенничать, да про дочку пошел разговор, не сдержалась. — Вот слушаю, когда заворочается. Людочка летом перестала плакать, только кряхтит и ворочается. С козьего молока, поди, громко не закричишь!

Сердюк задумчиво поскреб пальцами густую щетину. Потом посоветовал прикармливать дивчинку хлебом. Его жена так делала: в тряпицу нажует хлеба, свернет этакую цацку. Дитя молчит, посасывает, сил набирается.

Она потерянно прижалась спиной к теплому боку печки, придавила телом руки, которые предательски суетливо одергивали кофточку, расправляли складки юбки. И что за шуточки такие фашистские — медленно вытягивать из человека нервы, как нитки из кудели. Скинул кожушину, расселся, будто невесть какой сват, с которым одно удовольствие погонять чаи, потолковать насчет жизни.

Сергей перед войной учил солдат военному делу, осваивал новую грозную технику. Она управлялась со своими женскими обязанностями. В апреле родила девочку. Людочка получилась беспокойной, после кормления немного поспит, снова заходится писклявым криком. Ни днем, ни ночью покоя не было, от недосыпа она вся издергалась, стала раздражительной. Сергей помог, взял ночные дежурства... Одной рукой качал девочку, другой писал свои конспекты. И замирал, когда теплая струйка

проникала сквозь сукно командирских галифе. Сам потом пеленал дочку, хотя уже командовал батальоном. Она сквозь дрему видела сильные ладони мужа, ловко заворачивающие сухой пеленкой розовое тельце девочки, на душе становилось легко, спокойно, нежная благодарность растворяла вздорную дневную раздражительность.

В начале июня гарнизон опустел. Как обычно, полки выехали в летние лагеря, которые располагались возле самой границы. В общем, дело привычное... И дочка прихворнула животиком, переела или бог знает чего приключилось, некстати раскапризничалась. Поэтому, наверное, прощанье вышло нескладным. Сергей долго смотрел на дочку, та таращила глазенки, своим младенчески беззубым ртом пускала пузырики. Павлика подбросил высоко вверх, до потолка, тот заливался беззаботным радостным смехом. Сергей потом тоскливо оглядел комнату, из полевой сумки вытащил запечатанный конверт. С упрятанной нежностью сказал:

— Я тебя люблю. С первого взгляда и до этой минуты. На всю жизнь и после смерти. Вот вернусь, поедем в санаторий. И у нас потом родится третий, для полного комплекта... — Положил письмо между книг на этажерке. — А в случае чего мы устроим врагу фламенко и фанданго. Броня крепка, и танки наши быстры! Детей сбереги обязательно!

Она согласно кивала. За детьми присмотрит, какой может быть разговор. Пыталась понять странную недосказанность, хотя тогда больше всего испугалась конверта. Решила: придумал какой-то сюрприз. Вышло совсем иначе... Воскресным утром разбудило странное гудение. По ясной синеве июньского неба бесконечным потоком плыли самолеты, заполняя пространство тяжелым тревожным гулом моторов. Вроде привычное дело, летчики тоже иногда проводили свои учения. Она, правда, немного удивилась, почему оттуда летят, где граница, количество вызывало смутное подозрение. Когда разглядела, что крылья самолетов разрисованы крестами, сразу подумала: это очередная провокация, уже были такие провокации, сейчас нарушителей границы встретят красные соколы.

По лестнице затопали ботинками посыльные красноармейцы, раздались тревожные голоса, комендант гарнизона объявил общую эвакуацию. Она наспех собрала детскую одежонку, немного своего бельишка положила, совсем случайно положила чернобурку, самую дорогую

вещь, даже временно жалко оставлять без пригляду. Тут налетели другие самолеты, поменьше размерами, с изогнутыми крыльями. Дом напротив вдруг странно окутался пылью, медленно осел, воздушная волна одним махом вымела стекла. Упало зеркало, стоявшее в простенке между окнами, блестящие осколки засыпали ходуном ходивший пол, тугой ветер сорвал со стен часы, фотографии, коврики, висевшие около детских постелек. Вся земля дрогнула, начала покачиваться, это самолеты разбомбили пороховые склады артполка, яркое багровое пламя, окутываясь черным дымом, закрыло половину неба. Не помня себя от воя, грохота, ужаса, она схватила детей, собранный чемодан, сломя голову бросилась бежать, вслед громко хлопали дверцы шкафа, словно пытались спрятать развороченное нутро.

Пока собирались, ожидали грузовые машины, прошла добрая половина дня, наполненная самыми разными слухами... Вероломно напали немецкие фашисты. Наши войска ответили могучим ударом. Из гарнизона выехали под вечер, из-под брезента нудно ноющей мотором полуторки долго был виден гигантский огненный столб над пороховыми складами, густой черный дым заволакивал счастливое мирное прошлое. Всю ночь колонна машин медленно тащилась, дорога была забита людьми, грузовиками, конными повозками. Часто останавливались для проверки документов, тогда сиплый надорванный голос говорил:

— Стратегический груз везем.

Свет карманных фонариков слепил глаза.

— Не морочь голову, старшина, тут женщины, дети.

— Так точно, самый важный груз!

Под утро сделали остановку возле лесной речушки, наскоро перекусили, перепеленали детей. Западный край неба подсвечивался далекими пожарами, вдали гремела канонада, словно гигантские руки перекатывали огромные камни, перестраивали мир. Кошмар начался после рассвета, когда стали налетать узкие, желтобрюхие фашистские самолеты, они оглушали металлическим визгом моторов, потом уносились вдоль обочин, поливая пулеметным огнем людей, лошадей, машины. Уши будто закладывало ватой, эта оглушенность немного притупляла ужас при виде горевших грузовиков, окровавленных трупов, искалеченных лошадей. Казалось, что насмерть перепуганная душа оставила тело, белой птицей судорожно металась между черными фонтанами вывороченной взрывами земли. Хотелось больно ущипнуть себя,

чтобы проснуться в тихой теплой комнате, подивиться страшному озвученному сну или упасть под самое толстое дерево, зарыться лицом между корнями. И пропади все пропадом, будь что будет! Да некогда было пугаться, кусать локти, надо было уводить детей подальше от этой кровавой бани под истошным визгом вражеских самолетов.

Почти после каждой бомбежки приходилось тесниться, давая место женщинам из разбитых машин. Брезент покрылся неровными дырками, рядами аккуратненьких отверстий, оставленных осколками, пулеметными очередями. Полуторка подпрыгивала, выла мотором, виляла между воронками... Она успевала накормить дочку, успокоить хныкавшего сынишку. Вся была напряжена, словно тугая пружина, сжатая постоянной готовностью схватить детей, кинуться под защиту придорожного леса, где нет стрельбы, бомбовых разрывов. Вечером остатки колонны остановил командир пехотной части. Приказал выгружаться: неподалеку немцы выбросили парашютный десант, туда надо срочно отвезти солдат. Машины развернулись: уехали обратно, при женщинах остался один пожилой рыжий старшина, который говорил сиплым надорванным голосом.

Утром пришла беда. Начисто пропало молоко. Видно, надорвалась, переволновалась. Тут надо поесть горячего, потом спокойно полежать, еще могло все наладиться. Только негде было взять горячего, разлеживаться тоже было некогда. Выручила жена командира пехотного полка, имевшая грудного ребенка, утром накормила девочку. Днем добрую женщину разорвало бомбой, угодившей прямехонько посередине колонны беженцев. Старшина каменел лицом, выхватывал наган, начинал палить. Пук-пук-пук... Хотел отогнать самолеты. Потом собирал редеющее бабье стадо, как пастух перепуганных овец, уводил дальше от войны. На разъезд вышли вечером. Старшина показывал дежурному документы, грозил наганом, вежливо уговаривал. И добился своего, дежурный ненадолго задержал набитый людьми товарняк.

Она потом сидела около дощатой стенки вагона, одной рукой обнимала мальчика, другой держала непривычно тихую девочку. Под монотонный стук колес думала только одно: где можно добыть молока? Раньше, бывало, на каждой станции продавалось теплое топленое молоко, покрытое упругой коричневой пенкой... Сейчас станции забиты войсками, эшелонами, словно весь мир разделился

пополам: на восток торопливо устремились перепуганные беженцы, на запад двинулись военные части.

На маленьком пустынном разъезде рано утром поезд остановился, поджидая встречный эшелон. Она увидела неподалеку зелень садов, крытые соломой крыши села. На холме крест крыльев ветряной мельницы. Сергей называл такие мельницы по-испански: молино дель вьенто. Она подумала, приоткрыла пошире дверь вагона, выбросила свой чемодан... В том селе хозяева попались хорошие, добрые, приветливые. Как все колхозники, тревожно слушали рассказы, считали начало войны начавшимся светопреставлением. Но еще ждали, надеялись, что наши войска скоро сломают врагу хребет, начнут освобождение захваченных областей.

Людочка, дочка, совсем расхворалась. Не приняла коровьего молока. За два дня голода высохла, сморщилась. Спасибо соседям, выручили козьим молоком, оно жирнее, видимо, поэтому девочке понравилось. Так прожили около недели... Она ночами просыпалась, пугалась непривычной тишины. К опустевшей груди прижимала хрупкое, вкусно пахнущее тельце дочки, осторожно трогала губами теплый лобик. И уж не могла заснуть, мешали несвязные обрывки воспоминаний. Сергей предчувствовал расставание, поэтому оставил прощальное письмо. Так нет, при сборах забыла его, растрепа эдакая! Конверт лежит сейчас между книг, впору пешком идти обратно. Старалась представить, где сейчас муж... Лагеря стояли возле самой границы. Значит, танкисты после пограничников первыми приняли удар всей фашистской армии.

В селе пробыла недолго. Фронт быстро приближался, на дорогах появились беженцы, по проселкам гнали гурты племенного скота, из пыльных облаков доносился истошный мык недоеных коров. Людочка немного окрепла, синюшное тельце зарозовело, стала подавать голос. Но без молока уходить нельзя — гиблое дело. И на всю дорогу запастись невозможно... Один выход оставался: покупать козу, своим ходом двигать в родные места. Дома, говорят, даже солома едома... Сосед сразу наотрез отказался продать козу. На красные тридцатки, серые сотенные ассигнации никакого внимания. Дело знакомое: когда наступает лихое время, деньги сразу теряют ценность. Она принесла чемодан, сдуру распахнула, чего хочешь выбирай! Мужик переворошил бельишко, вытянул доро-

гую чернобурку. Это форменный грабеж средь бела дня, мех раньше стоил дороже коровы, однако наступало время новых понятий, других ценностей.

Шла она ночами. Днем жарко, палило солнце, надо было постирать, высушить пеленки. На костерочке отварить молодой картошки, выручали колхозные поля. Днем спать теплее... В свежих стогах спали, скирдах прошлогодней соломы, накидывали сверху новые брезентовые плащ-палатки, подаренные проходившими мимо солдатами. В села заходить бесполезно, они были забиты беженцами, приткнуться некуда. Да хорошо, лето стояло сухое, без дождей почти, иначе невозможно было уберечь девочку, сохранить здоровеньким четырехлетнего сынишку, бог знает сколько верст отмахать. Лицо загорело, обветрело, осунулось, одежонка тоже износилась, латки ставить некуда.

Фронт прокатился незаметно. Громыхало, ночами поблескивало справа, потом вдруг громыхать стало слева. На дорогах появились огромные, как сараи, пятнистые тупорылые грузовики, страх вызывала чужая солдатская форма, как серая немецкая, так желтая итальянская. Патрули проверяли документы, среди беженцев выискивали красноармейцев. Начались обыски, грабежи... Она свернула, пошла проселками, надоело трястись под дулами автоматов, длинноствольных немецких пулеметов. Чем южнее уходила, тем больше редели лесные массивы, потом вовсе распались, стали рощицами, зелеными дубравами, хотя там тоже ночами страшно. Потом начались степи, где трудно схорониться. По ровной местности идти пришлось осторожно, передыхая возле речек, среди редких кустарников, которые теперь казались безопасными. Да не обошла беду, однажды всполошила часового, засаду, патруль немецкий, впотьмах разве разглядишь!

Раздался гортанный окрик, сразу противно затрещал автомат, пули зажужжали поверху, как растревоженные шмели, зашипела зеленая ракета. В зыбком свете вокруг зашевелились черные тени, словно ночные злыдни ожили, начали жадно протягивать жесткие крючковатые лапы, отчего ноги парализовало страхом. Но тут истошно мекнука привязанная к поясу коза, больно ударила рогом в бедро, располосовав юбку, вскачь понеслась, потащила вдоль дороги, потом через кусты, ветки больно секли лицо. Она крепко держала ребятишек, слышала свист

пуль, дребезжание котелка вызывало жуткое чувство, будто следом бегут грузные мужики, стучат железными сапогами, сейчас схватят, сомнут, затопчут. Ракета давно погасла, стрельба сзади прекратилась, когда коза кинулась вбок, перехлестнула ноги веревкой. Она потеряла равновесие, уже падая, успела перевернуться, чтобы не придавить телом детей. Перед глазами ярко полыхнуло...

Очнулась днем под ватным лоскутным одеялом. Павлик сидел около кровати, смачно причмокивая, объедал алую дольку арбуза. Людочку люлюкал лысый румяный дедок. Уже потом выяснилось, что козе отстрелили левый рог, насмерть перепуганная кормилица стала спасительницей, помогла убежать. Здесь пасека, днем постоянно гудели пчелы. Несколько дней болела голова, подняться мешала слабость. Под глазами выступили синяки, хотя ударилась затылком, могла совсем убиться, волосы спасли, смягчили удар. Наконец смогла встать, выйти, оглядела чистенький дворик перед белым домиком пасеки, стол под старой дуплистой акацией.

На пасеке немного подкормилась, обстиралась, зашила разорванную юбку. Наконец пришло время идти дальше. Нищему собраться — только подпоясаться. Она потеплее укутала сынишку, потуже перепеленала девочку, уложила пеленки, ложки, кружку, котелок. Плотный коренастый пасечник, дедок ростом полтора метра, сострадательно вздыхая, прикатил двухколесную тележку. Из хатенки вынес ватное лоскутное одеяло, почти новый полушубок, поделился продуктами, приволок полмешка соли.

Она искренне удивилась: это еще зачем? За хлеб, крупу, одежду сердечное спасибо, без них гибель, соли можно немного отсыпать, малого узелка надолго хватит. Дедок, плотно увязывая скарб, укоризненно сказал, что она еще молода, бабьим рассудком плохо созрела, жареный петух слабо клевал. Ее дома ждут? Нет. Чем будет ребятню кормить? Не знает... А в гиблое время соль ценится дороже золота. Дед тоже верил, что наши скоро погонят врага обратно, но запас карман не тянет, не сгодится эта соль, можно выкинуть, большое дело!

Она оглядела тележку, двух ребятишек, тут рук мало, чтобы сразу все ухватить. И коза шарахалась, пугалась скрипа несмазанных колес. Дед покумекал, сообразил маленький хомутик. И дальше отправились запряженные цугом: она впереди несла дочку, вела запряженную козу, коза тащила тележку. На тележке телепался, зака-

тывался веселым смехом сынишка, возраст известно какой, четыре годика человеку, все ему интересно.

До родных мест добрела осенью. В средине сентября... Хата оказалась пустой. Тут раньше жила одна семья, хозяин ушел воевать, хозяйку расстреляли полицаи. Годное барахлишко, домашнюю живность разобрали соседи, незачем пропадать добру. Остались голые стены, старые ходики, голодные клопы заполнили трещины штукатурки. Пришлось повыше подтыкать подол, выгонять непрошеных квартирантов крутым кипятком, замазывать щели сырой глиной, заново белить стены. По углам развесила пучки сухой полыни, чистые комнаты снова наполнил привычный жилой дух. Сразу принялась выкапывать картошку, посаженную прежними хозяевами. Руки огнем горели, поясница разламывалась, будто начисто забыла привычную прежде тяжелую крестьянскую работу.

Центр села заняла тыловая немецкая часть. Солдаты приспособили сельсовет, милицию, школу под штаб, комендатуру, казарму. Пили свой шнапс, ловили кур, отбирали сало, масло, молоко. При отступлении наши заминировали элеватор, но взорвать толком не взорвали, только одну крайнюю башню развалили. Там начал управлять толстый рябой унтер, за самогон отпускал зерно мешками. Люди решили впрок запастись хлебушком, ночами ходили выменивать. Но однажды возле проломов забора встали солдаты, они всех впускали, при возвращении задерживали. Утром немецкий комендант приказал расстрелять задержанных, всех шестнадцать человек, шесть мужиков, девять женщин, одну девочку, дочку прежней хозяйки хаты, они тогда вместе пошли добывать зерно. В леваде полицаи выполнили этот приказ. Элеватор немцы обнесли новым забором, поверху протянули колючую проволоку, поставили вышки, часовые стреляли без предупреждения.

Колхоз немцы отменили, вместо председателя назначили старосту, тот гонял женщин работать, выполнять указания германского командования. Сердюка назначили старостой... В голодном тридцать третьем году мужик оставался единоличником, в городе сбывал продукты, выменивал добрые вещи. Да однажды попался мазурикам, затеял драку, проломил одному голову безменом. За это угодил в тюрьму. Без хозяина жена не решилась всту-

пить в колхоз, умерла голодной смертью, оставив малолетнему сынишке последние съестные кусочки. Женщину схоронили, осиротевшего мальчика забрал городской детдом. Словом, для немцев самый подходящий элемент: закоренелый единоличник, домой пришел перед самой войной, если надо, может убить кого угодно. Он еще осенью заходил проведать, заросший бородой — не бородой, щетиной — не щетиной, страх поглядеть. Приказал вечером зайти, обещал выделить зерна, посуды, одежонки. Она вежливо поблагодарила, опустила глаза, чтобы скрыть ненависть, которую вызывали ухватистые заскорузлые ладони, матерый загривок господина старосты.

На селе, если забыть войну, мало чего изменилось. Хотя колхоз отменили, женщины работали прежними бригадами. Деваться было некуда, самим надо кормиться, новый порядок тоже требовал продуктов, обмежевал запретами, расстрелами, наказаниями. Урожай выдался неплохой. После молотьбы господин староста начал лично гнать самогон, поить местных полицаев. Свежий хлебный первач третьим стаканом загонял под стол любого слугу новой власти, утром головы похмельно гудели. Тут некогда особенно примечать, что бурты зерна становились меньше. На счастье, староста, раньше хозяйственный мужик, после заключения начисто растерял крестьянские привычки, вроде совсем позабыл, какому овощу какое время. Люди сразу смекнули, почуяли слабинку, под луной трудились куда лучше, чем под ясным солнцем. Были веские причины... С фронта никаких вестей, кроме немецких сообщений про победы германской армии, неотвратимо приближалась зима, по всем приметам холодная, лук уродился закутанным сотней одежек.

За окном вторые сутки снеговой ветродуй. К колодцу идти боязно, ветер гуляет под брезентовой юбкой, дома потом прыгаешь, ноги зудом зудят, будто голой бегала через заросли крапивы. В пути нижнее белье сопрело, юбка лоскутами растрепалась, потом пришлось кроить новую, резать подаренные солдатами плащ-палатки. Нет сносу прочному армейскому брезенту! Как предсказывал старый пасечник, соль скоро стала ценностью дороже всяких денег, эти полмешка хорошо выручили. Не обогатилась, но бязи для пеленок наменяла. Павлику справила зимнее пальтишко, валенки на вырост, себе добрые сапоги, немного необходимого бельишка. А с чулками

просто беда, были только немецкие шелковые, одна внешняя фасонистость вместо тепла, стоили тоже безумно дорого, вот она поэтому морозила голые коленки.

Сердюк курил, цигарку держал огоньком внутрь ладони, мизинцем сбрасывал пепел. Неумело выспрашивал, выпытывал подробности довоенной жизни, хотя наверняка знал, что она жена красного командира, на селе такую тайну сохранить невозможно. Она мучительно пыталась угадать, зачем старосте это надо, хитростями уводила разговор. Но когда мужик зацепил больное, дескать, ерундой занимались наши командиры, если так далеко запустили немца, возмущенно вскинулась:

— Был мирный договор. На целых десять лет... — опустила глаза, потому что самой многое было непонятно, ответом хотела только мужа оправдать. — Все верили этому договору, поэтому сильно подвело такое неожиданное вероломное нападение. Может, самогоночки, господин староста?

Сердюк хитро прищурился:

— Для кого горилка?

— Да я... Мало ли... — Она растерялась, боясь поднять голову, увидеть мохнатое лицо. — От простуды или когда поясницу растереть. Время, сами знаете, трудное, лекарств никаких. А мне хворать никак нельзя!

От выпивки староста отказался, пожелал горячего чайку. У нее немного сердце успокоилось, знобкий холодок собрался маленькой льдинкой между лопаток: если приносят дурные вести, чаи не гоняют.

— Що, самовар не купыла?

— Да где же его нынче купишь?

— А чому не прийшла осенью, колы наказав? — Сердюк сбросил пепел с цигарки в заскорузлую ладонь, не дождавшись ответа, уточнил: — Гарной заварки, мабуть, тэж нема? Голый вассер пьешь? На ихней мови воны так воду называют.

— Чая нет, конечно. Какой теперь чай? Шиповник запариваю. У меня его за хатой пропасть... — Она заметила, что говорит слишком громко, голосом глушит тревогу. — А вот сахар забыла, когда пробовала. Недавно раздобыла пару кусочков, отдала сынишке. Все радость ребенку!

— Ему скильки рокив?

— С весны пятый пошел.

Сердюк тяжело привалился спиной к стене. Начал вспоминать, что его хлопчик в пять лет был поздоровее.

Из города, бывало, приедет, а сынок тут как тут, запускает руку в карман кожушины, ищет гостинец. Мужик тоскливо зажмурился, сильно потер щеку, под корявыми пальцами скрипнула жесткая щетина. У него теперь никого... До войны отыскал детдом, куда определили сынишку. Да не успел его забрать, тот дом срочно эвакуировали...

Она заварила пригоршню сухих ягод шиповника, тайно жалея этого битого жизнью мужика, внимательно пригляделась. Сердюк напоследок глубоко затянулся махорочным дымом, потом аккуратно кинул окурок, под железным святцем стояло наполненное водой ведро.

Она подивилась этой аккуратности. Немцы, полицаи обыкновенно распахивали двери хаты, брали что требовалось или приглянулось, угваздывали полы грязными сапогами, куда попало кидали окурки. Словно знали только свои скотские закутки, где спали, жрали, гадили около помойных корыт, теперь негаданно стали хозяевами жизни. От немцев терпеть притеснения — так оно вроде должно быть, это враги, чужие люди. Немецкие холуи вызывали особую ненависть, отчего часто думалось: где только таилась перед войной такая человеческая нечисть!

Бармин командовал полицаями, сын местного куркуля, красивый молодой мужик. Она его помнила: приходил грабить амбар, потом скрылся. Люди говорили, вернулся домой после начала войны, сразу предложил коменданту свои услуги. В октябре, помнится, собрали селян, зачитали приказ насчет поставок мяса германскому воинству. Полина, крепкая задастая молодка, скандально запричитала, как будто проходило колхозное собрание, где обсуждалось очередное постановление:

— На вас креста нет! Какое мясо, сами давно...

Бармин стоял перед толпой, низко опустив длинный козырек форменной немецкой кепки, шею окружал зеленый воротник черной шинели. Быстрым коротким ударом заткнул клацнувший зубами рот женщины, поправил тяжелую кобуру пистолета. Полина подкатила глаза, медленно упала навзничь, алея разбитыми губами. Домой едва тащилась, закрыв лицо платком. В хате ничком рухнула на кровать, зашлась истерическим плачем: муж был первый тракторист, раньше председатель уважительно здоровался, нынче всякая бандитская сволота имеет право морду разбить! Как жить дальше, люди добрые?

Рядом ревмя ревели трое ребятишек мал мала меньше. С ковшиком водички услужливо вертелся, подъелдыкивал крепенький мужичок, беженец или окруженец, кто его знает, месяц назад прибился.

Бойкие бабенки, хорошо сохранившиеся вдовушки охотно держали примаков. Дело вроде житейское: мужик поможет сохранить хозяйство, прокормить детей. Можно осудить, можно позавидовать, бабушка надвое сказала.

А она, хоть озолоти всю, не представляла рядом чужого мужчину, пусть самого работящего, самого заботливого. От одной такой мысли изжога... Сергей приснится, на весь день праздник, любая черная работа нипочем. А он всегда виделся залитый лунным светом, под распахнутым окном призывно протягивает руки: прыгай, дескать, поймаю, удержу, зацелую, заласкаю. При прощании говорил, что снова поедут в санаторий. Хорошо, значит, запомнил жаркие ночные ласки, как она его тогда нежно голубила, сама тоже сполна испила женского счастья, до последней капельки.

Сердюк осторожно держал блюдечко, громко отхлебывал коричневый отвар шиповника, вслух рассуждал, что зима выдалась хорошая, снегу много, весной земля наберет воды. Надо было сеять озимые... Ну да, бог даст, можно наверстать упущенное ярицей. Она язвительно спросила, как пахать, если нет мужиков, нет тракторов, добрых коней немцы отобрали. Сердюк, помолчав, ответил, что германское командование продумало этот вопрос далеко наперед. В райцентре недавно собирали всех старост района, давали указания насчет весеннего сева. Вместо тягловой силы немцы приказывали использовать оставшихся коров, крепких молодых женщин. На корову можно надевать бычье ярмо. Для женщин ученые люди фатерлянда придумали специальный хомут, небольшие плуги. На наших пленных сейчас испытывают такие приспособления. Они, германцы, шибко уважают порядок. И если имеют указания своего фюрера изничтожить половину нашего населения расстрелами, голодом, непосильной работой, будьте уверены, что все так будет. Партийные большевики, например, уже все перебиты, перевешаны.

— Твой мужик, мабуть, тэж партийный?

Она вздрогнула, выронила блюдце. Чай залил юбку, бедру стало горячо. Захотелось убежать куда глаза гля-

дят. Да ноги отказали. И детей вспомнила... Страх усиливался оттого, что было непонятно, зачем староста завел этот провокационный разговор. Если хочет выдать семью красного командира, выслужиться перед комендантом, достаточно одного словечка: враз всех троих расстреляют, сейчас человеческая жизнь ничего не стоит.

— Ты що, сказылась?

— Я... Нет... Просто подумала, для кого надо пахать, для кого будем сеять! — Мысли метались, как летучие мыши в темноте, она понесла несусветное: — Наши мужья на фронте, а мы тут будем помогать этим озверелым гадам? — Вдруг опамятовалась, униженно засуетилась. — Не обращайте на бабью болтовню внимания, господин староста. Пейте свой чаек, пейте... Или вам без сахара непривычно?

Сердюк заметил эту невольную подначку. Насупил кустистые брови. Но после долгого томительного молчания сказал, что, охота или нет, сеять придется. Там будет видно, как утаить часть зерна, иначе будущей зимой весь народ перемрет. Он шаркнул валенками, вместо галош обшитыми резиной автокамеры.

— Ясна пропозиция? А зараз пидметай, хлопец поранится. Та швыдше... Не я твой мужик, стрибала бы по хати, як тот горобець!

Она схватила веник, кинулась заметать осколки разбившегося блюдца. От недавнего страха осталась муторная дурнота. И руки мелко тряслись неудержимой дрожью.

К концу октября полностью обжилась, после картошки собрала капусту, посаженную прежней хозяйкой. Даже козу обеспечила, однорогую спасительницу... В клуню натаскала сена, мужики перед войной накосили, оставили бесхозными копнами. Вот тогда случилось несчастье. До колодца рукой подать, всегда ходила налегке, только платок накидывала. Возвращаясь, встретила двух полицаев, всегда стороной обходила слуг нового порядка, тут так опростоволосилась. Полицай пониже, неопрятно обросший рыжей щетиной, пьяненько заорал, что баба с полными ведрами приносит счастье. Но потом рванулся, захрипел, словно горло удавкой перехватили. Она задохнулась, когда шибанул усиленный чесноком запах застарелого перегара, после чего узнала этого мужика — Сухан. Он приходил грабить амбар, его потом посадили... Не успела испугаться, стояла, раскинув руки

вдоль коромысла, смотрела, как полицай срывает короткий немецкий карабин, судорожно дергает затвор.

— Макада нас тогда заложил. Потом эта холера стриженая про все начальнику милиции рассказала. А ну, встань к стенке... — Он злобился, сипло выговаривал. — К плетню встань, гадюка, помолись богу, зараз встренешь своего старого дружка!

Она видела круглую дырочку дула. Бахнул выстрел... Коромысло резко дернулось. Пуля пробила правое ведро. С обеих сторон ведра опустились прозрачные струйки воды, в дорожной пыли стали растекаться неровными темными лужицами. Сухан вырывал карабин, который держал высокий полицай, смешно дергался всем телом, как злодей на веревочках. В кукольном представлении видела такого. Он сипло взревывал перекошенным ртом, щеря редкие порченые зубы:

— Бармин, дозволь... Дай отвести душу!

Вдруг резко повернулся, сбоку неожиданно ударил ее в живот тяжелым немецким сапогом с окованной подошвой. Серая земля, серое холодное небо поменялись местами, закрутились гигантской каруселью. Глаза заволакивал красный туман. В лицо плеснулась холодная вода, заставила судорожно вздохнуть. После второго вздоха она поняла, что лежит скорчившись, одергивая задравшийся подол жесткой брезентовой юбки. В красном тумане появилось красивое мужское лицо Бармина, равнодушные голубые глаза под длинным козырьком немецкой кепки. За ним медленно Сухан подходил, загребая пыль короткими кривыми ногами... Она подумала, что вот пришла гибельная минута, лежачую полицай запросто пришибет, одним ударом кованого сапога размозжит голову, только мозги брызнут. Нащупала коромысло, опираясь на него, стала поднимать наполненное болью тело. И страх вдруг исчез, внутри медленно возникала исступленная злоба.

— Гад ползучий, живоглот... Скажи спасибо, что тогда всем колхозом твоих детей выкормили... А наши придут, тебе, лиходею, на этом свете места не будет! Из-под земли достанут, за все заставят ответить!

Сухан осатанело выкатил глаза:

— Нет ваших... Нет. Все вышли!

Кое-как доползла домой. Вскоре явился Бармин.

— Сухан скот, ублюдок, сволочь. Сама виновата, любочка. В этой жизни кто кого уделает... Ты возле амбара свистнула, а он потом три года баланду хлебал, на

параше подпрыгивал. Не бойся, больше не тронет. Без моего слова эти мелкие шестерки... Ладно! В гости приду, когда встанешь. Я тебя, любочка, крепко запомнил!

Людская молва — что морская волна. Пусть шепотом, вполголоса, но неудержимо приносила добрые вести: на дороге подорвалась немецкая машина, на станции райцентра сгорел состав бензина, с рельсов сошел немецкий поезд. Может, конечно, бабье радио иногда самую малость подвирало, но дыма без огня не бывает. Соседки, отпаивая ее снадобьями, травяными настойками, тайно рассказывали: немцы брешут, что захватили Москву. На самом деле на Октябрьские на Красной площади, как заведено, был военный парад. И в нем принимали участие целых двести наших танков. Такое выдумать никак невозможно!

В начале декабря крепко подморозило. Над степью поплыли низкие тучи, словно тяжелые бомбардировщики. Снег сразу прочно накрыл сухую промерзшую землю. В коротких зеленых шинелях немцы мерзли, зябко кутались одеялами. Придумали соломенные плетеные лапти, смех поглядеть, даже своих лошадей этими лаптями обмундировывали. Стали гонять население расчищать автомобильную, железную дороги, где нескончаемым потоком двигались тяжелые грузовики, поезда везли пушки, танки, другое военное снаряжение. Она только диву давалась: сколько железа проклятый фашист испортил, чтобы изготовить такую прорву оружия!

Вчера утром завьюжило, печная труба стала монотонно подвывать. Она было собралась идти расчищать снег. Но, видимо, метель захватила всю округу, машины везде перестали ходить, работу временно отменили. Весь день хлопотала, торопилась переделать запущенные домашние дела, выкупала ребят, бельишко перестирала. В клуне нарубила сухих кукурузных будыльев для топки. Вечером управилась, уложила детей, села вязать сынишке носочки. В старом железном светце, найденном на чердаке, горела свежая лучина, шевелился слабый огонек, словно вдоль щепочки ползла алая бабочка.

Под утро забылась тяжелым неспокойным полусном. Разбудило настойчивое меканье голодной козы. После дойки покормила ребятишек. Тут нежданно-негаданно ввалился староста. Его посещение вызвало тревожное

беспокойство. Сердюк зашаркал валенками, возле двери остановился и на одном дыхании сказал, что под Москвой советские войска начисто разгромили доблестную германскую армию, на сотни километров отогнали в западном направлении, освободили часть временно оккупированной территории.

— Шо хочешь робы, но щоб жинки чулы. Ясна пропозиция? — Он тяжелой заскорузлой ладонью гладил ее ходуном ходившие плечи, неумело унимал вдруг прорвавшееся рыдание. — Ничо... Нехай... Буде и на нашей вулице праздник.

5

Зима сорок первого выдалась вьюжной, холодной, словно сама природа хотела выморозить, навечно засыпать снегом фашистскую нечисть. Это, конечно, хорошо, вот только нашим солдатам тоже доставалось, морозу все одно, где свои, где чужие, может быть, поэтому декабрьское наступление советских войск скоро приостановилось.

На рождество тоже мело, сквозь завывания ветра доносилась беспорядочная пальба, это немцы тыловой части, надувшись своего шнапсу, пускали ракеты, салютовали своему немецкому богу.

Она шила мальчику рубашонку, под мерное тиканье ходиков, тихое потрескивание лучины вспоминала странное октябрьское видение, будто сама вела танк. Было такое, когда отлеживалась после полицейского сапога. Сергей когда-то показывал свою технику, так что она знала, кто там где сидит, чем занимается. А тут вроде сама управляла грозной машиной, утюжила гусеницами разбегавшихся немецких солдат. И не было объяснения этому видению, пожалуй, кроме одного... От мужа передалось. Есть, наверное, между людьми невидимая связанность, в минуты сильных потрясений заставляет видеть, думать, чувствовать одинаково.

Из трубы сорвался кусочек сажи. На тлеющих углях ярко вспыхнул. И в дверь тотчас резко постучали, отчего она испуганно вздрогнула. Стучали требовательно, тут надо открывать, иначе сорвут запоры, сами войдут. Она пошла открывать... В сени вошел облепленный снегом человек, коротко охнул, зацепив головой дверной косяк. Темноту разрезал лучик карманного фонарика, сочный молодой басок произнес:

— Принимай, любочка... Я говорил, крепко тебя запомнил!

Бармин прошел в кухню, повесил над столом колбасу немецкого фонарика, из карманов выложил консервы, достал бутылку самогона. Снял шинель, под которой был богатый бостоновый костюм.

— Незваный гость хуже татарина?

Она неопределенно пожала плечами, молча наблюдая, как мужик закурил папиросу, а затем достал большой складной нож и длинным лезвием начал открывать консервы. Совсем недавно вид черных полицейских шинелей вызывал невольный непреодолимый страх. А после того, как узнала, что наши разгромили немцев возле столицы, это чувство немного притупилось. Она неожиданно осмелела, задала давно мучивший вопрос:

— Это ты тогда убил Макаду?

Бармин пожевал папироску, утвердительно кивнул: царство ему небесное, надо помянуть добрым словом. Тяжелой смертью умер, нет хуже принять такую! Он ловко вспарывал консервы, блестело покрытое маслом узкое лезвие ножа, как старой знакомой доверительно говорил... Кто кого, всегда было так! Макада прострелил ему плечо. Бармин подпустил красного петуха. А на нее не обижается, даже хорошо, что все так получилось. На мир поглядел, себя показал, красивой жизни попробовал. А то ведь была одна дорога — жениться, взять местную телку, которая ядрено пахнет луком, настрогать сопливых мальцов, пахать колхозную землю. Нет, сейчас приятно вспомнить, какими делами ворочал, каких знавал холеных дамочек, как козыряли мордатые швейцары, навытяжку стояли вышколенные официанты.

Он медленно выцедил полный стакан, без голодной жадности аккуратно закусил. Она вдруг заволновалась, стала мучительно соображать, что ему здесь понадобилось, торопливые мысли сменяли одна другую. И скорее от растерянности, чем осмысленно, спросила:

— Ты как думаешь, немцы победят?

И испуганно затеребила пуговички блузки. Полицай расстегнул пиджак, расслабил узел галстука, потом натужно рассмеялся, видимо, про себя соображал, как лучше ответить. И вдруг глубоко всадил нож в крышку стола. Кишка тонка победить! Опять наполнил стакан, выпил жадными глотками. Забыв хорошие манеры, долго нюхал рукав. Потом возбужденно заговорил, словно не ее — себя хотел убедить:

— Я честный фрайер. Ихнего кофейного запаха нутром не терплю и на эрзацные сигаретки плевать хотел. И пока сюда добирался, перышком славно поработал. Ихние фрау долго будут ждать некоторых своих гансов. — Он выразительно провел большим пальцем возле горла. — Да, у них сейчас сила, которая солому ломит. В райцентре подпольщики сожгли состав с бензином. Так они, волки позорные, двадцать заложников пустили в расход. С бабами, ребятишками, без суда и следствия. Для них это тьфу, наплевать и растереть... Но с ними я сейчас тоже сильный! Могу казнить, могу миловать, чего только душа пожелает. Ты смекай, любочка, тут и твой интерес. Вот перекурим, обнюхаемся получше, и пойдем бай-бай!

— Да... — она кивнула. — Уже поздно, идите!

— Мы вместе пойдем.

— Вы... Вы как-то неудачно шутите.

Он усмехнулся, неторопливо закурил папиросу.

— Какие шутки! Ты женщина видная. Чувствуется порода... Не сельская корова. А я люблю, чтоб все было культурно, обходительно, со взаимным тебе удовольствием.

Она возмущенно выпрямилась. Но встретила неподвижный взгляд и поняла: не помогут мольбы, слезы, увещевания. И просить милосердия тоже бессмысленно. Она плотно притулилась спиной к печке, словно хотела втиснуть тело в теплые кирпичи, противно слабея ногами, чувствуя свою полную беспомощность. Попыталась защититься, вспомнила нож, которым мужик сделал вдовами многих немецких фрау.

Бармин улыбнулся и заметил: немцы, конечно, круглые дураки. Они здорово уважают жен красных командиров. Как только встречают, сразу пускают голыми по морозу, по снегу босиком, да все бегом, чтоб употела дрожамши. А он сам может управиться, без поганых фрицевских выдумок. Сухану шепнет всего одно словечко, этот вечно пьяный скот отконвоирует в леваду, и там отведет душу, как только захочет. У него перебора не бывает, всегда — очко, поэтому нечего понапрасну пугать друг друга, как говорится, хватит ваньку валять!

От властного окрика она вздрогнула. На голос пошла непослушными ногами. В разные стороны брызнули белые пуговички, до пояса разорванная блузка рас-

палась пополам, к груди припало горячее мужское лицо, кожу жестко царапнула щетина твердого подбородка. Ладони суетливо шаркнули по брезентовой юбке сверху вниз, прилипчиво огладили ноги, бедра.

В неживом свете немецкого карманного фонарика тускло, ртутно блестели пьяные глаза полицая. Она, слабая, сопротивлялась... Вдруг мучительно захотелось, чтобы этот вспотевший суетливый мужик исчез, пропал, растворился. И неизвестно почему вспомнилась горестная мука, заполнившая слезливые старческие глаза пасечника, долго прощально махавшего вслед своим ветхим соломенным брылем. Павлик тогда телепался в хлипкой тележке, заливался беззаботным детским смехом. А в чистой, голубой высоте огромного неба, как привязанный, черным крестом висел степной орел, высматривал добычу.

Она резко оттолкнула потные торопливые руки. Выгадывая время, взяла свой стакан, двумя глотками выпила странно безвкусную самогонку. Потом, изображая бесшабашную отчаянность, одышливо зашептала, что кровать занял сынишка, не дай бог, проснется, разбудит девочку, поднимут крик. В клуню лучше уйти, там никого, полно сена. И вдвоем, поди, трудно поморозиться... Не дожидаясь ответа, резко распахнула дверь, через сени двумя прыжками выскочила на улицу. Ветер сразу сорвал внакидку наброшенный полушубок, в открытую грудь кинул колючую снежную крупу. Тапки соскочили, пришлось босой бежать по глубокому обжигающему снегу.

В клуне стылая морозная тишина. Хоть глаз коли, темно. Под ногами шуршали сухие листья. На ощупь нашла деревянный чурбак, на котором днем рубила кукурузные будылья, взяла топор... Сердце исступленно колотилось, ломало изнутри ребра. В темноте душа металась испуганной птицей, набирала высоту, падала вниз, обреченно раскидывала крылья, задыхаясь желанием ударить грудью вползавшую в гнездо омерзительно жестокую гадину.

Она стала мерзнуть, ознобливо пританцовывать. Наконец белесый дверной проем загородила высокая фигура. Под топором жутковато хряснуло. Не услыхала — руками почувствовала. Бармин несколько долгих мгновений стоял, будто озадаченно осмысливал, что такое случилось, потом медленно, неохотно повалился. Завывание ветра приглушило стук упавшего тела, несколько дол-

гих минут внизу слышался хрип, скребущиеся шорохи, словно ногти царапали твердую мерзлую землю.

На обратном пути подобрала сорванный ветром полушубок. Отыскала соскочившие тапки. В хате долго сидела возле теплой печки. В волосах медленно таял снег. Щекотливые струйки воды сбегали по щекам, плечам, скатывались между грудей, холодили живот.

На блузке увидела дорожку алых пятнышек... И долго корчилась над поганым ведром, болезненно выблевывая заквашенное недавним страхом отвращение. Сожгла остатки блузки, хотя было жалко выменянного парашютного шелка, снова достать такой невозможно. В черную шинель покидала принесенные полицаем консервы, тяжелую кобуру пистолета, длинную колбаску фонарика. В отхожее место бросила узел. Оделась потеплее, долго волокла труп к речке. Спихнула его в прорубь, долго ждала, когда уйдет дальше под лед.

Время стояло смутное, страшное. Пугали слухи насчет победных немецких наступлений. Кавказ, Сталинград... Это сорок второй год. Курское сражение... Это год сорок третий. Самые разные слухи отзывались печалями, радостями, переживаниями. За три года оккупации народ вконец обнищал, стариков понемногу подбирал голод, молодняк фашисты угоняли эшелонами. Жизнь вконец опостылела, поддерживала только необходимость сохранить детей. Немцы, правда, тоже менялись... В тыловой части, которая квартировала в селе, появились мальчишки и совсем пожилые солдаты. Зимой сорок четвертого враг покатился обратно. Село заполнили грузовики, повозки, срывались гады кто как мог. Однажды утром после короткой беспорядочной перестрелки наступила тишина. Потом затрещали мотоциклетные моторы, площадь перед сельсоветом заполнили автоматчики, молодые красивые парни.

Она плакала, разглядывала родные серые шинели, искала глазами знакомое лицо...

По случаю освобождения начисто подмела остатки муки, напекла ржаных лепешек, отварила чугунок картошки. Дети впервые поели досыта, быстро угомонились, спокойно заснули. Она нагрела воды. В корыто бросила пучок сухой полыни, отчего кухню заполонил густой горьковатый запах, напомнил летнее тепло, почти забытое ощущение счастья. Не жалея дорогого черного обмыл-

ка, мылила худое твердое тело, смывала въевшийся страх перед длинными зимами, безысходно голодными веснами, частыми детскими болезнями, перед полицаями, зуботычинами, унижениями, бесправием, беззащитностью. Плакала, заклинала, словами пыталась умилостивить судьбу... Сергей чтоб уберегся, пули пролетели мимо, снаряды разрывались далеко, чтоб вернулся, пожалел, приласкал, вернул женскую нежность, мягкость, слабость. Все остальное потихоньку приложится, ведь всего двадцать восемь исполнилось. Потом долго сидела перед зеркалом, внимательно оглядывала себя: белые волосы, глаза молодо блестят, лицо немного похудело. Это ничего, если немного подкормиться, местами припудрить, брови подкрасить, лицо еще сохранило женскую завлекательность.

Снег под ногами недавно хрумкал, теперь от мороза начал громко взвизгивать. Сапоги стали жесткими, словно одеревенели, под залатанный полушубок медленно забирался холод. Она пошла быстрее, очень скоро задохнулась, воздух больно обжигал легкие, пришлось остановиться, унимать запаленное дыхание. Мысленно прикинула время — совсем поздно, надо думать, полпути прошла, возвращаться никакого смысла. Ноги тоже натруженно гудели, все тело странно болело, как после побоев. На сугроб обочь дороги едва взобралась, хотела разглядеть поблизости жилье, где можно немного обогреться. Вокруг было темно, все давно спали, даже собаки угомонились, отыскали теплые закутки, накрыли носы хвостами. Старичок доктор уговаривал оставаться переночевать, больница большая, места хватит. Но она не согласилась. Снова тоска удавкой захлестнула горло, захотелось громко завыть, упасть ничком посреди дороги, рвать волосы. Уже почувствовала возле глаз готовно подступившую влагу, едва смогла понять, что истерика отнимет последние силы, тогда злой степной мороз непременно добьет!

Шла, насильно ворошила память, чтобы отвлечься. Вспоминала осень сорок пятого... Около магазина женщины разругались, жены защищали загулявших мужей, вдовы ополчились против замужних, хотя всем было ясно, что винить некого, всех война оделила несчастьями, од-

них больше, других меньше. Скандал прекратился, когда посреди сельской улицы показалась девушка: ладная офицерская шинелька, под пилоточкой коротко остриженные черные волосы. Несла желтый кожаный чемодан, осторожно обходила большие разлившиеся лужи. Аня!

Она тихо ойкнула, узнав сестру, кинулась через раскисшую дорогу.

Обняла Аню, счастливо заплакала, вдыхая незнакомый армейский запах шинели. Про себя уже соображала, как приветить дорогую гостью, для такого случая впору поросенка закалывать. Женщины притихли, захлюпали носами... Полина только, распаленная руганью крепкая молодка, которой вдовы припомнили примака, стала насмешливо заедаться. Вызывающе выставив груди, оглядела хромовые сапожки девушки:

— От яка кралечка, боится сапожки замарать. Войскова дивчина, видать, каталась на «мерседесах» и «бенцах». Така цаца, поди, воевала под полковником!

Аня пропускала мимо ушей насмешливые подковырки. Смотрела сухими спокойными глазами, удивленно спрашивала: как сестра оказалась здесь, ведь семьи командиров были эвакуированы! Но от последних слов вздрогнула, медленно повернула голову, громко спросила, кто сказал насчет полковника? Полина готовно подбоченилась... Она всегда высоко себя несла, муж раньше был первым трактористом района, сейчас стал председателем колхоза.

— Я казала.

— Прошу вас извиниться.

Полина показала кукиш.

Аня диковато блеснула черными глазами, закусила нижнюю губу. Щелкнула замочками чемодана, вытащила маленький, словно игрушечный блестящий пистолетик, бледнея, резким высоким голосом приказала женщине лечь. Полина, сохраняя гонор, снова прицельно вскинула кукиш... И тут тихо треснул выстрел, пуля хлюпнула грязью возле сапожка девушки. Полина ухнулась в пробитую машинами глубокую колею на дороге, до половины наполненную водой, только брызги полетели. Аня резко скомандовала:

— Вперед!

Полина лежала неподвижно, но когда пуля подняла возле головы аккуратный фонтанчик грязи, проворно поползла, выставив толстый круглый зад, засигналила голубыми рейтузами. Аня сунула пистолетик в карман ши-

нели, громко сглотнула, успокаиваясь, сказала настороженно притихшей очереди:

— Вы не бойтесь! И не осуждайте... Я вот таким манером начала воевать в сорок первом и закончила под Прохоровкой. От души накаталась, до самой смерти будет чего вспоминать!

Дома сняла шинель, осталась в форменном платье с узкими погончиками старшего лейтенанта медслужбы. Соседки потянулись вроде занять соли, попросить спичек.

Воронка, председатель колхоза, пришел под вечер.

Он, бывший ударник, вернулся домой после госпиталя весной сорок четвертого. И хотя прыгал тогда на костылях, как единственный путевый мужик сразу стал председателем.

Оглядел настороженно притихших женщин, потом простецки улыбнулся:

— Полину прости, дуру бестолковую. Они, жинки, всегда так... Сначала открывают рты, аж кишки видно, потом начинают головами думать. Я за бабу свою извиняюсь. Меня ведь вот такая дивчина, век буду помнить, на себе тащила... — Он распахнул телогрейку, показывая нашивки за ранение. — На мину наскочил, будь она трижды проклята. До сих пор нога хромает, свищ или черт его знает шо... Не заживает, подлая, осколки идут. Иной раз хоть караул кричи. А ты чего так долго задержалась, ведь девчат сразу демобилизовывали.

Аня закурила папиросу, глубоко затянулась дымом.

— Врачебные дела придержали.

— Усе понятно... А дальше? У нас больница без врача, и нам такие боевые девчата позарез здесь нужны. Оставайся... Только пистолетик свой сдай. Не положено хранить оружие. И не бойся никого, мы фронтовика в обиду не дадим!

Аня среди принаряженных гостей выглядела именинницей. Из себя видная девушка, форменное платье подчеркивало женственную стройность фигуры, три боевых ордена блестели эмалью, слева на груди разноцветно пестрели ленточки шести медалей. Вдовы, которые настоящие, выпив сладкого магазинного винца, сначала малость прослезились, захлюпали покрасневшими носами, потом печально пели про синий платочек.

Она тоже расчувствовалась, подпевала женщинам, хотя краем глаза постоянно оглядывала сестру.

Аня сидела около председателя, много курила, пила водку, оставаясь трезвой, только блестящие черные гла-

за временами принимали выражение странной решительности.

С третьего курса института ушла воевать санинструктором пехотной роты. Видела окружения, отступления, наступления, довелось испытать бомбежки, обстрелы. В сорок третьем была тяжело ранена, после долгого лечения на передовую не пустили, направили в дивизионный госпиталь операционной сестрой, там тоже повидала боли, крови, страданий.

Гости разошлись, довольные угощением, хорошим разговором. Павлик нацепил теткины награды, долго ходил по хате, стучал ногами, заходился восторгом: просто сияла редкозубая мальчишеская улыбка. Людочка ласкалась к тетке, потом приметила американскую колбасу и начисто выскребла банку... Сомлевших ребятишек уложила спать.

Она примеряла подаренный сестрой шелковый китайский халат, очень искусно расшитый разноцветными нитками, разрисованный страшными драконами, скаливщими зубатые пасти.

По старой памяти разобрала кровать, дело вроде привычное, спали вместе почти пятнадцать лет, но тут сестра вдруг застыдилась, пыталась ниже одернуть короткую рубашонку.

Она деликатно отворачивалась, однако искоса любовалась девушкой: до чего стала хороша, господи, прошла через адскую военную костоломку и сумела сохранить нежность. Надо теперь жениха подбирать дельного, чего терять время, да вот беда какая — на парней всегда нехватка, а нынче особенная, даже на самых ледащих большой спрос. Одни погибли, других немец угнал, недавно поднявшийся молодняк подался восстанавливать разрушенную промышленность, в селе забыли, когда играли последнюю свадьбу. Созревшие девки вконец истосковались, тоже кинулись в города, работать — само собой, и с тайной надеждой, что там женихи стоят рядами, подходи, выбирай подходящего, никакой очереди!

Не спали долго, вспоминали детские забавы, счастливое довоенное время, погибших знакомых, страхи оккупации, за пять лет разлуки много всего накопилось. Сергея сестра на войне не видела, хотя всех знакомых танкистов выспрашивала, сначала надеялась встретить, потом стала замечать, что среди раненых солдат и командиров сильно поубавилось тех, кто первыми принимал

удар германской армии. Но еще есть надежда... Сергей кадровый офицер, может, сейчас служит далеко, сам ищет семью, думает, что она тогда сумела эвакуироваться.

Она только кивала: конечно, без надежды совсем невмоготу. Уже писала, получила невнятный ответ, что муж без вести пропал. Не верила, так себе думала: штабным писарям проще простого потерять человека в списках наскоро сформированных дивизий, может, сами списки потерялись, сгорели. Сергея одолеть невозможно.

Аня наконец утомилась, сморили дневные волнения, начала сонно позевывать. Потом привстала, чтобы задуть лампу, под короткой прозрачной рубашонкой высветилось девически гибкое тело. Она снизу увидела темную впадинку подмышки, розовые кругляшки на тугих грудях, нежную округлость живота, синеватые твердые рубцы. Аня заметила ее взгляд, торопливо задула лампу, упреждая расспросы, вроде спокойно пояснила, что это следы разорвавшегося снаряда. Потом быстро одышливо зашептала:

— Все... Я больше не женщина. Не смогу рожать... — и неумело заплакала, словно совсем разучилась плакать. — Ты понимаешь, у меня никогда не будет своих детей! Ведь мне всего двадцать четыре, а жить дальше уже незачем. И этот пистолетик специально припрятала, если тоска... Пусто впереди, не за что душой зацепиться. Говорят, время лечит. Чувствую, надо переждать, перетерпеть, закаменеть, а ничего, ничего не получается!

Она обнимала сестру, как могла успокаивала. Но что значили самые добрые слова, если случилось непоправимое, противоестественное.

Аня выплакалась, затихла, уснула. Во сне беспокойно всхлипывала. Утром, правда, снова стала пугающе спокойной, словно забыла ночные слезы, красивое лицо временами поражало жестким выражением неженской решительности.

Погостевав всего несколько дней, уехала, хотела закончить свой медицинский институт. С души, слава богу, груз сняла, пистолет пообещала сдать.

Идти стало совсем неловко, наполненное усталостью тело заносило, плечом часто толкала высокий сугроб, вытянувшийся вдоль обочины дороги. Сапоги жестко задеревенели, сами начали управлять слабыми озябшими

ногами, напористо тянули вниз, словно хотели обогнать, при подъемах скользили, тянули обратно. Она с трудом одолела очередной долгий подъем, со взгорья увидела впереди несколько огоньков, это горели сигнальные лампочки башен элеватора. Пошла быстрее, будто толкнули сзади, радость прибавила силенок. Под уклон почти бежала, вот сильный разгон подвел: снова зацепила плечом сугроб, ноги разом скользнули в сторону. Упала набок... Передыхая после бега, немного полежала, потом стала медленно поднимать огрузневшее, словно чужое тело. Уже почти поднялась, когда неловко сделала несколько шатких шагов назад, потом тяжело осела, подминая жесткий снег обочинного сугроба. Вяло подумала, что идти осталось всего ничего, километра полтора, можно самую малость отдохнуть. Ночи зимой длинные, еще все дела можно успеть переделать: отыскать плотника, взять лошадь, собрать сынишке приличную одежонку.

Народ восстанавливал порушенное хозяйство. И что хочешь делай, народ требовалось прокормить. Это легко сказать, особенно когда мужиков в колхозе осталось всего ничего, и те калеченные, а тягловую силу составляли несколько старых немецких лошадей, собранных по дорогам после освобождения. Народ стал уходить в города, деловые мужички расхотели гнуть спину за пустые трудодни, на стороне выискивали денежную шабашку.

Село медленно обезлюдевало, планы поставок каждый год увеличивались, вся работа опять осталась женщинам. На износ приходилось работать, без всякого роздыху.

Сегодня возила навоз. В открытом поле досыта намахалась вилами. Под вечер сдала смертельно уставшую кобылу конюху. Из сельского садика надо было забрать дочку. Вот тогда встретила председателя. Воронка катал зубами папиросу, нудел насчет разных мелочей. Она не любила таких разговоров вокруг да около, поэтому прямо сказала, что пусть завтра мужики возят навоз. Им пора поработать вилами, засиделись, поди, завклубами, завскладами. Как не стыдно бабам в глаза глядеть! Воронка выплюнул папиросу. Опять завел странный разговор... Немцы, дескать, устраивали в школе свою казарму. Сегодня черт занес мальчишек на чердак. В хламе отыскали магазин немецкого автомата. Обойму та-

кую, полную патронов. Крутили, вертели, потом разложили костер. Пороть некому безотцовщину! Она испуганно охнула:

— Ах, негодники! И куда только учителя смотрят?

— А шо вчителя? За всима разве уследишь?.. — Председатель помялся, покрутил пуговицы полушубка. — Павлика твоего увезли в город. Ты только не паникуй. Мабуть, усе обойдется. Там ликарня не чета нашей... — Он глубоко вздохнул. Фальшиво взбодрился. — Ты подумаешь, пуля фрицевская! Я на мину наскочил, и ничего, как бык здоровый. С одного удара ломом не свалишь.

Она осевшим голосом спросила:

— Как? Кто увез? Почему меня не позвали?

— С пивчаса назад рвануло. Пока тэ да сэ... Двух мальцов здесь оставили, твоего фельдшерица повезла на попутке. Ты тильки раньше времени не убивайся. Может, обойдется, доктора вылечат.

Вся земля дрогнула. Как тогда, в сорок первом, при взрыве пороховых складов артполка. Тогда далекая стена огня пополам перегородила жизнь, навсегда встала между счастьем и лишениями. А сейчас вдруг обрушилось, придавило горе. Это уже когда ничего нельзя изменить. И холодное пламя багрового заката вымораживало внутри самое дорогое, что заставляло терпеть, надеяться, работать. Душа медленно надламывалась, как человек, которому перебили позвоночник.

Она побежала. К школе сначала... Потом услыхала протяжный гудок паровоза, перемахнула через рельсы, успела поймать поручни тормозной площадки последнего вагона товарного поезда. Усатый кондуктор всполошился, начал спихивать прикладом карабина. Она толкнула его, тот вспыхнул: мать-перемать, не положено. Ну что за народ, куда торопятся сломя голову? Летом на крыши прет кто ни попадя, тоже нашли плацкарт... Инвалиды без рук, без ног, бабы с ребятишками, одна старуха умудрилась телка затащить. Уже спокойнее продолжал рассказывать:

— Привязала к руке, чтоб не убег. А тут встречный свистнул. Телок напугался, сиганул с верхотуры на полном ходу... — кондуктор запахнул тулуп, сел на скамеечку возле стенки, поставил карабин между коленей. — Им обоим царство небесное, а меня месяц таскали объясняться. Ты куда, такая бедовая, навострилась?

— В больницу, к сынишке.

— Надо было сразу сказать. У нас, знамо дело, порядки строгие, но мы не звери какие, понимаем... — Мужик откинул полу тулупа. — Садись сюда погрейся маленько.

В райцентр приехали затемно. Она раньше бывала здесь. На рынке. Но сейчас знала, куда надо идти, будто нутром чувствовала. На освещенных электричеством улицах праздно прогуливались веселые парочки, кавалеры в шинелях без погон манерно держали под ручку приодетых девушек в модных шляпках-«менингитках». В ресторане играла музыка, за высокими окнами танцевали нарядные женщины, в кинотеатре крутили картину «Леди Гамильтон», в витринах магазинов мерзли розовые манекенки, подкладные ватные плечики крепдешиновых платьев делали фигуры квадратными. На заборах висели плакаты, призывали граждан дружно голосовать за нерушимый блок коммунистов и беспартийных на февральских выборах в Верховный Совет страны.

Приемный покой больницы ошеломил запахом лекарств, настороженной тишиной. Немного затихшая тревога вспыхнула снова. К горлу подступил колючий комок, едва смогла внятно объяснить, зачем пришла сюда, чего сейчас хочет. Молоденькая медсестричка полистала толстую книгу, коротко жалостливо глянула, упорхнула за высокую белую дверь. От этого взгляда сделалось совсем нехорошо, ноги ослабли, пришлось присесть на краешек жесткой скамьи. Через несколько томительно долгих минут пришел доктор, сухонький старичок в белом халате. Сквозь продолговатые стеклышки старомодного пенсне участливо смотрели добрые подслеповатые глаза.

Звезды сделались маленькими, остренькими, пронзительными, словно тоже навсегда замерзли. И, кажется, вверху невидимые серебряные колокольчики едва слышно вызванивают знакомую мелодию об утомленном солнце, которое нежно с морем прощалось. Сергей рассказывал, что музыка может веселить, может заставить грустить, воевать тоже может. И вдруг алое пламя пожара, взметнувшись, закрывает полнеба, становится закатом, краски темнеют, будто медленно остывают, становятся зловеще багровыми. По неровной лунной дорожке сильными размашистыми саженками плывет единственный любимый дорогой человек, весело отзывается на ее тре-

вожную просьбу немедленно вернуться, голоса сливаются, сплетаются, улетают в молчаливую фиолетовую бесконечность ночного южного неба.

Сергей несет ее. Она обнимает мускулистую шею мужа, положив голову на соленое загорелое плечо, плывет по теплой голубоватой тишине. Волосы рассыпались, закрывают плечи, грудь; кажется, в зыбком лунном свете слабо светятся, шевелятся, живут своей жизнью. Родной голос приятно ласкает слух тихим шепотом. Любит, любит... С первого взгляда и до этой минуты, на всю жизнь и после смерти. Уже затихая, едва слышно просит сохранить детей.

А сынишку сегодня догнала немецкая пуля.

Страшный крик боли, отчаяния, тоскливой безысходности переполнял белую просторную комнату приемного покоя районной больницы. Это было вечером... Сейчас тоска незаметно растворяется тягучей полудремой. И оставалось всего ничего, только забыться, немного расслабиться, чтобы наступила вечная спокойная умиротворенность.

И уж не холодный снег вокруг, горячий морской песок, впору снимать платье, сладкая истома волнами ласкает тело. И то сказать, ей скоро тридцать, утолена жажда чувств, ощущений. Да, судьба отпустила самую малую толику хорошего, словно выделила скудную натуроплату, едва покрыв наработанные житейские трудодни. В голодный год всех выручал общий котел, вот только счастье штука сугубо единоличная, на общем собрании невозможно проголосовать, чтобы всех оделяли поровну.

Тайная сила удерживала сознание, мешала заснуть, настойчиво напоминала, что еще надо уговорить плотника побыстрее сколотить гробик. У председателя попросить лошадь, утром привезти мальчика домой. Как положено похоронить, потом справить поминки. На девятый день помянуть. И на сороковой... Людочку, наверное, из садика забрала соседка, раньше всегда выручали друг друга. Девочка легла спать не евши. Если утром сама забыла закрыть печную вьюшку, сейчас хата сильно вымерзла, дочка дрожит, накрывшись одеяльцем. Нет, никак нельзя сейчас расслабляться... Надо уговорить плотника. У председателя попросить лошадь. Утром привезти сынишку домой.

Мысли медленно роились... Сергей открывает дверь комнаты, громко насвистывает мотив веселой песенки «Мадам Маркизе». В далеких гренадских волостях эту

3*

песенку пели неунывающие французские добровольцы. Виновато улыбается, просит закрыть глаза. Ясное дело, новый сюрприз!

И тут она увидела плотного коренастого мужика в казенной шапчонке с опущенными ушами, иней курчавился на бороде — страх глядеть на эту густую мохнатую шерсть. Тихо спросила:

— Вы откуда взялись, дядько Папас?

Сердюк махнул рукой:

— Де був, там вже нема. — Слова застывали в морозном воздухе белыми облаками пара. — И не пытай. Хай там вовк воет и ведмедь лапу сосет.

— За что вас забирали?

Он, вздохнув, пояснил: районный секретарь уговорил послужить старостой, чтобы свой человек был, не назначенная немцами сволочь. Она должна знать секретаря, Дегнеру, было время, вместе ходили агитировать мужиков вступать в колхоз. Дегнеру немцы поймали, перед самым освобождением повесили, некого стало спрашивать, сам пошел служить старостой или выполнял поручение. А пока сидел, люди добрые помогли, нашли остальных подпольщиков, собрали нужные показания... Сердюк осекся, словно устыдился своей неуместной разговорчивости, удивленно вскинул припорошенные инеем кустистые брови:

— А ты що тут робышь? Зараз добрый хозяин собаку на вулицю не выгонит. Вставай, бисова дивчина, бо поморозишься, потом сидать будэ не на що.

Она хотела встать, но не получилось. Сердюк досадливо крякнул, ухватил отвороты полушубка, рывком выдернул ее из сугроба, как репу из грядки. Да ноги сразу подкосились, она кулем повалилась набок. Он успел подхватить ее, сам едва устоял, несколько мгновений оба качались, как два снопа под сильным ветром.

— Не падай, ридненька. Ты не падай. Така стала корова, дуже важно держать, — шептал, передыхая, мужик, потом страшным голосом рыкнул: — А ну иди, черта тоби у печинку!

Она перепугалась, сделала первый шаг.

— Ноги болят. Не могу, хоть убейте. Оставьте меня в покое.

— Це можно, раз плюнуть. Ще одын шаг и усе... — глухо приговаривал мужик, шаркая казенными штанами, дело свое делал, заставлял двигаться.

6

Она застилала постель, чутко прислушивалась. В леваде пиликала гармошка. У соседей крутили патефон, встречали приехавших погостить родичей. Чем городским хорошо: пришло время, — получай отпуск, поезжай куда глаза глядят. А тут страда заканчивается, отдохнуть можно только ночью. С утра снова на току сгребать зерно в бурты. Дело пыльное, но после косовицы почти курорт, после работы хватает сил переделать домашние дела. Она держала корову, поросенка, кур.

Жизнь становилась полегче. После голода сорок седьмого года провели денежную реформу, отменили карточки. В колхозе появились тракторы, комбайны, провели электричество. Все вроде хорошо, одно только плохо... Душа незаметно заслабла, застыла.

Анна окончила медицинский институт, работает хирургом в столичном госпитале. Девке скоро тридцать, самый расцвет женской красоты. Стала эдакой ухоженной городской куколей, носила высокие каблуки, модные шляпы, накрытые сеточками. Они оставляли открытой только нижнюю половину тонкого смуглого лица, скрывали неприступно строгое выражение черных холодных глаз. Получила звание капитана медицинской службы. Замуж выходить не спешила, хотя вокруг увивались породистые столичные кавалеры. Часто приезжала попроведывать. Уже учила, как надо жить... Двумя пальцами держа папиросу, решительно говорила, дескать, совершенно рано кукситься, устраивать собственные похороны. Дочка подрастает, это значит, непременно придется нянчить внучат. Если местами подмазать, подкрасить, припудрить, надеть модную шляпу, получится интересная блондинка неопределенного возраста. Надо наконец купить хорошие туфли... Самые красивые женские ноги грубая тяжелая обувь делает обыкновенными конечностями. Она еще молодая, видная собой женщина, просто обязана носить черные лакированные туфли: тонкий высокий каблук, выше щиколотки тонкий ремешок, ноги сразу хорошеют, спина выпрямляется, походка делается королевской.

Она только смеялась: тут негде модничать, некогда носить модные шляпы, для лакированных туфель сельские дороги неподходящие, летом пылища, осенью грязь, зимой снегу наметает, без валенок никуда!

В самом начале лета, когда кончается посевная, сделаны огородные работы, перед сенокосом выпадает короткая передышка. Вот тогда, теплой ночью, раздался неуверенный стук. Она уже собиралась спать, но пришлось наскоро накидывать юбку, идти открывать, тихо поругивая непрошеных поздних гостей. Из темноты послышался торопливый шепот, ознобливо прерываемый стуком зубов:

— Не пугайтесь, хозяйка. И простите за столь поздний визит в столь необычном виде. Но обстоятельства, понимаете, сложились крайне неблагоприятно, поэтому вынужден побеспокоить.

Она внимательно пригляделась, испуганно вздрогнула. Возле крыльца виновато топтался высокий тощий мужик, как есть заляпанный грязью, сверху торчала кудлатая голова. Он махнул рукой, разбрасывая липкие ошметки, указывая в сторону небольшого болотца возле речки, единственного, наверное, на весь район, куда его угораздило провалиться. В трясине перемазался, было неудобно сразу показываться людям. Пока дожидался ночи, очень замерз, сейчас просил стакан чаю.

Она взяла ведро с водой, окатила мужика, смывая грязь. Он ознобливо охал, неловко подпрыгивал, послушно поворачивался. Пока ставила самовар, мужик переоделся, накинул старый заношенный полушубок, почти десять лет назад подаренный старым пасечником. Потом вошел в хату, начал нудливо извиняться. За свой внешний вид, за босые ноги, ботинки пришлось тоже оставить возле крыльца. В теплую кухню почти силой затащила несуразного ночного гостя, отворачивалась, пока усаживался, прикрывал полами короткого полушубка мосластые ноги, покрытые темными подтеками. Потом стеснительно отхлебывал горячий чай маленькими аккуратными глоточками. Делать нечего, растопила печку. Пока чугунки грелись, спросила, какая нечистая сила занесла сюда мужика. Тот принялся объяснять:

— Отыскал, знаете, редкий экземпляр девясила. Но по рассеянности не заметил топкого места... — На черном лице блеснули зубы, белки глаз. — И провалился. Сразу по пояс. Потом стало медленно засасывать. Но повезло, ухватился за куст.

— Ах ты, господи, ведь мог утонуть!

Мужик зябко повел плечами. Согласно кивнул: мог, наверное... Он не фаталист, но твердо убежден, судьбу каждого отдельного человека определяют маленькие слу-

чайности. Встречи, например, окружение, обстоятельства... Из них и складываются потом отдельные судьбы, составляют общие закономерности человеческого существования. Такие случаи, как этот, сегодняшний, в небесной канцелярии заносят в графу сгоревших, то есть утонувших, на работе, и после обработки статистического материала путем сложных вычислений выводят закономерность этого явления. Она ничего не поняла, на всякий случай вздохнула:

— Далась тебе эта трава!

— О-о-о, вы не знаете ее свойств.

— Знаем. Пьем от живота. А ты, никак, ночами колдуешь?

Мужик оживился, словно услыхал знакомое, давно надоевшее слово: вот она, мистика, суеверные предрассудки! Да если хозяйка хочет знать, ночной сбор трав имеет строгое научное обоснование. В темноте прекращается процесс фотосинтеза, растения обильно выделяют биогенные стимуляторы. Те самые биологически активные вещества, которые способствуют более эффективному излечению, в народе их еще называют чудодейственной жизненной силой. Мужик, жестикулируя, задел рукой стакан, смущенно извинился и проговорил: она хлопочет совершенно напрасно, он уже согрелся, сейчас уйдет.

— Уймись, девясил... Будешь баниться, отогреваться. У меня большое корыто, как-нибудь уместишься, невелик барин. Ты вроде очень ученый знахарь, может, полечишь нашего председателя, у него с войны рана не заживает.

Мужик подумал, неуверенно согласился, дескать, можно попробовать полечить. Но она ошибается. Он не знахарь, кандидат биологических наук. Сергеев. Очень рад познакомиться! Он вежливо привстал, забывшись, однако тотчас испуганно запахнул полы полушубка. В прошлом году защитился. Сейчас идет разработка химических препаратов, дело, безусловно, нужное, но стойкие химические соединения имеют свойство оказывать на организм разные негативные побочные явления, осложняют работу печени, почек. И тут очень полезно использовать вековой опыт народной медицины, несправедливо низведенной некоторыми авторитетами до уровня колдовства и шаманства. Это не только ошибочная точка зрения, но и вопиющая бесхозяйственность, ведь просто преступно затрачивать миллионы на создание новых порошков, таблеток, и в то же время буквально затаптывать

готовые лекарства. Как тот спорыш, например, которым густо зарос хозяйкин двор!

— Зарос... — Она застыдилась: только нерадивые хозяева допускали, чтобы сорный спорыш разрастался во дворе сплошным зеленым ковром. — Руки не доходят повыдергать!

Мужик осуждающе нахмурился. Хозяйке, выходит, неизвестно, что эта невзрачная неприхотливая травка незаменима при лечении многих заболеваний, способствует заживлению ран. Он снова крупно задрожал.

Она почувствовала снисходительную жалостливость к этому, видно, вконец затурканному кандидату в ученые. Не нашлось ему более серьезного занятия, чем работать ночами болотным чертом! В корыто налила горячей воды, чтобы не стеснять мужика, пошла к колодцу. По дороге оглядывалась: не дай бог кто приметит, потом всяких разговоров наслушаешься. Когда снова вошла в кухню, намыленный кандидат ужаленно задергался, стыдливо поджимая длинные ноги, как молодая девка, голой застигнутая врасплох. Опять начал виновато извиняться, что немного набрызгал, теперь придется подтирать.

— Экий ты, ей-богу, неловкий!

Она сострадательно вздохнула, так как эта стыдливая извинительность вызвала потребность в покровительстве, какую вызывают немощные, неумелые. Взяла мочалку, начала натирать покрытую темными разводами спину, не отвечая на протестующие всхлипы. Гость оказался поджарым молодым мужчиной с крупными сильными лопатками, по ребрам левого бока тянулся перетянутый поперечными стежками длинный шрам. Она выпустила мочалку, испугавшись, что сделала больно. Но он мотнул головой, дескать, там совершеннейшая чепуха, осколком только шкуру располосовало.

Она ушла в комнату на чистую половину, стараясь совладать с неожиданным волнением, вдруг вызванным близостью молодого мужского тела. Ведь невелика преграда — ночная рубашка. Из комода выхватила старый халат, чтобы кандидату прикрыться после купания, на печку бросила старое одеяло, наказала потом хорошенько укутаться. И пулей вылетела на улицу глотнуть прохладного ночного воздуха, ругала лукавого, дурные мысли, бабью слабость.

Когда гость угомонился, вытащила корыто на крыльцо, принялась отстирывать слипшуюся одежду, чистить кожанку, испачканную снаружи, сухую внутри, с тру-

дом сдерживала желание поискать в толстом бумажнике паспорт, узнать о его семейном положении. Ночи летом недлинные, управилась перед рассветом. И потом долго ворочалась, томил ознобливый страх, тайное желание услыхать, когда наконец скрипнет дверь чистой половины, осторожно зашлепают, медленно приближаясь, босые мужские ноги.

Тишину разорвали жуткие выкрики, напрочь отогнали тягучую сонливость. Это сельские мальчишки кричали... От них даже ночами никакого покоя: свистят, гикают, прыгают, орут нечеловеческими голосами, как Тарзаны. До войны иначе играли, были красными кавалеристами, кронштадтскими матросами, героями революции. Нынче просто повально подражают дикому человеку, какого показала трофейная кинокартина. Она вздохнула, повыше натянула одеяло, вспомнила своего мальчика... В мае ему должно было исполниться тринадцать лет. Павлик отцовской породы, был чернявеньким парнишкой, дочка уродилась беленькая... На ней теперь замкнулась вся нежность. Слава богу, росла здоровенькой, училась хорошо, учителя хвалят. Эта отрада помогла пережить потерю сынишки. Или так устроен человек: должен преодолеть, превозмочь большие переживания, мелкие неприятности?

Сергея дождаться отчаялась, время гасило последние надежды. За последние годы писала куда только могла, отовсюду один категорический ответ, что без вести пропал осенью сорок первого года. И на картах пришлая цыганка раскидывала, несколько раз подряд перепроверяла, мимо дамы червонной проходил пиковый король, оставались одни пустые хлопоты. Со временем добавила страданий неприятность посерьезнее, она стала незаметно забывать мужнину внешность. Из памяти постепенно выпадали самые мелкие черточки, морщинки, едва представляла общий образ. И ушлые мужички, чего греха таить, подкатывались утешить вдовьи печали, иные такого словесного туману подпускали, что впору слезами горючими заливаться, жалеючи безрадостно увядавшую молодость.

Анна, приезжая, напористо говорила:

— Женщина всегда должна оставаться женщиной... — Доставала тюбик помады, коробочку пудры, черный карандашик. — Мы сейчас сделаем из тебя леди Гамиль-

тон. Ваши мужики будут ходить на задних лапах, прыгать через горящий обруч, исполнять любые капризы.

Она охотно поддакивала сестре: страсть какие падкие до баб, особенно когда хорошо дернут водочки. Тогда и на задних лапах, и через обруч, и лбами двери открывают. И леди здесь просто бабы, чтобы пахать, рожать... Анна, однако, вполне серьезно убеждала:

— А ты вон какая красуля! Не дрыгайся, а то в глаз попаду... Надо немного выщипать брови, сейчас такие не носят. Жаль, не прихватила пинцет. Теперь займемся прической, самое трудное дело. В моде нынче паровая завивка. Бабы — как стадо овец. Кудряшки, кудряшки... Тебе идут гладко зачесанные волосы. Одну прядку, пожалуй, можно выпустить, чтобы вилась с этакой поэтической небрежностью. — Анна придирчиво оглядывала, удовлетворенно кивала. — Ну что... Не пойму, какого рожна надо вашим мужикам? Нет, женщина всегда должна держать инициативу в своих руках. Говорят, человек кузнец своего счастья, тебе надо ковать, пока еще железо достаточно горячо!

Сергеев появился нежданно-негаданно, когда сердце успокоилось настолько, чтобы снова испытать радость, слышать желания зрелой молодой плоти.

Утром он сидел возле кухонного стола, запахивал старый, коротковатый женский халат. Такая комедия, она было смешливо прыснула, тотчас осеклась, увидев поперек виска мужчины шрамик канавкой, такие оставляют мелкие секущие осколки при попадании снарядов в танковую броню. Сергеев подтвердил, что воевал, всю войну прошел. Потом весело добавил: «бешеным» стрелком. Одновременно и радистом, это смотря какая машина, каждая имеет свой экипаж. «Бешеным» ребята прозвали, танковые войска особые, народ подбирается веселый, умеет метко пошутить.

Она тихо сказала:

— У меня муж был танкистом.

Назвала фамилию. Напряженно замерла. Сергеев помолчал, припоминая, после чего неуверенно пожал плечами: нет, такого вроде не встречал. За завтраком разговорились, как старые добрые знакомые, она вдруг откровенно припомнила довоенный гарнизон возле западной границы, подаренную старым пасечником тележку, страшную морозную ночь сорок шестого года. Сергеев больше слушал, сочувственно кивал, это сочувствие вызывало благодарность за нечаянную возможность выго-

вориться, хоть словами излить накопленные печали. Подруги вечно заняты своими страданиями, при случае могут вывернуть откровенность таким боком, что тебе хуже будет; тут таиться нечего, через несколько часов навсегда расставаться.

Она первая спохватилась, бросилась снимать стиранную ночью одежду, потом торопливо гладила рубашку, чтобы человек успел вернуться домой утренним поездом. Он сменил халат, оделся привычно. Опять долго извинялся... Но ей меньше всего нужны были эти благодарности, одно думала, как его выпустить, чтобы соседи не углядели, иначе пойдут разговоры, пересуды, на целую пятилетку хватит. А когда мужчина ушел, долго глядела в окошко, едва сдерживала странное желание кинуться вдогонку, до того было сильным непонятное чувство потери.

На работу пошла неохотно. Привычная сельская жизнь казалась временной, вынужденной, вроде необходимого ожидания перед неизбежным началом другой, настоящей, полностью повторяющей довоенную. Дневные минуты казались долгими часами, она сама себе удивлялась: человек только ласково поглядел, сразу словно нашло бесовское наваждение, заставило напрочь забыть обыкновенную сдержанность, житейскую рассудительность.

Домой возвращалась вконец утомленной, словно таскала тяжелые мешки, не мил был весь белый свет. В сенях учуяла густой аромат, когда открыла дверь кухни, вовсе задохнулась. На печке сушились пучки травы, в кастрюльке булькало пахучее зеленое варево, дочка помогала ночному гостю сортировать вершки и корешки. Он показывал девочке траву-причепу, ее сельские бабки варили, отварами отпаивали золотушных ребятишек, и на полном серьезе объяснял, что это череда обладает потогонным действием, помогает при артритах, подагре.

Ноги враз ослабели, дыхание зашлось, видела только канавку шрама на виске мужчины, едва слышала его немного смущенные объяснения. Он вспомнил вчерашний разговор, решил помочь председателю залечить старую фронтовую рану, они днем познакомились, уже готовится лекарство. Кандидат пока поживет здесь. Но если хозяйка возражает, тотчас поищет другую квартиру. Она торопливо сказала:

— Живите, места хватит.

Быстро сготовила поужинать. Не поднимала головы,

жгучий стыд вызывало выгоревшее ситцевое платьишко, давно сопревшее под мышками, неприбранные, пропыленные волосы, обветренное лицо, огрубевшие руки. А внутри упруго натягивалась невидимая струна, постоянно держала в неловком напряжении. Сергеев оказался чутким человеком, видно, уловил эту напряженность, перестал заговаривать, колдовал над своими травами, вполголоса рассказывал девочке мудреными словами: сапониты, эфирные масла, органические кислоты. Она расставила миски, выложила ложки.

— Вы тут ешьте, мне надо сходить!

В комнате подняла крышку комода, достала ненадеваный китайский халат, разрисованный драконами, но так и не надела его... Голову хмельно кружили полевые ароматы зеленого кандидатского варева. Она смутно соображала, для какой цели собралась приодеться, выказать свою женственную привлекательность.

Струна внутри предельно натянулась, заставила распахнуть окошко. Вдруг почудилось, что под окном мужской силуэт, белеют призывно протянутые руки. Она смело прыгнула, раскидывая руки, как широкие крылья... Но не почувствовала привычной опоры, ухнулась посреди густых зарослей матерой крапивы, сухой огонь ожег колени. Подхватила халат, едва сдерживая нервную смешливость, побежала через огород. В речной низине стлался белесый вечерний туман, она там шла осторожно, неуверенно, ногами нащупывала дорогу, обжигаясь холодной росой.

Из темноты выплыли раскидистые прибрежные ивы. Возле воды остановилась, унимая запаленное дыхание, чутко прислушалась. Тихо было... Только рыба плеснулась, свистнула птица.

Она разделась, пугаясь черной воды, отчего поначалу сердце заходилось страхом. После свежего вечернего воздуха вода показалась необычно теплой, нежно огладила тело, напомнив забытые ласки. Она легла навзничь, раскинула руки, как сильные белые крылья... И, как раньше, когда была счастлива, вдруг снова почувствовала, что душа летит, летит, широкими плавными кругами набирает теплую звездную высоту.

Купание успокоило заполошное биение сердца, охладило полыхавшие крапивным огнем бедра. Она потом торопливо одевалась, дивилась недавнему наваждению: вот как можно влипнуть, стоит только немного отпустить вожжи. Домой пошла другой, более длинной дорогой,

чтобы совсем забыть глупые мысли, при ходьбе шелковый халат тихо шуршал. Щелястую калитку открыла, когда струна внутри вконец расслабилась, вроде наступило душевное успокоение. Увидела постояльца сидевшим на лавочке возле крыльца, совершенно спокойным голосом спросила:

— Вы тут хоть ужинали?

Сергеев кивнул:

— Да, конечно, все было очень вкусно... — Подвинулся, приглашая присесть, обхватил пальцами свое колено. — Мне здесь, знаете, нравится. Тишина, воздух чистый. В городе на каждом перекрестке гудят машины, от бензиновой гари не продыхнуть. Мама болеет астмой, эта гарь провоцирует приступы. На улицу выходит только вечерами. От нас недалеко парк, всего два квартала. Но там стали пошаливать хулиганы. И на душе сейчас немного неспокойно.

— Пусть берет невестку, поди, на пару бояться нечего.

— В семейной иерархии это, кажется, жена сына?

— Ну да. Твоя жена — матери невестка.

— А я, знаете, холост.

Сергеев пожал плечами, словно удивлялся этому обстоятельству, начал задумчиво вспоминать: в юности был слабаком со впалой грудью, с толстой книгой под мышкой. А таких девушки не любят, они любят сильных решительных футболистов. Во всяком случае, так тогда думал, даже университет не прибавил уверенности. До четвертого курса завидовал бойким, разбитным приятелям. Перед войной твердо решил стать настоящим мужчиной, добровольно пошел в военкомат, за два года срочной службы спина окрепла, грудь выпрямилась, стал парнем хоть куда, девицы начали заглядываться.

Она едко спросила:

— Ты для этого служил?

Сергеев охотно посмеялся, потом серьезно объяснил, что это было причиной второстепенной, эдаким возрастным утилитарным страданием, а поменять студенчество на солдатскую казарму заставила, безусловно, патриотическая настроенность довоенного молодняка. И, конечно, стремление научиться преодолевать трудности, без чего никак не обойтись, если добиваешься большой цели. Вот, например, при нынешнем прохладном отношении к лечению травами защитить кандидатскую диссертацию помогла только армейская закалка. А впереди непоча-

тый край интересной работы, на всю жизнь хватит. Она завистливо вздохнула: счастливый человек!

Он задумался, потирая висок. А вот этого сказать определенно не может. На войне хотелось победить. Потом пришлось доучиваться. Трудно, долго готовил диссертацию. Наконец защитился... Все это, надо сказать, только счастливые мгновения жизни, между которыми трудности, борьба, неприятности, сомнения, переживания. И кто знает, может, постоянного безоблачного счастья, о котором так сладко мечтается, в природе просто не существует?

— А чего до сих пор не женился?

Сергеев пристально посмотрел, словно полюбовался. Этот взгляд взволновал печальной ласковостью, сердце громко забилось, она едва расслышала тихий голос. Да вот так получилось... За войну забыл почти все науки, потом пришлось, как говорится, грызть гранит, наверстывать упущенное, отложить сердечные хлопоты. А сейчас возраст такой, трудно отыскать подругу... Женщин умных, красивых, деловых сколько угодно, нужна именно подруга, чтобы вместе тянуть нелегкую семейную телегу.

Она, вздохнув, некстати заметила:

— Для телеги лошадь требуется!

Сергеев осуждающе нахмурился, он это уже слыхал применительно к конкретным обстоятельствам. Когда разговор заходил о матери. Больная старуха, дескать, будет мешать спокойному семейному счастью. А легкого, спокойного счастья тоже не бывает. Всякая дрянь, конечно, приспосабливается, находит разные лазейки, а нормальный порядочный человек всегда платит таким трудом, от какого лошади просто дохнут. И ей, как ему кажется, все это хорошо известно!

Она вдруг явственно услыхала надорванный голос рыжеватого старшины, который в далеком сорок первом при проверках документов называл женщин с детьми важным стратегическим грузом. И при оккупации, когда впрягалась в плуг, своей спиной испытала такое, от чего не то что лошади — быки дохнут, трудностями судьба оделила сполна. И мысленно проклинала чертов язык: чего выставлялась, без ума жить горе горькое, а тут последние остатки выветрились. Впервые услыхала дельные слова, почувствовала сердечное отношение и выпустила язык, от стыда впору сквозь землю проваливаться. Скрывая виноватость, тихо спросила:

— Как тебя зовут?

Сергеев отозвался после долгого молчания:

— Костя. Константин...

— И сколько тебе лет?

— Тридцать.

Она про себя отметила — на три года моложе. И огорчилась: кто это придумал, чтобы мужчина обязательно был старше? Костя тихо говорил, что вчера после страхов, болотной трясины, ночного холода попал в теплую кухню, потом почувствовал заботливые женские руки. До сих пор чует запах полыни...

Она хотела сказать, что полынь против клопов. И закрыла рот ладонью, потому что душу окатила горячая волна: на этой лавочке очень давно сидел другой человек, иным тоном говорил иные слова, но, как тогда, сердце снова открывается долгожданным переменам. Недавние волнения перестали казаться постыдной слабостью, слова мужчины насчет рук, которые как две большие птицы, вызвали теплый прилив нежности — есть, наверное, между людьми невидимая связанность, в минуты сильных душевных потрясений она просто заставляет видеть, думать, чувствовать одинаково.

Рядом приглушенно звучал мужской голос: после сегодняшнего утреннего разговора кандидат случайно вспомнил недавно прочитанную статью о соотношении мужского и женского начал во всей природе. Женское, значит, сохраняет наследственность, поэтому лучше обживает существующие условия, мужское начало обеспечивает выживаемость потомства, поэтому более активно осваивает внешние изменения... Сергеев спохватился, сокрушенно покрутил головой:

— Я, кажется, слишком увлекся теоретическими обобщениями... Извините, волнуюсь, как мальчик, который на первом свидании. Вы сильная красивая женщина. Способны создать крепкую семью, согреть своим теплом, душевной отзывчивостью. И я, знаете... Мы оба, словом, еще можем, как говорится, объединить наши начала.

Она нервно дернула уголок косынки:

— Да ты никак сватаешься?

— Да. Именно. Сватаюсь.

Ну что тут сказать, бог его знает! Трудно угадать наперед, как сложится жизнь. Бывает, люди с первого взгляда срастаются навечно, другие встречаются годами, потом живут хуже кошки с собакой. Но он ученый человек, у нее же четыре класса образования, язык словно

ботало коровье. Он совсем молодой, она старше годами, а время быстро лишает женственной завлекательности. Мужик сейчас разомлел, потом непременно разглядит, что самая сельская королева среди городской обстановки становится обыкновенной простушкой. Костя, видимо, иначе истолковал молчание. Неторопливо встал, неловко выронив бумажник. Начал вежливо извиняться, что наговорил лишнего... Он немного посамовольничал, днем осмотрел сад, нашел удобный деревянный топчан, уже отнес туда одеяло. На печке спать невыносимо жарко, можно незаметно расплавиться.

Струна внутри опять натянулась, тихо жалобно зазвенела, потом больно лопнула. Она закусила угол косынки, вдруг отчетливо представила, что сад совсем близко, идти всего ничего. За хатой среди зарослей шиповника несколько старых раскидистых яблонь, они там долго роняли цвет, усыпали землю нежными розоватыми лепестками. Показалось, будто невесомый шелковый халатик медленно растаял.

Унимая дрожь коленей, медленно нагнулась, подняла бумажник, выпавшую оттуда карточку. Мельком глянула... Смутная тревога заставила приглядеться внимательнее. На осенней лесной опушке стояли шесть танков, башня крайнего пробита, большая дыра сбоку темнела обгоревшими краями. Рядом — высокий человек, черный форменный комбинезон наискосок пересекал ремешок командирской планшетки. На старом любительском снимке лицо расплывалось, можно было различить знакомый разворот сильного плеча, решительный излом густых черных бровей.

Костя помолчал, потом сказал, что это под Можайском. Октябрь сорок первого года, самое трудное время обороны столицы. Танки бросили выручать окруженную стрелковую дивизию. После ночной атаки один парень, который имел лейку, щелкнул. Снимок получился неважным, трудно разглядеть человека, который стоял возле крайнего танка. По внешности вроде похож... За четыре месяца от западной границы туда пешком можно дойти. Она вдруг поняла, что нечего вглядываться, буравить глазами карточку, окончательно сгорели остатки надежд, мужнина гибель стала страшной безжалостной очевидностью.

Разум отчетливо понимал, что сейчас представилась, наверное, последняя возможность устроить свою судьбу. Вот только душа противилась, горько запеклась винова-

той совестливостью. Она вяло подумала, что время лечит только легкие болячки. Большие прошлые переживания раскладывает по самым укромным уголкам памяти, как домовитая хозяйка ржаные сухарики на черный день. И эти твердые комочки стойко хранят вкус, запахи давних событий, стоит тронуть, раскусить, все снова словно оживает.

Но уже испытано все, что положено испытать каждой женщине: любила, рожала, страдала.

Она потерянно спросила:

— Кто тогда командовал батальоном?

— Вот этот майор. Век его буду помнить, так лупил фрицев, только перья летели! — Костя горестно вздохнул. — И не знаю даже фамилии, вот беда какая! В разных экипажах ночью воевали, по радио без фамилий команды идут. И утром толком не успели познакомиться.

Видя ее заинтересованный взгляд, он стал рассказывать подробно.

Утром примчался мотоциклист. Он сообщил, что неподалеку немцы атаковали мост, зенитчики прикрытия едва держатся, недолго устоят против бронетранспортеров. На том берегу скопилось много наших войск, надо было спасать переправу. Майор приказал слить остатки горючего, набить диски последними патронами, заправить одну машину. С побитой башней, чтобы потери были минимальными, если что случится... Потом приказал построить батальон, прошелся перед строем. Коротко сказал: броня крепка и танки наши быстры, надо выручать пехоту, устроить фашистским гадам фанданго и фламенко. Он сам пойдет водителем, нужен хороший пулеметчик. Не приказывает, дело сугубо добровольное. Это тот самый случай, когда военные уставы бессильны, когда никому нельзя приказать, человек только самому себе строгий командир. Майор погнал побитую машину вдоль размытой осенними дождями обочине дороги навстречу отступавшим войскам. Правый фрикцион немного барахлил, отчего тридцатьчетверку закидывало левым боком вперед, тащило юзом. За лесом показалась переправа. На большой скорости танк таранил пятнистый немецкий броневик, который зенитчики безуспешно пытались остановить очередями счетверенной пулеметной установки. С моста столкнули второй. На другом берегу ударили третий. Костя поливал немцев пулеметным огнем, между очередями слышал злой голос командира. Майор ругался русскими, иногда непонятными иностранными слова-

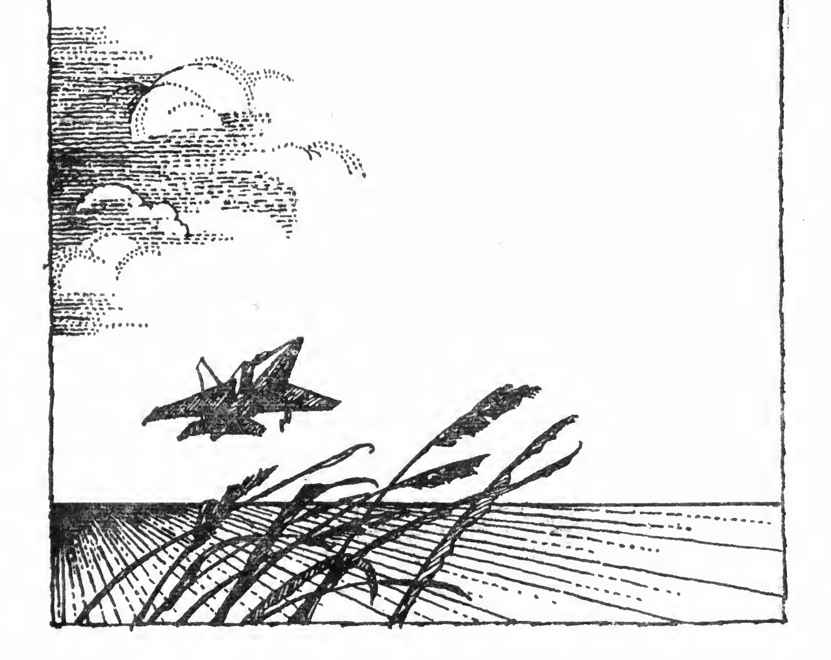
ми: «фуэго», «дереча», «искьерда», «листо»! В тридцать седьмом, дескать, били фашистскую нечисть, наши парни тогда таранили вражеские танки. По броне горохом рассыпались автоматные очереди, снаружи глухо лопались гранаты. Одна влетела через дыру башни, отработанные газы двигателя стала забивать едкая чесночная вонь немецкой взрывчатки. Косте осколок гранаты распорол левый бок. В горячке боя вроде слегка чиркнуло, только потом почувствовал, что странно намок разорванный комбинезон. Сам даже вылез, сквозь временами исчезавшее сознание видел, что танк горел, майора красноармейцы вытащили оттуда сильно пораненного осколками. Не помогли никакие перевязки, командир быстро изошел кровью. Орден, документы, полевую сумку забрал комиссар проходившего через мост сильно потрепанного боями стрелкового батальона.

Небо наискосок пересекает блестящая россыпь звездного Чумацкого шляха, теплый летний ветерок гонит темные пятна облаков, густой пряный запах полыни уносит привычные ночные звуки: коротко взлаяла собака, в стойле протяжно мыкнула корова, на станции бухнул буферами состав.

Она вдруг подумала, что всю свою жизнь торопливо догоняла неведомое счастье, время быстро летело вперед. Случай заставил оглянуться.

На жизнь грешно обижаться. Встречала хороших людей. Любила сильного, красивого человека. И будут, наверное, другие радости... Вот дочка подрастает, значит, непременно доведется тетешкать внучат, новые житейские ниточки пополнят пестрое жизненное полотно. А потом внуки подрастут, тоже кинутся догонять неведомое счастье, среди новых мировых катаклизмов станут складываться новые судьбы, причудливо сплетаться новые встречи, желания, восторги, испытания. И все люди, видимо, всегда будут мучительно преодолевать сложности, противоречия, трудности своего времени, чтобы открыть для себя, понять, принять вечные истины человеческого существования.

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕМЕСТР

Летчикам-инструкторам посвящаю

Часть 1

МАЙ

3 мая...

Ил-14 неторопливо оставил позади пригородные поселки, широкие дороги с коробочками-грузовиками, стада коров на яркой зелени в поймах речушек и уже более получаса плывет над желто-бурой степью, кое-где перечеркнутой серыми ленточками проселков. Высотомер над дверью пилотской кабины показывает двести метров, самолет бросает из стороны в сторону, вверх-вниз — когда-то рабселькоры назвали болтанку «воздушными ямами», хотя никаких ям в воздухе нет. Просто теплые потоки от неравномерно прогретой земли поднимаются с различной скоростью и мешают самолету лететь спокойно. Узнал я об этом недавно, на лекциях по метеорологии, но, как ни назови небесные «ухабы», мягче от этого они не становятся. Машина взмывает, проваливается, покачивается с крыла на крыло, отчего кружится голова и к горлу подступает противная тошнота. С заднего кресла мне виден весь салон: часть ребят спит, кто-то склонился над книгой, кто-то смотрит в окно. Откидываю голову на спинку кресла и закрываю глаза, пытаясь задремать, но болтанка и монотонный рев моторов отгоняют сон...

В первых числах апреля мы сдали последние зачеты, и на следующий день начальник курса, привычно заложив два пальца за лацкан кителя, сообщил, что сегодня курсанты поступают в распоряжение командира учебного авиационного полка. Строй радостно оживился: «Дождались!.. Дожили!.. Наконец-то!..» До обеда собирали, увязывали, упаковывали разрешенные уставом и старшиной вещички, прощались с казармой центральной базы училища, где прожили, проучились три долгих нелегких семестра.

На мощных армейских «Уралах» прибыли в полк — он находился за городом, сопровождавшие нас командиры взводов в последний раз скомандовали: «Становись!..» — и начался митинг. С посвящением в летчики нас поздравил командир полка. После громкого и восторженного «ура-а-а!» мы были перестроены по эскадрильям. Комэска подполковник Тюрин угрюмо осмотрел строй и вздохнул: «Эх, Икары...» Потом, конечно, тоже поздравил, но менее торжественно. Разошлись по звень-

ям. Командир нашего звена майор Нечаев, с узкими азиатскими глазами, просто сказал: «Ну что же, будем учиться разговаривать с небом на «ты».

И наконец познакомились с инструктором летной группы капитаном Устюжаниным. Плотный, коренастый, с сильными покатыми плечами, он долго рассматривал нас через черные очки и без всякого выражения сказал:

— С этой минуты я для вас бог, царь, воинский начальник и отец с матерью: заповедь первая! — Сунул руки в карманы потертой кожаной куртки и ушел без поздравлений и рукопожатий.

Другие инструкторы эскадрильи еще два часа беседовали со своими летными группами, а мы одиноко сидели на скамейке. Ничего хорошего такое начало не обещало, и, надвинув на глаза пилотку, я с мрачной насмешливостью буркнул: «Вот тебе и «отец»!..»

Началась наземная подготовка.

Изучали район полетов, готовили полетную документацию, проходили тренажи на «живых» самолетах и опять сдавали бесчисленные зачеты по материальной части, теории полета, самолетовождению. Выяснилось, что Устюжанин требователен, немногословен, справедлив. Полосы на плечах его кожаной куртки — от лямок парашюта, и поначалу только это обстоятельство заставляло относиться к капитану с уважением. Удручающее впечатление от знакомства рассеялось, но прозвище Отец осталось и произносилось нами скорее с иронией, потому что инструктору было всего тридцать лет. Он был спокоен до флегматичности и, как говорится, держал нас в «черном теле»: провел занятия — и привет родителям, никаких бесед и разговоров по душам, какие вели другие со своими летными группами. Постоянно носил черные очки, они придавали ему суровый вид, дополняя бесстрастность в отношениях с нами, но мне всегда казалось, что за темными стеклами таится слегка насмешливая улыбка.

Месяц прошел в сумасшедшем темпе. За три семестра мы привыкли к воинскому распорядку и жестким расписаниям занятий, а в апреле даже выходные дни были заполнены до минуты и отдых начинался только после команды «Отбой!». И сегодня утром опять тревога, сборы, полдня загружали транспортные Илы имуществом: от запасных частей к самолетам до матрацев и пищеблоковской утвари; это романтика — навстречу

ветру налегке, а быт всегда обременен банальными пожитками.

...К горлу подступила тошнота. Я открыл глаза — вроде бы стало полегче, и повернулся к окну. Внизу медленно ползла пустая ровная степь... Вспомнилось описание полевого аэродрома, на котором все лето будет работать наша эскадрилья: бетонная и грунтовая полосы. В двух километрах железнодорожная станция и, как говорилось в документах, населенный пункт. Морей и озер поблизости нет, гор, холмов и возвышенностей тоже — степь да степь кругом... Но все это, безусловно, чепуха, потому что завтра мы начнем летать. Летать! Как там в песне поется: «Обнимая небо крепкими руками, летчик набирает высоту...»

Почти два года учили высшую математику, философию — всего не перечесть, тренировались, прыгали с парашютом, большой и, в общем-то, нелегкий период жизни, но переносить все трудности помогало сознание, что это всего лишь временная отсрочка перед полетами.

С переднего кресла поднялся Вадим Сидоров, в тесном пространстве салона он выглядит не только высоким, но и массивным. Покачиваясь в такт болтанке, медленно направился к двери, возле которой на низенькой табуреточке сидел механик самолета. Увидев на побледневшем лице Вадима мученическую гримасу, механик отбросил в сторону брезентовый моторный чехол и остервенело нажал ручку какой-то дверцы. Дверца не открывалась. Пометавшись, механик сорвал с головы Вадима фуражку, сунул ее ему в руки и приказал:

— Трави! — потом с состраданием вздохнул. — Эк, скрутило...

Мы с Вадимом из одной летной группы. В армии сослуживцев не выбирают: разделят список личного состава, и, хочешь или нет, будешь служить с оказавшимися рядом в алфавитном порядке людьми в одном боевом расчете, учиться у одного инструктора, жить в одной казарме, летать на одном самолете. Отношения с ребятами во взводе, месяц назад переименованном в эскадрилью, за три семестра у меня сложились самые хорошие, делить нам нечего, причин для ссор нет, и друзьями по летной группе я в общем-то доволен.

В группе четыре человека. Вадим Сидоров, высокий худощавый парень, однако жилистый, сильный. У нас в эскадрилье вообще ребята не из хлипких, но и на

физподготовке Вадим далеко не последний, на турнике такие склепки выделывает — закачаешься! У него серые волосы, серые глаза, не особенно разговорчив и даже, пожалуй, замкнут, но когда надо, особенно с девчонками, язык развязывает. Бессонницей и отсутствием аппетита у нас на курсе никто не страдает, но Вадим может спать и на лекциях: глаза открыты, рука выводит на бумаге, конечно, не буквы, а какие-то ломаные линии, кардиограммы сна. На койке он спит по команде «смирно!» — руки вдоль тела, одеяло до подбородка, выражение лица строгое, сосредоточенное, словно и после отбоя он «ест глазами» снившееся начальство. Кормят нас, как и положено по курсантской норме, отлично, но Вадим за обедом шустро сметает свою порцию, на кухне молча подает тарелку в амбразуру раздаточной, смотрит на повариху многозначительно-задумчивыми глазами, и, загипнотизированная, та безропотно наполняет тарелку гарниром и посыпает сверху котлетками.

Коля Кузьменко, или просто Кузьма, светловолосый, с маленькой головой на широких плечах, до училища занимался в аэроклубе парашютным спортом. Парень энергичный, как многие подвижные люди, сначала говорит, потом думает, из-за чего сильно страдал на первом курсе.

В армии приказы не обсуждаются. Командир сказал — отвечай: «Есть!» Выполнишь не выполнишь — это другой вопрос, но, когда приказывают, не возражай! Командиры взводов в училище свое дело знают, большие специалисты по части уставов и дисциплины, наш командир взвода вообще из суворовцев, к армейским порядкам привык с детства и, если замечал какое-нибудь неуважение к уставам, действовал по правилу: «Не доходит через голову, дойдет через ноги». Или через руки. А это значит — час строевой подготовки или наряд вне очереди. Кузьма долго не мог отделаться от штатских привычек. Например, назначают его в наряд на кухню, сразу вопрос: «А почему я? Я в прошлый раз там был...» Разговаривать в строю не полагается, командир взвода показывает Кузьме один палец — час строевой подготовки. «А за что?..» Уже два пальца. «Чего я такого сказал?» Три пальца. В общем, торчал в нарядах до тех пор, пока комвзвода не провел душевный разговор: «Ты кто? Будущий летчик. Ну, летишь... Отваливается крыло. Спрашивать «что?» да «почему?» не у кого. Думать надо!» Эта беседа произвела на Кузьму

большое впечатление, и с тех пор он воспитывает в себе качества, необходимые людям небесной профессии: смелость, решительность — тут все было в порядке, а вот спокойствия не получалось.

Серега Нестеров — старшина нашей летной группы. Ну, этот внимательный, рассудительный, серьезный. Окончил школу с медалью, отлично проучился три семестра. Соображает в музыке, в ручной мяч играет как бог, и в голове полный порядок: все объяснено, разложено по полочкам, ко всему определено отношение.

Четвертый в группе я, Алексей Марков. Не высокий, не низкий, не отличник, но и не отстающий. Вроде все умею и обо всем немного знаю, но увлечения чем-то одним нет: волейбол — можно и в волейбол, шахматы — можно и в шахматы. Даже когда возле телевизора спорят ребята, обсуждая футбольные матчи, я никаких особых чувств не испытываю. У Сереги фамилия авиационная, Кузьма познакомился с небом в аэроклубе, оба мечтали летать, а я об авиации знаю только из книг, и если была в моей жизни настоящая мечта, то об архитектуре, которой я заинтересовался в девятом классе.

Жили тогда в старом доме с коммунальными удобствами: квартиры отдельные, но на весь этаж один туалет с дырками в полу и общая душевая с тремя кабинами, соседи иной раз встречались там в таких видах и позах, что потом неделями не могли смотреть друг на друга. В ту осень прошел слух о сносе дома и предстоящем переселении, все заинтересовались планировкой квартир в домах новой застройки, вот тогда я и накупил книг по архитектуре. Узнал, что в вечном деле — градостроительстве старые методы ушли в прошлое, а новые принципы еще не сложились в систему, и здесь неограниченные возможности для фантазии, мастерства и художественного вкуса. В своей фантазии я не сомневался, остальному рассчитывал научиться в институте, но подвела самая малость — архитектор должен уметь рисовать, а нарисованный мною дом сараем никто не называл, но и домом тоже.

Внизу показалась серая бетонная полоса аэродрома. Рядом с ней два ряда крестиков-самолетов, на которых утром прилетели сюда инструкторы. Несколько коробочек-домиков в стороне. Ил плавно приземлился и, скатившись с бетона, жестко закачался на неровностях грунта, но земные ухабы были милее воздушных ям.

Нас встретил прилетевший ранее начальник штаба

капитан Павлов и повел к одному из домиков, который вблизи оказался длинным щитовым бараком. Ребята вошли в помещение, я остановился на крыльце, осмотрелся.

По одну сторону поля в ряд разместились такие же бараки. Возле одного суетились, налаживая быт, солдаты-механики, возле другого стояла машина с красным крестом — это санчасть, из трубы третьего поднимался дымок — столовая. На противоположной стороне поля поблескивали оконными стеклами домики для офицерского состава, в центре — деревянный грибок с подвешенным к «шляпке» куском рельса — для часового. Напротив бараков — островерхие беседки с незатейливым реечным орнаментом, как в парке культуры и отдыха, казалось: вот-вот хлопнет о стол костяшка домино и радостно-хмельной голос злорадно известит: «Рыба!»

Из барака послышался басок:

— Эскадрилья, строиться! По звеньям и летным группам!

Старшина эскадрильи Толик Князев, неслужебно и неофициально Князь, в последний месяц с особенным удовольствием подавал команды «авиационными» словами, впрочем, и все курсанты после приезда в полк к месту и не к месту вворачивали в разговор летные словечки.

На построении старшина зачитал приказ:

— Принести со склада кровати, развесить мундиры, навести в казарме... — он осмотрел барак, — в гостинице порядок!

Ну что ж, казарма осталась в училище, общежития для студентов, а крылатое племя будет жить в гостинице. Насчет «крылатого племени» я, пожалуй, малость подзагнул, но какое это имеет значение, если уже завтра мы будем смотреть на землю из кабин реактивных самолетов!

Среда...

Посыпаю песочком дорожку напротив штаба эскадрильи. Рассеянно слушаю Тюрина, который распекает стоящего под грибком дневального, настолько разомлевшего под майским солнышком, что от его военной выправки не осталось следа.

— Ты стоишь как женщина, играющая на контрабасе, — выговаривал комэска. — Это зачем здесь висит? — И он указал на кусок рельса.

— В случае тревоги... Звуковые сигналы подавать.
— Чем же ты их будешь подавать?

Дневальный подавленно молчит: то ли пытается представить играющую на контрабасе женщину, то ли потому, что стучать по рельсу нечем.

Тюрин, командир нашей эскадрильи, мужчина серьезный — высокий, грузный, шея, спина и плечи зримо налиты силой. Он летчик старой авиационной закалки, еще той поры, когда самолеты были поршневыми, училища средними, а инструкторы не имели высшего образования. Сейчас самолеты реактивные, училище высшее, весь инструкторский состав летчики-инженеры, сам Тюрин заочно учится в академии, но в минуты душевных потрясений начисто забывает о педагогических премудростях и пользуется старым инструкторским лексиконом, напоминающим классические боцманские наборы с авиационным уклоном.

Утром после перелета комэска хмуро осмотрел строй и сказал:

— Запомните, Икары, что лагерь — это тоже воинская часть. Древние говорили: «Порядок — душа всего!», и пока мы не наведем здесь строго уставного порядка, полеты не начнутся.

И пришлось белить неизвестно кем посаженные кривые рахитичные деревца, красить беседки, которые оказались классами для предварительной подготовки к полетам. Вместо полетов мы превращали территорию лагеря в город-сад. Сегодня высаживали вокруг беседок семена вьющихся растений и возводили вдоль дорожек бесконечные заборчики.

Самолеты стояли недалеко от гостиницы, за спортивной площадкой, блестели на солнце дюралюминиевые плоскости, техники осматривали и запускали двигатели, и свистящий грохот звучал для нас призывной песней.

Хозработы — дело, безусловно, нужное: все-таки приятно смотреть на прибранный, выбеленный, выкрашенный лагерь, который принял не только жилой, но и праздничный вид. А вот вынужденная задержка полетов раздражает, настроение у ребят унылое. Погода стоит «миллион на миллион», но еще не просохла грунтовая полоса аэродрома. Летчики в штабе эскадрильи тоже маются от безделья — из открытого окна доносятся взрывы хохота, это командир нашего звена майор Нечаев, покуривая свои фирменные папиросы «Наша марка», рассказывает анекдоты. Да и Тюрин, судя по вы-

ражению лица, разносит сейчас дневального только для поддержания духа курсантского состава и своего боевого настроения.

— А тобой что, полы в казарме мыли?

По случаю хозработ на мне старое застиранное обмундирование, и пока я раздумываю, что ответить, комэска забирает у меня ведро с песком и начинает показывать, как надо посыпать дорожку: «Вот так: широко, размашисто, щедро!» Увлекся и сыпанул мимо дорожки. Но тут же сурово насупил брови и строго посмотрел на меня:

— А вот так не надо работать!

Лихо козыряю: «Все понятно, товарищ подполковник, очень ценное и своевременное указание!» А в душе ругаю себя за то, что забыл армейскую мудрость — подальше от начальства! В армии как: «Не умеешь — научат, не хочешь — заставят», а курсант — это студент и солдат срочной службы одновременно. И если успеваемость по аналитической геометрии, скажем, зависит от умственных способностей, то в постижении солдатских наук на практических занятиях участвуют еще и голова и ноги. Поступая в училище, я знал, что стану летчиком-инженером и потом буду служить в строевых частях ВВС, — так было написано в объявлении об условиях приема, но от планов до их осуществления оказалось далеко, как до горизонта.

...Курс молодого бойца. Остриженные наголо первокурсники в жестком, мешковато сидящем на худых плечах обмундировании и тяжелых негнущихся сапогах похожи друг на друга, как огурцы с одной грядки. Через несколько секунд после команды «Подъем!» надо стоять в строю одетым, и не как бог на душу положит, а чтобы можно было сразу в бой. А что такое даже минута спросонья? Мгновение! «О как прекрасно ты, повремени! Я высший миг сейчас переживаю...» — это из другой оперы, особенно после десятка подъемов-отбоев подряд.

...Плац. Квадрат раскаленного солнцем асфальта. Тянуть носочек... Ходьба строевым шагом индивидуально, в составе отделения, в составе взвода, торжественным маршем, строем с песней. Пилотка мокрая, сапоги чугунные, на спине соль, и к вечеру гимнастерка не гнется.

...Огромный овраг, поросший камышом. Вниз бежать страшно, а уж вверх совсем невмоготу, но — надо, потому что взводный смотрит на секундомер и, если кто-

то не укладывается во время, опять: «В атаку!», да еще парочку взрыв-пакетов бросит, в дыму того и гляди, чтобы кто-нибудь из друзей не всадил штык в спину. И когда уже совсем ни у кого нет сил, командир вытаскивает из кобуры пистолет и, размахивая им, увлекает взвод, как говорится, личным примером — из-под щегольских хромовых сапог болотная жижа летит во все стороны, и прешь за ним через эти проклятые камыши, как вездеход...

После курса молодого бойца был медосмотр. Медицина у нас на уровне — все-таки здоровье для летчика не последнее дело.

Так вот: после всех мытарств ребята прибавили в весе от трех до пяти килограммов.

Из штаба эскадрильи вышли инструкторы и шумной толпой направились к офицерским домикам. Вижу среди них Устюжанина. Он то ли не заметил меня через черные стекла очков, то ли не узнал — небрежно козырнул в ответ, слушая капитана Дугина, тоже летчика из нашего звена.

— Королевская погода! — говорит тот, на ходу застегивая планшет. — Тепло, солнце, весенние томления... Павлов только что осматривал полосу. Просохла. Значит, завтра начнем, и до октября — задняя кабина, степь и два кэмэ до скромной цивилизации...

— Не привыкать!

Это Отец ответил. Ему, конечно, не привыкать, а у нас завтра начнется новая жизнь. Павлов, который только что осмотрел полосу, — наш начальник штаба. Невысокий, худощавый, бледное лицо кажется болезненным. Носит на кителе «ромбик» и «птичку». Однако подавать команды не умеет. Командует, конечно, но не как строевые офицеры в училище — громко, властно, отчего ноги сами поворачиваются, а с какой-то интеллигентской мягкостью.

Четверг...

С вышки стартового командного пункта (сокращенно СКП) взлетела зеленая ракета. Начались полеты... Заревели двигатели, горячие струи из сопел рвут почву, за выруливающими к старту самолетами поднимаются тучи густой желтой пыли. Первым в нашей группе полетел, точнее, порулил Серега. Самолет рявкнул двигателем, выпрыгнул со стоянки, словно его вытолкнули, и начал выписывать на месте замысловатые вензеля.

— О це курсант рулит! — весело сказал техник Петрович, увертываясь от горячей пыльной струи. — А це вже инструктор. Зараз взлетать будэ... Пошел! Бачишь почерк?

На всякий случай я согласно киваю, хотя никакого «почерка» не увидел — все самолеты взлетали вроде бы одинаково.

Сегодня группа летает по первому упражнению — ознакомление с районом полетов. Главная задача для нас: смотреть по сторонам и запоминать все, что увидим. И не мешать инструктору пилотировать — в «спарке» две кабины и полностью дублированное управление. Перед полетами в конце предварительной подготовки Устюжанин говорил:

— Заповедь вторая! В воздухе хорошо выполняется только то, что на земле отработано на «отлично», и ничего не выполняется, если изучено только на «хорошо». Кузьменко, расскажи о режиме набора высоты.

— Обороты девяносто семь процентов, скорость триста пятьдесят по прибору, — заученно забормотал Кузьма. — Внимание надо распределять следующим образом: положение видимых частей самолета относительно горизонта... — И дальше точно по инструкции.

Я вздохнул — по теории все силы, действующие в полете на самолет, взаимно уравновешены, остается держать ручку управления и хладнокровно поглядывать на землю, хотя в инструкции по технике пилотирования об этом «поглядывании» ничего не написано. Больше всего сейчас хочется наконец-то посмотреть сверху на старушку планету и копошащееся на ее пыльных дорогах человечество. Тайное горделивое сознание от причастности к людям небесной профессии и радость от осуществления мечты не покидали меня с утра, впору во весь голос кричать о том, что с сегодняшнего дня начнется совершенно новая, летная жизнь. До сих пор ее приближение чувствовалось и выражалось только переименованием взвода в эскадрилью, получением летного синего комбинезона, ботинок на толстой подошве с резинками вместо шнурков, кожаного шлемофона, планшета на длинном ремешке — для карт и документов. Ну и, конечно, изменением пайка — в полку уже была летная норма, с сегодняшнего дня будет реактивная, в авиации эта сторона жизни на высшем уровне.

...Самолет с Серегой зарулил на стоянку. Задний колпак фонаря сдвинулся, Устюжанин быстро выбрался

из кабины. А вот Серега Нестеров, всегда уверенный в себе, растерянно смотрит на приборы, жалко улыбается и не торопится снимать с плеч лямки парашюта. Наконец неуклюже выбирается из кабины и уныло плетется к капитану получать замечания, так уж положено: после каждого полета — разбор.

Я быстренько занимаю Серегино место. Застегиваю замок парашюта, проверяю управление — все в порядке. В кабине пахнет лаком и еще чем-то особенным, непередаваемым, «самолетным».

Устюжанин забирается в заднюю кабину. Механик подключает наземное электропитание, и на пульте загорается зеленая лампочка. Торопливо нажимаю кнопку радиопередатчика, запрашиваю разрешение на запуск двигателя. Сквозь трески и шорохи в наушники врывается недовольный голос комэска:

— Не нарушать радиообмен! Запуск разрешаю!

По правилам, надо вначале прослушивать эфир, чтобы не сработать «встык» — одновременно с кем-нибудь еще, а я, значит, влез... Огорченный этим обстоятельством, включаю на пульте тумблеры и вдруг с ужасом чувствую классическую торичеллиеву пустоту в голове: от волнения забыл, как запускается двигатель. Тупо смотрю на приборы, пока техник Петрович, понимающе улыбнувшись, не указывает глазами на красную кнопку.

Раскручиваясь, в самолетной утробе глухо урчит турбина.

Механик убирает из-под колес колодки — путь свободен. Теоретически руление сложности не представляет, в инструкции записано: «Прямолинейность движения самолета выдерживать с помощью тормозов колес...» До рулежной дорожки самолет катится по идеальной прямой линии. Послушно разворачивается в нужном направлении и... начинает выписывать какие-то синусоиды, даже смутно не напоминающие прямолинейность движения.

— Техника в руках дикарей — обуза! — весело говорит Устюжанин. — Теперь смотри и запоминай! — Энергично двигаются педали, и самолет быстро бежит к взлетной полосе.

Выруливаем на старт. На приборной доске вспыхивает лампочка — закрылки выпускаются на пятнадцать градусов. Взвывает на «максимале» двигатель, и навстречу медленно ползет расчерченная прямоугольниками бетонных плит взлетно-посадочная полоса аэродрома.

9 мая...

«Лена, здравствуй!

Как в песне поется: «Перед тобой я виновен, перед совестью чист», но долго не писал потому, что не было свободного времени. Живем мы теперь возле самого аэродрома, из окна гостиницы видна стоянка самолетов. Можешь меня поздравить, я уже летал...»

Зачеркиваю слово «летал», пишу: «побывал в воздухе...» и отодвигаю письмо. После первых вылетов в нашей летной группе никто не захлебывался от восторгов. Устюжанин попросил рассказать о впечатлениях от знакомства с небом, и Кузьма, рукой размазывая по скорбному лицу серую аэродромную пыль в дорожках пота, уныло сообщил, что сидел в кабине как пень. Серега Нестеров машинально пригладил аккуратный пробор в волосах и с трагическими нотками в голосе сказал: «Рожденный ползать...» Вадим Сидоров шумно задышал и ничего не ответил.

— Это от нетерпения, — улыбнулся Устюжанин, вытирая подшлемником мокрое лицо. — Обалдение скоро пройдет, и начнется основная работа. Летать человек учится, как писать: сначала палочки-крючочки, потом буквы, слова. В нашей работе любая фигура пилотажа всего лишь слово в песне полета.

Я согласно кивал: «Да, крючочки... Да, слово в песне...», а сам с горечью вспоминал, что даже земли по-настоящему не увидел. С трех тысяч метров сквозь голубоватую дымку просматривались бурые пятна вспаханных полей, лента реки, какие-то полосы, ломаные линии... После взлета задвигались и разбежались в разные стороны стрелки приборов, чего они там показывали — неизвестно. Машину нервной дрожью била болтанка.

Пот застилал глаза и противными струйками сбегал по спине. Пальцы до боли сжимали ручку управления, но самолет сам менял высоту, кренился вправо-влево, словом, не летел равномерно и прямолинейно, как положено по инструкции, и состояние у меня было такое, словно шел по тонкому натянутому тросу, — одно неверное движение, можно загреметь вниз...

Снова берусь за письмо.

«Живем мы в тех местах, где когда-то гремели бои. В двух километрах от лагеря железнодорожная станция, там сегодня был парад. Мы прошли по площади торжественным маршем. Жители бросали в строй цветы и кричали: «Молодцы!..»

На площади, справа от трибуны, стоит серый обелиск. Перед парадом был митинг, и со слов выступающих я понял, что там похоронены танкисты. Война — это смерть, боль, потери, знаю об этом из книг и фильмов, может быть, поэтому кажется, что все в прошлом, далеко, в каком-то ином мире...»

Ничего примечательного вспомнить больше не удается, я заклеиваю конверт и пишу на нем адрес.

Интересно устроен человек: бегает по двору белоголовая девчонка с нелепыми косицами и неожиданно становится самой красивой и самой нужной на свете. Случилось это в прошлом августе, когда приезжал домой в отпуск.

С удивлением отметил, что двор стал маленьким и тесным, типовой пятиэтажный дом, казавшийся когда-то чуть ли ни небоскребом, потерял былую представительность. Сверстники и одноклассники разъехались учиться, работали, служили в армии, во дворе с утра до ночи гоняла мяч ватага ребятишек, для которых я был человеком из «взрослого» мира. Однажды вечером увидел возле дома девушку с большим чемоданом и предложил помощь. Она посмотрела на меня, выпустила чемодан и прижала ладони к щекам:

— Ой, Лешка!.. Это ты?

Удивился и я, узнав Ленку из дома напротив. Последний раз видел ее в школьном платьице, а сейчас модная юбка обтягивала округлившиеся бедра, в смелом вырезе блузки таинственно золотилась какая-то безделушка, распущенные волосы спадали на плечи.

— Ты... Здорово изменилась.

Она смутилась и торопливо заговорила:

— А я из Москвы. Поступила в институт, буду химиком. Я сейчас такая счастливая! Побегу домой, надо маму порадовать.

Август выдался на редкость теплым, и мы целыми днями пропадали на Волге, ездили в лес, вечерами ходили на танцы — дни летели стремительно. Своим друзьям и одноклассникам Лена представляла меня с забавной официальностью, всегда добавляя: «Летчик». Я уточнял: «Будущий», но на это уже никто не обращал внимания. Все в ней мне казалось удивительным — глаза, жесты, привычки, умиляла ее чуть легкомысленная игривость, беспричинная веселость. Каждое утро я с замиранием сердца ждал с ней встречи, она радостно восклицала: «Ой, Лешка, наконец-то!», отчего меня пере-

полняла нежность, какой к другим девчонкам не испытывал.

В тот вечер возвращались с танцев. Настроение у меня было, прямо скажем, не лучшее; танцевала Лена, конечно, только со мной, но кокетливо стреляла глазками в красивых парней, и те с мужской оценивающей ценкостью откровенно рассматривали ее с головы до ног. Я бесился не оттого, что они так на нее смотрели, а потому, что ей это нравилось. По дороге льнула ко мне и беззаботно щебетала, не обращая внимания на мое угрюмое молчание. Вдруг оступилась и сломала каблук. Я посмотрел, как она прыгает на одной ноге, и приказал:

— Обними меня за шею. Только крепко!

— Зачем? — спросила она упавшим голосом, но обняла.

Я поднял ее на руки и медленно пошел по безлюдной темной улице. Видел ее удивленно и восторженно раскрытые глаза, коленки над натянувшейся юбкой, чувствовал волнующую упругость прильнувшего к груди тела, которое казалось невесомым.

— Какой ты сильный... — прижимаясь ко мне и закрывая глаза, вздохнула она.

Из телефонной будки у магазина выскочил дед в дождевике, очевидно, сторож, восторженно крякнул и хватил кепкой об асфальт: «И-эх, молодость! Не урони, парень!..»

Ну и сказанул — не урони! Вырывали бы, не выпустил!

Возле подъезда, когда поставил Лену на землю, она глянула на меня снизу вверх, с отчаянной решимостью положила руки мне на плечи и потянулась губами к моим губам... Тихо сказала:

— А знаешь, Леш... Наверное, я тебя люблю.

Пятница...

Узкая издали лента взлетно-посадочной полосы приближается, растет, вот на ней уже проявились прямоугольники бетонных плит. Трава сбоку от полосы сливается в сплошной зеленый фон. В последний раз проверяю по приборам высоту, скорость. Еще мгновение, и самолет касается колесами бетона точно напротив белых полотнищ посадочного Т.

В конце полосы Устюжанин резко двигает педалями — отдает управление. Легонько нажимаю на тормоз и с улыбкой вспоминаю свои первые выезды со стоян-

ки, когда метался по кабине, вспотев от стыда и усердия. Самолет требует только вежливого обращения, надо приноровиться.

На рулежной дорожке самолет послушно катится в нужном направлении. На половине пути до стоянки неожиданно просел и приостановился, словно его придержали за хвост. Я увеличил обороты двигателя, чтобы не остановиться совсем, приборная доска затряслась и превратилась в расплывчатое пятно. Нажимаю на кнопку переговорного устройства, но вспоминаю заповедь: «В самолете спрашивает инструктор!», от растерянности хочется раскрыть фонарь и выскочить на землю.

— Отпусти управление! — приказал Устюжанин.

Он грубо работал тормозами, двигатель ревел на больших оборотах, но самолет двигался медленно, будто рулежная дорожка размокла и колеса вязли в грязи. На стоянке капитан первым выбрался из кабины и подошел к носовой стойке шасси, которую уже осматривал техник Петрович. Я тоже соскакиваю на землю.

— Испугался? — спрашивает Устюжанин.

«Инструктору говорить только правду!» — это заповедь. Вообще-то с этой формулой знакомят еще в первых классах школы — обманывать нельзя.

Уклончиво отвечал:

— Нет... То есть немного.

Капитан понимающе усмехнулся:

— Страх — это естественная реакция здорового организма на неизвестные явления. Лишены этого чувства машины и сумасшедшие. Темной комнаты в детстве боялся?

— Так то в детстве...

— Вот-вот! Собери-ка группу, надо побеседовать.

— Товарищи курсанты! При выполнении вывозного полета на самолете произошло разрушение пневматика переднего колеса, — бесстрастным голосом говорит капитан. — Отмечаю правильные действия курсанта Маркова в момент происшествия.

Отец, конечно, подзагнул... Впрочем, откуда он мог знать, что в момент происшествия я думал об одном «действии» — как бы выскочить из кабины? На постном лице Кузьмы завистливое выражение:

— Руление на полет.

— Полет начинается, когда вы садитесь в кабину, и заканчивается, когда покидаете ее. Заповедь! — рубанув

рукой воздух, Устюжанин оборачивается к подошедшему Петровичу.

— Товарищ капитан, возьмите... — Техник протягивает ржавый кусочек металла. — И крепко засел, поганец, плоскогубцами едва вытянул. А самолет зараз готов!

— Кузьменко, в кабину! — приказывает Устюжанин и, подержав кусок металла на ладони, подает его мне. — На память! Осколок. Здесь земля на метр начинена этой гадостью.

Кузьма выруливает, взлетает и левым разворотом набирает высоту — пошел во вторую зону. В этой зоне пилотировать надо между автомобильным и железнодорожным мостами через речку. Автомобильный мост новый, широкий, светлый. Железнодорожный — старый, узкий, темный, с полукруглыми арками. По обеим сторонам от него на лоснящейся черноте пашен сверху отчетливо видны светлые ломаные линии. Как-то в полете Устюжанин объяснил, что это засыпанные окопы. В сорок втором — сорок третьем годах здесь были тяжелые бои, вот и остались на полях шрамы.

Старые окопы, ржавые осколки... Война до сих пор напоминает о себе. На полевых занятиях мы ходили в атаки — карабин наперевес, штык отомкнут и «ура-а-а!..». Под резиновой маской противогаза почти ничего не слышно, сквозь запотевшие стекла не видно, бегущие справа и слева кажутся зелеными инопланетянами. Вот один из них вырывается вперед, рядом вспухает дымное облако — от взрыв-пакета, обалдевший от неожиданности и дыма курсант поворачивает на сто восемьдесят градусов, несется прямо на меня, и узкое жало штыка блестит на солнце. Это учебный бой. А если бы настоящий? Если бы передо мной оказался враг, ничего не видящий и не слышащий от слепой ярости?..

По пути в квадрат осколок жег руку, хотелось поговорить с кем-нибудь о случившемся. Под тентом сидел и покуривал в кулак Витек Семин из группы капитана Дугина. Он ленинградец. Разговорчивый, шустрый, заводной, постоянно в курсе всех новостей. Живет по принципу: «Законы нельзя нарушать, но можно умно обходить» — и частенько дополняет воскресные увольнения «самоходами» за училищный забор. Никогда не попадался и, как все удачливые люди, считал себя счастливчиком. Протянул ему осколок и небрежно сказал:

— Только что пропорол мне колесо.

Быстрые плутовские глаза Витьки весело блеснули.

— На этот случай мой инструктор говорит так: «Улица полна неожиданностей...» Но ты не переживай. Дугин имеет в виду только себя.

— Ничего не понимаю.

— Объясню... Дугин, Павлов и твой Устюжанин попали в эту эскадрилью после училища. Сам знаешь, инструкторская работа методическая, учительская, можно сказать, работа, в боевых полках интереснее и больше перспектив для роста. Но военные определяют свою судьбу только в пределах полученного приказа, получил назначение — и прощай, любимый город! А Дугин распланировал свою жизнь по годам: когда станет командиром звена, комэском и так далее, не хотел оставаться «шкрабом».

— Кем?

— Школьным, значит, работником, раньше так звали инструкторов в летных школах, — снисходительно улыбнулся Витек. — Сразу начал писать рапорты о переводе в строевую часть. А Тюрин, тогда еще майор, раздолбал его в хвост и в гриву, ты знаешь, как он умеет это делать. Но, говорят, у Дугина инструкторский талант, дар божий, вывозил и выпускал самых трудных, ни одного курсанта еще не списал.

Вторник...

— Идешь с перелетом, — подсказывает Устюжанин.

Опускаю нос самолета, и уползающая под нос машины полоса стала медленно приближаться. Сейчас надо поймать «момент начала выравнивания» и увидеть землю. Самое трудное при посадке — это «видеть землю»: высоту, скорость и направление полета одновременно. Увидеть без подсказок! Времени на исправление ошибок нет, за них в лучшем случае можно расплатиться разбитым самолетом, в худшем... Ну это понятно. И если курсант не видит землю, в самостоятельный полет его не выпустят: это качество или есть в человеке, или нет его. Если нет — нет и летчика.

Пора выравнивать. Или рано? Нет, вроде пора!..

Но пока я раздумываю, Отец берет управление. Самолет меняет глиссаду планирования. Мимо проскакивают белые пятна полосы приземления, посадочное Т, но машина упрямо несется в сантиметрах от земли. Плавно идет назад РУД (рычаг управления двигателем) — я забыл убрать обороты. Садимся. Жду разноса за невнима-

тельность, это — мягко выражаясь, но Устюжанин спокойно говорит:

— Проси конвейер, профессор!

Значит, «по газам» и снова на взлет, еще один полет по кругу. «Круг» в авиации квадратный: взлет, четыре разворота, посадка. «Взлетать опасно, летать прекрасно, садиться сложно» — очередная заповедь. Может, взлетать опасно, но и летать прекрасно — верить приходится пока на слово, сложность посадки я уже почувствовал. Люблю работать спокойно, неторопливо, а тут скорость, резкая смена режимов полета, да и болтанка бросает самолет из стороны в сторону, как телегу на булыжной мостовой, — некогда сосредоточить внимание на этих мнимых «моментах» и «точках» начала выравнивания.

Вчера на построении командир звена сказал:

— Нестеров пилот-люкс! — Слово «люкс» у командира звена высшая степень похвалы, «не люкс» — оценка всего остального. — Не видать мне неба, если Нестеров не будет асом. Еще раз слетаем на проверку — и буду представлять к самостоятельному вылету. — Нечаев посмотрел на Серегу. — А ты поделись опытом с товарищами, особенно с теми, у которых длинный фитиль.

Иметь длинный фитиль — значит плохо усваивать летную практику. Не одному мне этот фитиль омрачает существование; у многих ребят не ладится дело с посадками, из всей эскадрильи пока что летают почти без замечаний только Коля Бабенко из группы капитана Дугина, он уже летал в аэроклубе на Яке, да Серега Нестеров — у этого и фамилия самая авиационная, и голова работает как электронная вычислительная машина.

На разборе полетов Устюжанин молча слушает, как я перечисляю свои ошибки, загибая на руке пальцы, и, когда пальцев не хватает, задумчиво говорит:

— Садиться ты можешь. Но нет постоянства. Стараешься очень?

— Стараюсь, — печально подтверждаю я.

— Вот и попадаешь из одной крайности в другую. — Он смотрит на меня через черные очки, добродушно усмехается. — А летать надо как петь, чтобы не голова работала, а душа.

По пути в квадрат Серега спрашивает:

— Как слетал?

— Как обычно. И уже почти всю программу вылетал.

— Ничего, Отец добавит.

— А если и добавка не поможет? Кузьма уже сам садится, Вадим «прозрел», а я... Как в сказке, двенадцать утят нормальные, тринадцатый гадкий.

— У этой сказки хороший конец, — сказал Серега с фальшивой уверенностью. Легче всего успокаивать, когда самого неприятности не касаются.

Под тентом сидел Витек Семин.

— Пробороздил пространство? — поинтересовался он и, не дожидаясь ответа, начал рассуждать: — Ну и работенку мы себе выбрали! Месяц жжем керосин, отравляем атмосферу... А результаты? У нашего Дугина в городе своя машина, так на ней ему даже ездить некогда. — Он оглянулся на выруливающий со стоянки самолет. — Наша жизнь красива издали, как камушки под водой. Блестят, переливаются, а достанешь — обыкновенные серые голыши. Я ведь как представлял себе это дело? Серебристые следы в голубом небе, кожаные куртки, фуражки с «крабами». В голове стучала мысль: «Первым де-лом, пер-вым де-лом са-мо-ле-ты...», а тут, пардон, точки выравнивания, загерметизированная кабина. — Он досадливо махнул рукой и закурил. — Голубая романтика нас подвела. Или розовая... А тут нет никаких алых парусов, и «Веселый Роджер» на бригантине всего лишь предупредительный знак, знаешь, есть такие на трансформаторных будках: «Не влезай, убьет!»

К романтике у меня другое отношение, но спорить не хочу. Спрашиваю:

— Зачем же ты поступал в училище?

— Мечтал летать в пространстве, как демон над грешною землей. Не выходит... — Не договорив, Витек глянул на часы и встал. — Пойду Колю Бабенко из столовой вытаскивать, а то он на вылет опоздает.

Я знаю, на что он намекает. На прошлой неделе в столовую устроилась работать официанткой молоденькая симпатичная Наденька. В эскадрилье сразу появились вздыхатели, но крупный, вечно улыбающийся Бабенко решительно «отшил» конкурентов, все свободное время проводит в столовой и вечерами провожает девушку до станции.

Тюрин запретил увольнения до окончания вывозной программы, и, в сущности, эти проводы были самовольными отлучками, но после аэроклуба Коля летал лучше всех курсантов эскадрильи, и, видимо, поэтому инструктор Дугин смотрел на ежедневные «самоходы» Бабенко

сквозь пальцы. Позавчера я развешивал в классе штаба эскадрильи плакаты по технике пилотирования, дверь класса была раскрыта, и из кабинета начальника штаба доносились голоса. Павлов сердито спрашивал:

— Ты можешь разговаривать серьезно?

— Могу. Но не хочу, — отвечал Дугин. — Ну проводил этот парень свою девчонку. Что особенного?

— Дай сигарету!

Капитан Павлов не курил. Бросил. Но в минуты волнения или раздражения брал сигарету, разрывал ее, и запах табака отвлекал, успокаивал. Через минуту спокойно сказал:

— Ты развращаешь мальчишку своей снисходительностью.

Дугин смуглый, у него по-мужски красивое лицо с тонким прямым носом, немного насмешливые серые глаза. В кителе или в комбинезоне — всегда подтянут, аккуратен, собран. Движения порывистые, но точные, и, как все тонкие нервные натуры, подвержен резкой смене настроения. Во время предварительной подготовки из беседки-класса Дугина часто слышится смех, а если уж он песочит своих ребят, то выражений не выбирает.

— Мальчишки, девчонки... Надоело! — Дугин деланно, протяжно зевнул. — Ты начальник штаба, можешь наказать его своей властью. Отправь дежурным по столовой, как раз завтра эта местная Джульетта будет работать.

— Но ведь потом ты его снова отпустишь.

— Да уж держать не буду. Ты вспомни, какими мы были в этом возрасте?

— Тогда мы отвечали только за себя.

— Испортил тебя этот педагогический подход. Неужели не понимаешь, что у этой ребятни сейчас лучшее время жизни? Станут офицерами, навсегда распрощаются с беззаботностью: двадцать четыре часа на службе, без летних отпусков и времени на личную жизнь.

— Ты сейчас о Бабенко говоришь или о себе?

— Да какая разница! — В голосе Дугина появилось раздражение. — Когда в полку летаем, хоть город под боком, а здесь, кроме деревенского Дома культуры, податься некуда. Купил машину — ржавеет в гараже. А мы, между прочим, люди, у нас семьи, и жизнь одна... — Он неожиданно остыл и после долгого молчания произнес: — Ладно! Поговорю с этим влюбленным олухом.

Воскресенье...

Грубая ткань обмундирования в воде обмякла, потемнела и хорошо мылилась. Май подходит к концу, температура подскакивает до двадцати пяти градусов, за неделю на робе белесыми разводами выступает соль. Армейская жизнь за всей ее бытовой беззаботностью — накормят, спать положат, в баню сводят — имеет свои оборотные стороны: дома при мама-обслуживании в шкафу всегда висит чистая сорочка, обед готов, а здесь приходится тоннами чистить картошку, стирать, подшивать подворотнички...

Вчера Устюжанин добавил мне полетов. Количество, говорят, должно переходить в качество, кажется, давно пора усвоить все тонкости посадки, но, исправляя одни ошибки, я делаю новые. Настроение подавленное: когда научился рулить и сносно выдерживать режим горизонтального полета — еще испытывал какие-то радости, а сейчас наступила черная полоса тяжелой будничной работы. В школе было достаточно прочесть пару страниц в учебнике, решить две-три задачки — и все дела, а в училище ничего не дается легко и просто. Например, после изнурительной шагистики на курсе молодого бойца мы стали ходить строевым шагом, как автоматы: «Р-р-ряз-два, р-р-ряз-два! Смир-р-рно, равнение направо!..», руки по швам, ноги лупят по асфальту, глаза косят грудь четвертого человека. Однако за месяц перед первомайскими и ноябрьскими парадами начинались тренировки в составе парадных расчетов. Месяц тренировки, чтобы в праздничный день один раз пройти перед трибунами. Словом, чтобы чему-то хорошо научиться, надо попотеть и поработать.

Развесил обмундирование и, чувствуя после стирки приятную усталость, зашел в беседку. День солнечный, вовсю зеленеют посаженные нами деревца, степь вокруг лагеря покрылась густой щетиной всходов. Кто-то на полную громкость крутит эскадрильский магнитофон, на спортплощадке ребята играют в ручной мяч, и среди криков: «Пас!.. Давай!.. Мазила!..» — выделяется голос Витьки Семина. Примерно с такой же непосредственной страстностью он доказывает превосходство своего родного Ленинграда перед другими городами: «А ты на Исаакии был?.. Аничков мост видел?.. И Эрмитаж у вас есть?..»

При поступлении в училище конкурс был больше десяти человек на место, но я еще тогда заметил Витьку — он хохмил, дурачился, носил на шее цепь в палец тол-

щиной и на правой руке здоровенный медный перстень. Среди кандидатов было немало парней с хиповатой внешностью и пижонскими замашками, но поступили только те, кто по-настоящему умел сидеть за учебниками. Есть такой дешевый афоризм: «Где начинается авиация, там кончается порядок», образ лихого бесшабашного пилота почему-то привлекательнее усидчивого и педантичного, и сначала мы малость грешили показным пренебрежением к дисциплине и учебе, но убежденных нарушителей воинских порядков отчислили еще на первом курсе, а без серьезного отношения к наукам невозможно освоить устройство современного самолета.

В беседку зашел Вадим Сидоров с маленьким фанерным чемоданчиком, раскрыл его и выложил на стол пилочки, надфили, напильники. Достал выточенную из толстого куска плексигласа модель самолета, осмотрел ее со всех сторон и принялся зачищать шкуркой тонкое прозрачное крыло.

Хобби у человека — в свободное время мастерит всякую ерунду: чехольчик для перочинного ножа, пластмассовые вставки в погоны, ремешки для часов. И молчит, конечно... Разговаривать с ним бесполезно, кроме «да» и «нет», ничего не услышишь.

На лопинге с гиканьем крутится старшина эскадрильи Толик Князев, рядом прыгает с фотоаппаратом в руках Костя Журавлев, ловит какой-то необыкновенный ракурс.

Костя — единственный женатый парень на курсе. В свободное время пишет жене письма или проявляет пленки, печатает фотокарточки для боевых листков, стенгазет и ребятам на память. Неизвестно, какой получится из Кости летчик, а фотограф он уже неплохой. Я вздохнул: архитектор из меня не вышел, с посадками тоже не ладится. И надо же было встретиться с майором Богдановым!

Апрельское солнце припекает по-летнему жарко, от Волги волнующе пахнет талой водой и водорослями. Недалеко от берега красной точкой замер поплавок. Давно пора сменить наживку, но не хочется вставать с изъеденного водой и временем камня, искать в еще не просохшей после недавнего половодья земле бледных, снулых червяков. Не на рыбалку сбежал я с уроков, а из-за несправедливой двойки за сочинение на тему: «Кем хочешь быть?» Дед в старой железнодорожной фуражке, сидевший возле коротеньких «донок» с маленькими блестящи-

ми колокольчиками на лесках, дал мне удочку, и вот уже второй час передо мною безжизненный поплавок...

Обидно — литераторша вкатила двойку не за ошибки по русскому языку, а, как сама сказала, «за низкие моральные качества». Сочинение писали позавчера, сегодня учительница принесла проверенные тетради и устроила разбор: одна отличница написала, что мечтает стать врачом, а сама до смерти боится мышей; Сашка Воронков накатал три страницы о том, что хочет быть ассенизатором, лишь бы стать полезным обществу, хотя перед поездками на работу в колхоз срочно заболевал ангиной. Я хотел написать об архитектуре, но вспомнил, что из-за отсутствия художественных способностей путь в нее для меня закрыт. Ничего путного не придумав, сдал тетрадь с единственной фразой: «Еще не решил». Литераторша долго говорила, что в девятом классе пора серьезно думать о выборе жизненного пути, и вывела в журнале жирную двойку.

Дед принялся раскладывать на газете нехитрую рыбацкую снедь. Я почувствовал голод, смотал удочку и пошел отдавать деду. Тот понимающе кивнул: «Не клюет?..» — и протянул мне кусок черного, намазанного маслом хлеба. Отказаться не было сил, и пока я ел этот удивительно вкусный хлеб, дед выпил стопочку, закурил.

— Сегодня с внуком пришел, Михалыч?

Я обернулся и увидел человека в кожаной куртке и в фуражке с голубым околышем. Дед радостно засуетился, застучал четвертинкой о стопочку, но гость отрицательно покачал головой:

— Не могу. Ночью летаем, — и протянул мне руку: — Богданов!

— Ну и служба! — заворчал дед. — Чтобы капитан да сто грамм не выпил!

— Уже майор, Михалыч.

Богданов присел на камень, и они с дедом разговорились о том о сем, о детях... Михалыч все советовал бросать самолеты и начинать спокойную жизнь, майор отшучивался. А я думал о том, что рядом с тихой жизнью нашего небольшого волжского городка есть еще одна, в которой летают самолеты, охраняя мирное небо над землей.

В город возвращались вместе с Богдановым. Я рассказал о сочинении, об архитектуре, о необходимости выбирать профессию. А как ее выбирать, если профессий

на свете тысячи, а хочется, чтобы она была интересная, почетная и, конечно же, романтичная.

— Нет такой профессии, — сказал Богданов. — Каждая хороша по-своему. В наше время самая интересная — космонавт, но, если все будут стремиться в космонавты, кто станет выращивать хлеб и защищать страну? Да и насчет романтичности тоже... Что такое романтика?

— Как это что? — удивился я. — Флибустьеры, бригантина... «Капитан, обветренный, как скалы, поднял флаг, не дожидаясь дня...» Простор, открытия, «белые пятна» на карте.

— Между прочим, флибустьеры — это по большей части пираты. Морские разбойники, жестокие, безнравственные люди. А «белые пятна» на картах заполнялись учеными, путешественниками-тружениками. — Богданов улыбнулся. — Обветренные капитаны шли в неизвестность с определенной целью. Колумб искал путь в Индию — это работа, а открыл Америку — вот это уже романтика. Улавливаешь?

— Улавливаю, — вздохнул я. — А как же все-таки с профессией?

— Да мы об этом и говорим! В каждой работе есть тонкости и внешние атрибуты, как, например, белые халаты у врачей. Но за право надеть этот халат надо шесть лет учиться. Рано или поздно каждый открывает для себя эту истину.

— А чем вам нравится ваша работа?

— Всем. — Богданов усмехнулся и спросил: — Знаешь, что такое любовь? А полет — это еще лучше... Высота, скорость, красота! Словами не передать, — он открыл дверцу стоявшего на дороге голубого «Москвича», — садись! Дам тебе несколько книжек, они лучше меня расскажут, что такое небо.

Дома я долго рассматривал и перебирал книги: Водопьянов, Джимми Коллинз, Кожедуб... Наконец выбрал самую толстую, с маленьким допотопным самолетиком на обложке: Антуан де Сент-Экзюпери.

Часть 2

ИЮНЬ

Вторник...

Утром прилетел командир полка, чтобы выпустить в самостоятельные полеты Бабенко и Нестерова. Мне же опять предстояло работать в «спарке», «дозревать».

Сначала командир полка проверял Колю Бабенко. Ожидая своей очереди, Серега сидел под тентом, сосредоточенно задумавшись. По сути дела, полет с полковником был необходимой формальностью, позади уже столько проверок, что в хорошем исходе этой можно не сомневаться. Но главное — потом придется остаться в воздухе один на один с самолетом и никто не подскажет, не поправит, не поможет.

Бабенко зарулил на стоянку.

После разбора полета командир полка подошел к нашей летной группе, выслушал доклад инструктора о готовности курсанта Нестерова к проверке — так уж положено, и забрался в заднюю кабину.

Самостоятельный вылет первых курсантов — это, конечно, большое событие в эскадрилье, но и остальная работа шла согласно плановой таблице на летный день.

Нестеров выполнил первую посадку, когда я подходил к четвертому развороту. Проводив глазами скатившийся с полосы крестик Серегиного самолета, я вдруг заметил, что моя машина сегодня удивительно послушна, болтанка не мешает пилотировать, исчезло сковывающее напряжение. Перед глазами полоса, она не уползает под обрез фонаря, она приближается, а это значит, что я планирую в ту самую, прежде неуловимую точку начала выравнивания. Под крылом мелькнули знаки приземления, трава слева от полосы сливается в единый зеленый фон, колеса касаются бетона точно напротив посадочного Т. От радостной догадки перехватывает дыхание: «Прозрел?.. Увидел землю?.. Свершилось!..»

— Эти полеты разбирать не будем, — сказал Устюжанин, выбираясь из кабины. — Завтра полетишь с командиром звена на первую проверку. — И направился к командиру полка, который что-то объяснял Сереге, изображая рукой профиль посадки.

Пока полковник записывал в летную книжку Нестерова «добро» на самостоятельный вылет, мы готовим самолет: Кузьма заправляет баки керосином, я до зеркального блеска протираю лобовое стекло фонаря, в полете об него разбиваются мошки, оставляя зеленые продолговатые брызги.

Перед запуском двигателя Серега вопросительно смотрит на Устюжанина, ожидая указаний, может быть, какого-нибудь напутствия, но тот равнодушно машет рукой — запрашивай, дескать. Не тяни время. Конечно, у него каждый год новая летная группа, каждый год вы-

возная программа, и самостоятельные вылеты — дело привычное. Я провожаю глазами выруливающий на полосу самолет и вдруг слышу непривычно высокий голос инструктора:

— Кузьменко! Бегом — слушать селектор! Марков, зрение хорошее?

— Больше единицы, — скромно отвечаю я.

— Не спускай глаз с самолета!

Кузьма рысью мчится в квадрат. Мы с инструктором идем молча, я спотыкаюсь на каждой кочке, вглядываясь в серебристую черточку, медленно приближающуюся ко второму развороту.

— Нестеров на втором! — докладывает Кузьма.

Кивнув, капитан садится на скамейку под селектором и поправляет свои черные очки, словно хочет вдавить их в переносицу. Возле открытого окна столовой сидит Вадим Сидоров и беззвучно шевелит губами. С кем он там говорит? В окно выглядывает Наденька — веселые глазки, яркие губки, кокетливый белый передничек.

— Товарищ капитан, идите обедать. Только вы остались.

Устюжанин досадливо машет рукой, порывисто вскакивает и смотрит в сторону четвертого разворота на Серегин самолет. Потом хлопает себя по коленям и громко шепчет:

— Высоко идешь! Чуть ниже... — отжимает от себя воображаемую ручку управления. — Молодец! Теперь оборотики, оборотики прибери... Та-а-ак! Выравнивай. — И когда самолет чуть-чуть подвзмыл, кричит в полный голос: — Придержи ручку! Хорошо... Теперь направление... Можно тормозить!

Среда...

Перед полетом Нечаев неторопливо докурил папиросу «Наша марка», ободряюще похлопал меня по плечу и забрался в заднюю кабину. Командир звена невысок, подвижен, его узкие азиатские глаза всегда весело поблескивают, он знает множество анекдотов, и если сидит в компании летчиков, там всегда оживление, хохот.

Это моя первая проверка перед самостоятельным вылетом, и, хотя она далеко не последняя — еще летать и летать по кругам, — я немного волновался, из-за чего на выруливании резко нажал на тормоз, и самолет вильнул в сторону. Тут включилось переговорное устройство, и командир звена напомнил о том, что пьяный кучер,

мол, в рождественскую ночь правит лучше. После взлета сообщил, что мое место не в авиации, а в сельском хозяйстве, но даже в самом захудалом колхозе мне не доверят возить и воду на старой кляче. На планировании посоветовал уехать в Японию и записаться в камикадзе, были там такие летчики-смертники, направляли свои самолеты в цель — и привет родителям!

Я старался выполнять все элементы полета как можно лучше, но от старания выходило наоборот, майор расходился еще больше, его язвительные пожелания и рекомендации выбивали из привычного ритма работы. На заруливании услыхал: «Дуб! Дубее того дуба, на котором русалка сидит...»

Отец в полете говорил мало. На разборах для лучшей «усвояемости» он иногда применял такие речевые обороты, что мурашки по спине бегали, но на земле они звучали убедительно и доходчиво. А сейчас я наслушался такого, что впору уйти в гостиницу и от позора повеситься над собственной кроватью. Нехотя выбрался из кабины и поплелся к командиру звена за замечаниями.

— Ну что, Марков, — доставая из пачки папиросу, миролюбиво сказал Нечаев. — Слетал ты не скажу чтобы люкс, но вполне, вполне... Землю видишь, ошибки исправляешь грамотно. Правда, суетишься много, торопишься, а с этой торопливостью можно здорово прогореть. В общем, перевожу тебя на следующее упражнение.

Ничего не понимая, я растерянно мял в руках шлемофон. Вероятно, в полете командир долбал меня в порядке, как говорится, морального стимулирования, но от таких воспитательных приемов не обхохочешься!

— Ну вот, еще один прозрел, — закурив, довольно ответил Нечаев. — Знаешь, Марков, научить летать можно и медведя, дело во времени и в смысле этого обучения. Самые безнадеги рано или поздно прозревают и потихоньку травят атмосферу вокруг аэродрома. Это я к тому, что вывозная программа заканчивается, пора подбивать бабки. Но я сегодня заметил, понимаешь, странное явление: курсант может летать, а отказывается от этого. Обычно наоборот.

— Я не отказываюсь, товарищ майор!

— О Семине говорю. Он взял несколько полетов сверх программы, я подумал, что у него фитилек длинноват, решил проверить... В первом полете специально выровнял высоко, а Семин исправил ошибку и сел. Во втором полете я притер машину пониже, еще немного — и был

бы полный рот земли, а он выхватывает самолет в сантиметре от земли и опять садится. — Майор сбил шлемофон на правое ухо. — А на разборе начал меня в лапти обувать. Землю, дескать, не видит и все такое. Может быть, боится летать, а сказать об этом стесняется? Есть такая черта у вашего брата. В общем, если он и дальше будет так куролесить, придется готовить документы на отчисление по летной неуспеваемости.

Вечером я писал письмо Лене. До сегодняшего дня настроение было подавленным, а подпускать пессимизм любимой девушке — последнее дело. После полета с Нечаевым вдруг заметил, что степь вокруг лагеря зазеленела, сверху аэродром казался огромным длинным прямоугольником, а недавно синее небо стало светло-голубым от жары. Одним словом, было о чем написать. И вспомнить...

...В Москву Лена уехала на три дня раньше меня — надо было устроиться в общежитии. Адрес сообщила телеграммой, и, возвращаясь в училище, я зашел в студенческий городок. Лена стояла под старой раскидистой липой.

До вечера мы бродили по Москве. Лена держала меня под руку, с горделивой высокомерностью посматривала на проходивших девчонок, иногда строила глазки парням. По-прежнему восторженно ахала, прижимая ладони к щекам: «Весной полеты?.. А страшно прыгать с парашютом?.. Ты там потише летай, пониже...»

Поезд уходил вечером. Неожиданно громко загрохотали вагоны. И только тогда я почувствовал неотвратимость разлуки, да и Лена порывисто обняла меня за шею, словно не хотела отпускать, всхлипнула:

— Почему-то мне страшно. За нас обоих...

— Летать пониже?

— Я не о том... Не могу этого объяснить.

Она еще что-то говорила сбивчиво, неразборчиво из-за вокзального шума. Я быстро поцеловал ее торопливые, солоноватые губы и вскочил в тамбур проплывающего мимо вагона. Хотел выглянуть, но проводница с желтым флажком в руке потянула меня за рукав:

— Гражданин, пройдите в вагон. Не мешайте работать!

Суббота...

Обороты убраны, горит лампочка выпуска тормозных щитков, самолет неудержимо «сыплется» вниз, теряя ско-

рость, — имитация полета с остановившимся двигателем. В этой пилотажной зоне есть пригодная для посадки площадка, но с трехкилометровой высоты видно только огромное поле, перечеркнутое полоской железной дороги, которая поворачивает на восток. Пилотировать надо от этого поворота до неровного прямоугольничка станции, возле которой маленькое озерцо выглядит осколком стекла, брошенным на зеленую скатерть.

Земля приближается, увеличивается расстояние между станцией и изгибом дороги, я невольно вспоминаю Экзюпери: «В те времена моторы были ненадежны, не то что нынешние. Нередко ни с того ни с сего они нас подводили: внезапно оглушал грохот и звон, будто вдребезги разбивалась посуда, — и приходилось идти на посадку. А навстречу щерились колючие скалы Испании».

Высотомер показывает пятьсот метров. На всякий случай подтягиваю привязные ремни.

Двести метров. На рельсах игрушечный поезд.

Сто. Столбы вдоль дороги похожи на карандаши. Пятьдесят — тренькает звонок, и вспыхивает лампочка «Опасная высота». Сильнее сжимаю ручку управления, хотя это ничего не дает: на исправном самолете можно уйти на второй круг или «подтянуть», а сейчас просто нельзя ошибаться. До земли считанные метры...

— Убирай щитки! — приказывает Устюжанин.

РУД идет вперед, и самолет, словно освободившись от тяжелого груза, стремительно набирает скорость, состав на рельсах пятится назад, в окнах вагона мелькают разноцветные платочки. На высоте кажется, что самолет неподвижно висит в воздухе, а причудливо залатанная лоскутами полей земля сама медленно уползает под нос машины, а сейчас я чувствую, что такое скорость пять километров в минуту! Не космическая, конечно, но и не земная... Не помню, где слыхал: «Эмоции — недостаток информации», но с тех пор стараюсь не показывать своего удивления, а сейчас не могу сдержать прущего изнутри восторга. Впору орать во весь голос, хотя двигатель работает, недавняя опасность имитированная, а над планетой я несусь с такой скоростью только потому, что в задней кабине сидит капитан.

— Бери управление, профессор!

Высоту набираю восходящей спиралью. Рельсы железной дороги превращаются в блестящую проволоку, карандаши-столбы в спички, и с каждым витком все ниже остается пыльный приземный слой воздуха, похожий

на полупрозрачное одеяло с вылезшей из него ватой облаков.

После обеда Ил-14 увез летчиков в город, чтобы они провели воскресенье дома, с семьями. Мы до вечера играли в волейбол. Дневная жара медленно спадала, воздух над прогретой степью поднимался дрожащими волнами, и в образованном ими душном мареве устало шевелилась смазанная, расплывшаяся линия горизонта.

Наше звено выиграло. Добрую половину очков принес команде Кузьма: он взлетал над сеткой, гасил мячи с любой подачи и в удары вкладывал не только силу мускулов, но и всю сдерживаемую искусственным спокойствием энергию. Воспитание необходимых летчику качеств продвигалось в общем-то успешно, но иногда выдержка давала трещину, и однажды на втором курсе он отколол номер — пришил половину взвода к матрацам. Надо же было случиться, чтобы в то утро на подъем пришел начальник штаба училища, полковник, Герой Советского Союза, он очень серьезно относился к боеготовности курсантского состава. Мы вскакивали с кроватей с пришитыми к нижнему белью матрацами, кое-кто ухитрился натянуть сапоги, остальные встали в строй босиком, в одних кальсонах. Старый ас молча вышел из казармы. Весь курс на месяц лишился увольнений.

Вечером ребята после ужина собрались в курилке, и там забренчал на гитаре Толик Князев. Костя Журавлев заперся в каптерке печатать фотокарточки. Серега Нестеров склонился над книгой.

У Сереги самый большой в эскадрилье чемодан, добрую его половину занимает батарейный проигрыватель с пластинками: Мендельсон, Бах, Чайковский. Еще на первом курсе он пытался приобщить меня к классической музыке, но ничего не получилось. Музыка, в сущности, это всего лишь гармонично упорядоченные звуки, но для меня и упорядоченные — как стеклом по железу!

— Думать надо! — говорил Серега, включая проигрыватель. — Сарасате, «Цыганские напевы». Слушай и представляй: дорога, усталые кони, измученные люди... А вот тема меняется: уже шатры, костры, танцы. Тут Лойко Зобар и Радда, любовь, мечты, надежды.

Все это очень интересно, если подкрепится изящной словесностью, и, слыша «Цыганские напевы», я теперь представляю себе веселый табор, а вот когда слушаю другую музыку — не могу ничего представить.

— Что читаешь? — спросил я Серегу.

— «Рассказ о Базаркуле и его жене Анабиби».

Я покопался в стопке лежащих на тумбочке книг, но в свободный вечер не хочется входить в мир чужих мыслей, страстей, переживаний. Своих хватает. Мыслей, правда, не всегда, а от переживаний деваться некуда. И самое больное связано, конечно, с Леной...

Сначала она писала восторженно и многословно, в октябре письма стали короче, а в декабре я получал только отчеты о московской погоде. Чувствовал, что из наших отношений уходило что-то искреннее, настоящее, объяснить этого не мог и надеялся на встречу в отпуске.

Поезд пришел в Москву вечером. Привокзальная площадь — симфония иллюминации: цепи фонарей, ожерелья рекламы, летящие фары автомобилей. Обилие куда-то спешащих людей, лестница эскалатора метро, стеклянный аквариум станции «Студенческая».

Столовая на углу, магазин для глухонемых, за высокой аркой студенческий городок. Раскидистая старая липа возле знакомого корпуса общежития, обитая черным дерматином дверь, за перегородкой возле ящика с ключами пожилая женщина вязала, быстро перебирая спицами.

— Посторонних не пускаем, — сказала она, но подняла глаза, увидела шинель и смягчилась. Долго водила пальцем по листам какой-то толстой тетради. — Да, есть такая... Но пустить тебя, солдатик, все равно не могу.

— Я не солдатик. Курсант. Военный студент.

— У наших тоже «военка» есть, только им форму не дают, — кивнула головой вахтерша и призывно махнула девушке в белой пушистой шапке. — Люба! Сходи, дочка, в пятьдесят третью комнату... — И когда девушка ушла, опять склонилась над вязаньем.

Она что-то спрашивала и сама себе отвечала, нисколько не заботясь, слушают ее или нет. Я не слушал... Смотрел на лестницу, с волнением ожидая появления Лены, но показалась белая пушистая шапка.

— Она на консультации.

— А скоро вернется?

— Не знаю... — «Шапка» опустила глаза. — Но лучше не ждать.

На улицу вышел с испортившимся настроением. Чтобы скоротать время, медленно пошел по освещенному тротуару, на голых кустах и ветках деревьев висел морозный туман, от безветрия и необычной для города тишины стало грустно. Туман клубился вокруг фонарей

радужными ореолами, в призрачной морозной дымке появлялись и торопливо исчезали парочки.

Незаметно опять очутился возле дверей общежития. Вахтерша отложила вязание и сочувственно, отрицательно покачала головой. Вышел и сел на заснеженную скамейку неподалеку от входа. Поеживаясь от пробиравшегося под шинель холода, подумал, что вахтерша могла не заметить Лену, а та сидит сейчас в пятьдесят третьей комнате и решает задачку по неорганической химии. Решительно встал, и в груди что-то жарко вспыхнуло, словно туда бросили раскаленный уголь: к подъезду подходила Лена с высоким парнем в черной кожаной куртке.

Потом они бесконечно долго не могли проститься. Парень держал ее руки в своих ладонях и не то согревал их дыханием, не то целовал кончики пальцев. Лена тихо смеялась, дважды порывалась уйти, он не отпускал, а она не особенно вырывалась. Где-то вверху «крутили» магнитофон, и под металлический вой электрогитар жалобно и неразборчиво пел хрипловатый, будто простуженный, тенор.

Уходил я с чувством обиды и горечи.

Четверг...

Полеты для второй смены начались на три часа позднее обычного, чтобы инструкторы могли полетать ночью «на себя». Тревожно посматривая на сгустившиеся над аэродромом облака, я ожидал возле самолета Тюрина — сегодня последняя проверка перед самостоятельным вылетом, а комэска кого-то распекал на стоянке МАЗов-заправщиков. Наконец направился к самолету, издали махнул мне: «В кабину!» Перед выруливанием спросил:

— Марков, кто такой Икар?

— В древнегреческой мифологии...

— Правильно. Потом расскажешь подробнее, а сейчас не забудь выпустить закрылки на пятнадцать градусов.

Тучи опустились так низко, что, казалось, вот-вот начнут цепляться за кабину, видимость ухудшилась, и мир под самолетом сузился до небольшого округлого пятна. Из края тучи на траверзе взлетно-посадочной полосы опускалась до земли серая пелена, и когда машина врезалась в нее, я инстинктивно втянул голову в плечи: над головой что-то зашуршало, будто по фонарю кто-то быстро-быстро водил наждачной бумагой. Ударяясь о плексиглас, капли дождя растекались по нему тонкой

пузырящейся пленкой, словно на кабину выплеснули ведро газировки.

В первом полете я сел с небольшим «плюхом», но в пределах полосы приземления. И остальные посадки выполнил нормально, во всяком случае, замечаний комэска не сделал, а настроение от полета к полету портилось, потому что дождь подходил все ближе к аэродрому и руководитель полетов запретил самостоятельные вылеты. За замечаниями к Тюрину подошел вконец расстроенным, тот отпустил несколько реплик по мелким ошибочкам в пилотировании и спросил:

— Так кто такой Икар? — Не дожидаясь ответа, поднял указательный палец. — Это самый первый недисциплинированный курсант! Не изучил устройства летательного аппарата и грубо нарушил наставление по производству полетов. У него процессы возбуждения преобладали над процессами торможения, а как у тебя с этим делом, Марков?

Вяло отвечаю:

— Нормально, товарищ подполковник!

— Тогда давай летную книжку. Запишу «добро». — Комэска положил книжку на крыло и начал писать. — А раньше после первого вылета курсант нашивал на рукав «курицу». На рукаве «курица» — значит человек летает, а сейчас все надели фуражки с «крабами», и начпроды и начфины. Все летчики!

Но тут по стоянке прошумел ветерок, и по плоскостям самолета застучали редкие, крупные капли дождя. Я забрался под крыло, привалился к теплому колесу... Разрешение на самостоятельный вылет получено, а к радости все-таки примешивалось смутное беспокойство: что-то подобное испытывал, когда учился плавать. С отцом уверенно чувствовал себя на любой глубине, но стоило тому убрать руки, и я начинал суетиться, искать ногами спасительное дно. А однажды приятели столкнули меня в воду, помогать они явно не собирались, и, изрядно хлебнув волжской водицы, я поплыл. Но одно дело искать спасительный выход из создавшегося положения, другое — когда тебе говорят: «Можешь!», и ты должен бросить себя в страшную глубину.

Дождичек прибил пыль, и тучки разбежались, небо стало чистым, словно вымытым. Снова начались полеты. Устюжанин проверил на мне замок парашюта, опустил колпачок над кнопкой уборки шасси и с каменно-спокойным лицом встал неподалеку от самолета.

— Триста второму запуск, сам! — запрашиваю по радио.

«Сам» — для руководителя полетов, чтобы на посадке дал зеленую улицу. И я сам выруливаю, сам взлетаю... В обычные дни дымка и знойное марево стирают линию горизонта, а после недавнего дождичка она как нарисованная. Исчезла болтанка, ничто не толкает самолет, не подбрасывает, и он послушно отзывается на каждое движение рулями. Ручку на себя — приподнимается нос, ручку влево — опускается левое крыло. Я в кабине один и могу смотреть куда угодно: на землю, по сторонам, на небо. Внизу проплывают неровные прямоугольники полей, на одном из них копошится жучок-трактор.

От восторга перехватывает дыхание, я нажимаю на кнопку переговорного устройства и, хотя знаю, что никто меня не услышит, говорю: «Я лечу!..», слышу в наушниках отголоски сказанного и кричу во все горло: «Я лечу, лечу-у, лечу-у-у-у!..»

— Триста второй, ваше место?

— Подхожу к третьему.

Впереди посадка. В шутливой курсантской песне есть такие слова: «И если цел твой самолет, и если дан приказ на взлет, то с этим мало шансов есть нормально сесть...» При поступлении в училище мы проходили психофизиологический отбор, на котором проверяется память, реакция, координация движений и еще много необходимых летчику качеств, но чего-то медики, видимо, не учитывают, если в такой ответственный момент я разорался, как... Не найдя удачного сравнения, нажимаю кнопку выпуска шасси, на приборной доске вспыхивают три зеленые лампочки.

— Товарищ капитан! Курсант Марков со-вер-шил первый самостоятельный вылет.

Устюжанин смотрит на меня через черные очки, протягивает руку:

— Значит, совершил? Молодец. Профессор!

Летая «на себя», инструкторы иногда брали в пустующую заднюю кабину курсантов. Право на вылет определяет честный беспристрастный жребий. Я вытягиваю короткую спичку, у меня сегодня во всем счастливый день!

К самолету подходит Устюжанин.

— Разобрались? Жертва, в кабину!

«Почему «жертва»? — размышлял я, пристегивая привязные ремни. — Вадим и Серега уже летали, но из Сидорова и клещами слова не вытянешь, а Серега только сказал: «Нормально».

Взлетели... В эфире спокойно, никто не кричит придавленным голосом, встык не работает. Внизу сумерки, из балочек и оврагов лениво выползает темнота, а на высоте еще день и солнце.

Пришли в зону. Отец выполняет глубокие виражи, но кажется, что самолет летит, как и летел, а земля кренится и вращается вокруг машины. Вдруг небо оказалось снизу, а над кабиной повисла буро-зеленая земля, и в тот же миг с телом стало твориться что-то непонятное: неведомая сила придавила его к подушке парашюта, каждая клеточка налилась свинцовой тяжестью. Отяжелели, опустились руки, ноги словно вросли в пол кабины, легкие провалились в живот, и засасываемый отвисшей челюстью воздух до них просто не доходит. Щеки опустились ниже подбородка, на глаза наползли отяжелевшие брови, и со всех сторон меня начала обступать темнота.

— Перегрузка пять, — слышится в наушниках голос Устюжанина. — Идем на петлю. Знакомься, Марков, с летным хлебом.

Перегузка ослабла, темнота перед глазами рассеялась, я увидел землю прямо перед собой, потом она оказалась внизу, сбоку, сверху... Упираясь шлемофоном в плексиглас фонаря, встаю на голову, но самолет летит в нормальном положении, небо там, где ему и положено быть, и я перестаю верить своим ощущениям.

— Отрицательная перегрузка. Как самочувствие?

— Чуде... Хор... В пор... — бодро проскрипел я.

— Перегрузка ноль.

Перед глазами закачалась фишка разъема шлемофона на длинном проводе, как головка зачарованной факиром змеи, тело потеряло вес, я пытаюсь утвердиться в кресле, начинаю инстинктивно хвататься за борта кабины, но продолжаю инертно плавать в лямках плохо подогнанной привязной системы.

— В космосе все время так.

Но мне уже совсем неинтересно, как там в космосе. Здесь, в атмосфере, хочется только покоя и твердой опоры под ногами. В полубессознательном состоянии поворачиваю флажок обдува кабины, холодная струя воз-

духа прогоняет дурноту, но тело по-прежнему остается чужим, пустым, раздавленным.

Садимся в темноте. В свете прожектора навстречу самолету несутся мошки, как трассирующие пули, и, вспыхивая, разбиваются о лобовое стекло фонаря.

Заруливаем. Устюжанин выбрался из кабины и пошел к столовой. Я из кабины выпал и зигзагами поплелся догонять инструктора. Непослушным языком спросил:

— Это был высший пилотаж?

— Просто сложный. Скоро и ты будешь его выполнять.

Воскресенье...

Выходные дни в лагере воспринимались досадными перерывами в ревущей двигателями аэродромной жизни. Утром начали было играть в ручной мяч, но жара быстро загнала нас в тень, и ребята разошлись по беседкам.

Костя Журавлев сел писать письмо жене. Женился он после первого курса и с тех пор ежедневно строчит бесконечно длинные послания, получая не менее длинные ответы. Невесте — понятно, но о чем так часто и много писать жене, выяснить не удавалось даже общими усилиями.

Вадим Сидоров скрипит напильником в нашей беседке. На прошлой неделе он где-то нашел бычий рог, два вечера варил его на костре за гостиницей, потом начал обтачивать и драить наждачной бумагой. Рог дурно попахивал жженой костью, этим запахом пропиталось обмундирование Вадима, и в столовой за один стол с ним никто не садится. А вчера Отец выбрался из самолета и перед разбором полета спросил:

— Ты случайно не... — Он откашлялся. — Желудок в порядке?

— Так точно! — по-уставному ответил Сидоров.

— И все-таки сходи к доктору. В кабине воняет, спасу нет.

К врачу Вадим не пошел и сегодня с тупым упорством продолжает скоблить, обтачивать и полировать свой рог.

Из штаба эскадрильи пришел Толик Князев, радостно скомандовал:

— Взять плавки и строиться! Едем купаться.

Машины выехали из лагеря и свернули в сторону деревни, возле которой когда-то перегородили балку земляной дамбой, и речушка полуметровой глубины собра-

лась в треугольное озерцо, сверху оно выглядит голубым осколком стекла в желтом обрамлении привозного песка. Вблизи озеро оказывается неожиданно большим, но вода в нем не голубоватая, а зеленоватая. И приторно-теплая...

Я поплавал, вышел на берег и опустился на горячий песок неподалеку от вышки, с нижней площадки которой горохом сыпалась в воду дочерна загорелая ребятня. С пятиметровой площадки прыгала публика постарше, а с десятиметровой — один Кузьма. На центральной базе училища есть бассейн с такой же вышкой, с пяти метров я прыгал свободно, а с десяти попробовал один раз, да и то «солдатиком»: сверху басейн выглядел таким маленьким, что казалось — в него можно и не попасть. А Кузьма, воспитывая в себе какие-то необходимые летчику качества, сразу сиганул головой вниз, и с тех пор прыгает только с самой верхотуры.

Солнце припекает плечи, я смотрю на купающихся и невольно вспоминаю прошлогодний август: однажды мы с Леной заплыли далеко-далеко от пляжа, потом возвращались обратно сквозь густые заросли прибрежного ивняка. Она шла сзади, спотыкаясь о корни и ойкая, наконец положила руки мне на плечи и затихла, изредка прижимаясь к моей спине, когда я отводил в сторону длинную ветку. Удивленный необычным для нее молчанием, я оглянулся. В зеленом полумраке Лена смотрела напряженно, почему-то испуганно, но подходила ближе и ближе, пока не коснулась моей груди мокрым купальником. По верхушкам ивняка прошуршал ветер, в шелесте листьев почудилось что-то тревожное. Я оглянулся, настороженно прислушиваясь, и, когда опять посмотрел на Лену, на ее щеках горел румянец. Она поправила упавшую с плеча бретельку и будто опомнилась — отступила и инстинктивно, беспомощно попыталась закрыть руками грудь, живот, ноги, как это делают застигнутые врасплох неодетые женщины...

Зачем я тогда убежал из общежития? Может быть, парень в черной куртке ее сокурсник, просто постояли, поговорили, ведь не целовались же, и других поводов для ревности не было.

Неожиданно вижу перед собой знакомый голубой купальник. Вскакиваю — и радость сменяется разочарованием: ну каким образом могла оказаться здесь Лена? Девушка стоит боком ко мне, неторопливо заправляя под резиновую шапочку темные волосы, солнце высвечивает

загорелые плечи, смуглые руки. Вздрогнув, как от прикосновения, она удивленно смотрит на меня черными глазами, я тоже смотрю на нее. Девушка на миг смутилась, упрямо повела плечом: «Подумаешь!» — и пошла к воде.

Плавает она прескверно. Новички почему-то стараются сильнее колотить руками по воде, будто это помогает. Потом садится на коврик неподалеку от меня и, покусывая кончик косы, листает журнал. Девчонки каким-то десятым чувством чувствуют, кто таращит на них глаза, и она неожиданно оглядывается, с ядовитой усмешкой показывает на вышку, с которой красивой ласточкой прыгнул Кузьма.

Нокдаун! Я равнодушно отворачиваюсь, из всех сил стараясь не думать: почему Кузьма свободно прыгает с этих несчастных десяти метров, а я, мягко выражаясь, опасаюсь. Решительно направляюсь к вышке и лезу вверх по мокрым ступенькам. Не из-за этой смуглой девчонки, конечно, сто лет я ее не видел и еще столько же не увижу!

Когда внизу остается пятиметровая высота, в груди появляется неприятный холодок. На верхней площадке ноги делаются слабыми, инстинктивно хочется схватиться за перила и не выпускать их, но через силу подхожу к краю, картинно поднимаю руки над головой...

Вода упруго обнимает тело, недавние волнения сменяются радостным возбуждением, и, вынырнув, краем глаза ищу среди загорающих девчонку. Не нахожу. Это все чепуха, конечно, мелочи жизни, но почему-то долго не проходит щемящее чувство досады.

Вторник...

Вьюнки обвили беседку почти до самой крыши, на зеленых стенах появились розовые граммофончики цветов. Классная доска блестит в ожидании предварительной подготовки. Обычно Отец издали машет рукой — садитесь, а сегодня до конца выслушивает доклад Сереги о готовности группы к занятиям, так уж положено в армии, и официально разрешает сесть. Дважды молча прошелся вдоль стола.

— Кузьменко, ты уже летчик?

— Еще нет, но... — юлит Кузьма.

— Почему же тогда в зоне пикируешь с углами большими, чем положено по заданию? — Капитан бросает на стол ленту бароспидограммы: объективный контроль

полета, отказываться бессмысленно. — А ты, Нестеров, чего вытворял сегодня на посадке?

— Думал, если смотреть вперед, лучше видно направление.

— И едва не подавил фонари возле полосы... Садись, профессор!

Устюжанин махнул рукой и вытащил из кармана взъерошенного желтоклювого воробья. Подул на перышки, посадил птенца на классную доску. Тот быстро-быстро помахал короткими крыльями, но остался на месте и нахохлился.

— Ваш брат, товарищи курсанты! — указал на воробья капитан. — И находится примерно на том же уровне летной подготовки. Вылетел самостоятельно в зону на простой пилотаж, но зарвался на вираже и упал. — Под черными очками капитана насмешки не было видно. — Он будет воробьем через месяц, вы летчиками года через два. Птенец не птица, вы еще не личности, поэтому требую точного выполнения требований инструкции по технике пилотирования.

— Кто же мы? — удивился Серега.

— Полуфабрикаты. Сырой материал. Право на риск и эксперимент получите только после приобретения знаний и навыков, когда сможете пользоваться ими. Личность — это человек, работающий с полезной отдачей.

Зарвавшийся на вираже воробьиный курсант неожиданно ринулся к земле головой вниз, по замысловатой кривой вылетел из беседки и метров через десять опять упал на траву.

После предварительной подготовки все остались в беседке.

Устюжанин что-то писал в своем инструкторском кондуите, мы укладывали в планшеты тетради и летные книжки. С получением «аттестата зрелости» никто сразу не становится взрослым, просто на смену одной учебе приходит другая, с более серьезными науками и сложными задачами человеческих отношений, а учебников на все случаи нет.

Кузьма спросил:

— Товарищ капитан! Что, по-вашему, выше всего на свете?

— Гора Джомолунгма. Выше восьми тысяч метров.

— Я не в этом смысле. Вообще!

Устюжанин поправил черные очки, задумчиво потер пальцами лоб.

— Наверное, такой высоты нет. Нами во всем движет естественное желание жить, необходимая потребность творить, а любовь украшает существование. И если посмотреть с этой точки зрения, то для меня, как для летчика, главное — небо, для мужчины — любимая женщина, для человека — честность в поступках.

— Неужели все так просто? — спросил я.

— Конечно же, нет... Еще есть характер, интересы, желания. Вы уже прошли суровую строевую школу теоретического курса, но жизнь и свое место в ней пока оцениваете только общими представлениями о плохом и хорошем; не знаете, что за простым пилотажем идет сложный, что можно сломать крылья из-за нелепой ошибки, а в собственных чувствах заблудиться, как в десятибалльной облачности. С годами опыт, несомненно, придет, а пока выполняйте требования уставов и инструкций, не отвлекаясь на мелочные увлечения.

— В нашей работе мелочей нет, — сказал Кузьма.

— Я говорил не только о работе, — усмехнулся капитан. — Хотя... Профессия — это только приобретенные знания и навыки. Но в ней масса мелочей, на которые мы внимания не обращаем.

Капитан уткнулся в свой кондуит. Ребята забрали планшеты и направились в гостиницу. Я остался собирать в стартовый чемодан модели самолетов, наглядные пособия, наводить в беседке порядок.

Устюжанин громко щелкнул кнопками планшета и вышел. Через минуту я услыхал его голос в соседней беседке, где занималась группа капитана Дугина.

— Что пишешь?

— Оформляю документы на отчисление Семина. Летать может, но твердит: «Не вижу землю». Ясно, хочет уйти... Похлебал авиационного супчика, решил начать новую жизнь.

— Чего он в этом деле понимает?

— Дело, дело... — прикуривая, повторил Дугин. — Кроме дела, у человека есть масса приятных занятий. А мне, знаешь, жалко, что у нас нет возможности изменить свою судьбу.

— Вообще-то наслаждаться жизнью нам мешает собственная лень, зависть, болезненное самолюбие, — заговорил Устюжанин после долгого молчания. — Это только со стороны кажется, что у других все легко, беззаботно,

а все живут, в сущности, одним и тем же — дом, работа, посильные развлечения.

— При чем здесь лень? —Дугин раздраженно бросил ручку на стол. — В боевом полку я готов работать хоть двадцать четыре часа в сутки. Там и техника новая, и перспективы роста. А здесь... Каждый год одно и то же, словно давно прочитанную книгу листаю, месяцы-главы и дни-страницы знакомы до последней запятой.

Четверг...

С вышки СКП взлетела красная ракета — конец полетов. Кузьма зашел под тент, бросил на стол шлемофон. На лице его было искреннее огорчение.

— Этот Гиппократ не допускает меня к прыжкам, — возмущенно сказал он. — Из-за большой эмоциональной нагрузки, говорит, курсанту нельзя в один день летать и прыгать, а я уже летал.

— Скажи, что прыгал в аэроклубе, — посоветовал я.

— Бесполезно. Ребята, выручайте!

Прыжки с парашютом входят в курс учебно-боевой подготовки. Прыгали в апреле, но в тот день поднялся сильный ветер, несколько человек осталось в должниках. Сегодня прилетел Ан-2, прибыл начальник парашютно-десантной службы полка капитан Милованов и училищные спортсмены — потренироваться.

А что, если прыгнуть?

Лена спрашивала, страшно ли прыгать с парашютом, я снисходительно улыбался, хотя не мог ответить на этот вопрос и самому себе. Три раза прыгнул на первом курсе, четвертый в апреле, но, когда открывалась дверь самолета и надо было подходить к краю бездонной пропасти, появлялось ноющее чувство скованности. Где-то читал, что испытатель Анохин на вопрос о страхе ответил: «Я не знаю этого чувства, оно у меня атрофировано». Да и тот же Кузьма, например, после полусотни прыжков в аэроклубе подходил к открытой двери спокойно и весело.

Возле Ан-2 ребята уже подгоняли по росту лямки парашютов, в самолет забирались спортсмены, среди них был и капитан Дугин. Ан-2 взлетел, кругами набрал высоту над аэродромом, сбросил «Иван Иваныча» — мешок с песком на парашюте, пристрелочный выброс. Сделал еще круг и начал оставлять за хвостом разноцветные распускающиеся бутоны, это прыгали спортсмены на красивых, рассеченных щелями почти до центра парашютах.

Похожие на большие яркие цветы, они сначала вытянулись цепочкой, потом стали медленно собираться, снижаясь, к кресту, выложенному на земле белыми полотнищами, так уж положено: для самолета — Т, для парашютиста — крест. Ерунда, конечно, условный знак, но — не обхохочешься!

Приземлился и подрулил самолет. Когда мы забирались в него, упругая струя воздуха от винта била по ногам и трепала штанины комбинезона.

Ан-2 набирает высоту, качаясь и взмывая, в круглый иллюминатор видно, как по перкали плоскостей дымно змеятся уплотненные скоростью струи воздуха...

Выпускающий капитан Милованов распахивает дверь. По ушам бьет рев мотора, свист ветра. Открывается пропасть в голубоватой дымке. В груди зарождается, ползет по телу противный холодок. Смотрю на сидящего рядом Костю Журавлева, тот старается выглядеть спокойным, но его глаза бегают, как растревоженные тараканы, а руки нервно теребят шнурок ножа на запасном парашюте.

Милованов машет пилоту, мотор стихает, становится слышно шипение воздуха по обшивке фюзеляжа. По команде встаю, поворачиваюсь лицом к двери, в которую выглядывает капитан, выжидая одному ему понятный момент и придерживая огромного Костю Журавлева, обреченно порывающегося броситься в пустоту под ногами.

— Пошел!

Костя срывается с места, но забывает пригнуть голову и лбом врезается в округлый дверной проем. Обалдело смотрит по сторонам и опять во весь рост бросается на дверь, но капитан подставляет ногу, и, мелькнув черными подошвами ботинок, Костя исчезает в пространстве. В смехе растворяется недавний холодок, и хотя это все-таки самоутверждение за чужой счет, к открытой двери я подхожу почти спокойно, правой рукой отталкиваюсь от борта и выбрасываю тело в поток упругого воздуха...

Раньше выскакивал «солдатиком», успевал заметить уплывающий куда-то вверх хвост самолета, но в свободном падении от потери собственного веса тотчас захватывало дух и, пока распускался купол парашюта, хотелось за что-нибудь схватиться. А сейчас приятно невесомое тело плавно падает под шелест распускающейся парашютной ткани, после несильного рывка утверждается в лямках подвесной системы. Усаживаюсь удобнее, расстe-

гиваю шлемофон, хотя это пижонство, слетит с головы — потом вовек не отыщешь. Вверху медленно плывет самолет, в голубой пронзительной тишине за ним распускаются купола, ослепительно белые в лучах солнца. Раскрывшись полностью, они неподвижно застывают в пространстве — на высоте спуск незаметен, словно белые астры с висящими под ними паучками-человечками.

Увеличивается в размерах, приближаясь, круглая крыша вышки СКП, зеленая коробочка — санитарная машина, выложенный полотнищами крест. Приближение земли чувствуется метров с пятидесяти. Внизу суетливым жучком носится спортсмен с мегафоном, время от времени прикладывает его ко рту и свирепо кричит в небо: «Ноги держи! Ноги вместе!..»

До земли десять метров, пять, три... Сильно подтягиваю задние лямки, парашют на миг замедляет снижение — и я на твердой почве. Купол заваливается набок и оседает на траву длинным белым сугробом.

Смотрю, как приземляются, сразу встают на ноги или кувыркаются мои товарищи. Неторопливо освобождаюсь от подвесной системы — на душе легко, спокойно. Тут из-за вышки СКП со стороны лагеря выскакивает синий «Жигуленок» и, на большой скорости промчавшись по аэродрому, резко тормозит неподалеку от меня, задние колеса заносит в сторону, и машина скрывается в догнавшей ее пыли. Спортсмен что-то угрожающе кричит в мегафон, забыв включить его, слышится только злой низкий тон, подбегает к машине, остервенело распахивает дверцу и... начинает приветливо улыбаться, галантно раскланивается.

Из «Жигулей» выходит молодая женщина, легкое светлое платье подчеркивает стройность женского тела, на голове широкополая шляпа, как у чеховских дачниц-барышень. Придерживая ее рукой, она смотрит на самолет, распущенные темно-каштановые волосы закрывают половину спины. Среди летных комбинезонов она выглядит красивой птицей, случайно залетевшей сюда из какого-то иного, экзотического мира.

За Ан-2 один за другим снова распускаются разноцветные купола, спортсмен кричит в мегафон. «Дугин, к тебе гости!..» — и красно-синий парашют резко скользит к земле, быстро теряя высоту. До земли остается метра полтора, когда капитан выпрыгивает из подвесной системы и протягивает руки навстречу бросившейся к нему женщине.

— Милый, милый, — слышу я торопливые слова, — сегодня утром собиралась на работу, укололась о звездочку на твоем кителе, все бросила и летела сюда как сумасшедшая... — Она обнимает его за шею, а медленно и волнисто гаснувший парашют, мгновенье неподвижно повисев, накрывает их красно-синим куполом.

Пятница...

Я стою возле висящего на стене класса плана-графика, закрашиваю на нем клеточку напротив своей фамилии. Клеточки — количество полетов по программе, контрольные закрашиваются синим цветом, самостоятельные — красным. Сейчас требуется красный карандаш, я только что летал в зону на простой пилотаж: на виражах горизонт наклонялся, самолет одним крылом упирался в небо, другим рисовал круги на земле.

Под тентом сидит Коля Бабенко, вертит в руках шлемофон.

— Сейчас ларинги забарахлили, — говорит он. — Руководитель полетов меня не слышит, шумит: «Подтяни резинку!», я и подтягивал ее так, что из самолета вылез синий, как баклажан. — Потирает шею с широким красным рубцом и вдруг предупреждающе поднимает руку: — Тих-х-хо!

Я прислушался. Из селектора донеслось:

— ...зал двигатель.

— Ваше место? — Голос Тюрина, сегодня он руководит полетами.

— Полторы тысячи над точкой. Горит лампочка «Пожар».

Выскакиваю из-под тента. Под селектором толпа летчиков, техников, свободных от полетов курсантов. Дергаю за рукав Кузьму, тот коротко говорит: «Вадим с Отцом» — и указывает глазами куда-то выше первого разворота. Нахожу глазами белый крестик самолета, за ним тянется едва заметная темная полоска.

Тюрин спокойно, размеренно говорит:

— Поставить РУД на «Малый газ». Закрыть стоп-кран, — видимо, читает по инструкции действия летчика при пожаре, — выключить АЗС «Двигатель». Нажать кнопку «Пожар».

После пожара запускать двигатель в воздухе запрещается, значит, садиться придется с остановленным. Как при имитации отказа...

Земля приближается к самолету быстро, неотвратимо,

и ничто не может остановить или замедлить это приближение.

Нечаев достает папиросу и, перед тем как сунуть ее в зубы, говорит:

— Хорошо, что над точкой... Устюжанин посадит!

Ему никто не отвечает. Все смотрят на самолет, за хвостом которого показывается белое облачко, — включилась противопожарная система. Облачко вытягивается полупрозрачным серебристым шлейфом, становится тоньше, опять превращается в едва заметную темную полоску.

— Лампочка «Пожар» не гаснет, — докладывает Устюжанин.

Я чувствую опустошающую беспомощность оттого, что сейчас ничто не может помочь экипажу самолета, нет пока на свете таких механизмов или приспособлений. Из аварийных ситуаций летчики должны выходить сами, используя собственные силы и сохранившиеся летные качества полуживой машины. Потом можно будет сказать «повезло» или «не повезло», сослаться на счастливое или роковое стечение обстоятельств, но сейчас выбора нет: если ликвидировать пожар в воздухе не удается, по инструкции пилоты обязаны покинуть самолет.

— Катапультируйтесь!

Команда хлестнула по нервам.

От самолета отделяется темная точка — сброшен фонарь. Сейчас катапульта выбросит из кабины кресло...

— Не выходит кресло из передней кабины, — послышался голос Устюжанина.

В передней кабине Вадим. Он еще может отстегнуться от привязной системы и просто вывалиться из самолета, в инструкции есть такой «особый случай».

Нечаев выплевывает изжеванную папиросу и свистящим шепотом говорит:

— Все! Прыгать нельзя, высоты не хватит... Ах-ты, мать честная!

Оставив за собой темный крюк дымного следа, самолет выходит на посадочный курс. Тишина давит на уши, увеличивает напряженное волнение: молчит эфир, молчит Тюрин, он сказал все, что предусмотрено инструкцией, и теперь исход полета зависит только от летчика — есть в жизни ситуации, в которых решения принимаются вопреки всем уставам и наставлениям.

Самолет скользит на крыло — теряет лишнюю высоту, едва заметно приподнимает нос и вот уже бежит по полосе, победно задрав носовое колесо. По инерции скаты-

вается в сторону, освобождая посадочную полосу другим самолетам, и останавливается, зияя черной пустотой на месте плексигласового колпака передней кабины.

Толпа срывается с места... На бегу, как в кадрах ускоренной киносъемки, вижу чьи-то спины, затылки, мелькающие локти. Кажется, что время остановилось, уплотнилось пространство, слышится топот ног, какие-то радостно-восторженные выкрики, обрывистые, несвязные звуки...

Вадима сразу подхватили на руки и, не обращая внимания на упавший шлемофон и хрустнувшие под чьим-то каблуком стекла летных очков, начали подбрасывать в воздух. Я ищу глазами Отца — он стоит среди летчиков, вытирая подшлемником мокрое лицо, что-то говорит начальнику штаба. Павлов кивает головой, нервно ломает пальцами сигарету и нюхает табак.

Перед предварительной подготовкой комэска проводил разбор происшествия, его бас грохотал на весь класс, но в нем слышалась только досада из-за загубленного двигателя — в воздухозаборник самолета попала какая-то глупая птица, разворотила лопатки спрямляющего аппарата, сбила перьями пламя в камерах сгорания. Пожара не было, отчего замкнулись сигнализаторы — неизвестно, инженер эскадрильи проводит расследование. Вадим не смог выпрыгнуть, потому что не дожал до упора рычаг выстрела.

В беседку Устюжанин пришел спокойным, сразу спросил:

— Сидоров, почему бутерброд падает маслом вниз?

— Э-э-э...

Капитан усмехнулся.

— Понятно! Всем жалко масла, поэтому помнят именно о таких падениях. А с точки зрения авиатора, здесь «закон подлости», интерпретация народной мудрости: «Беда одна не приходит никогда».

— Это заповедь? — уточнил Серега.

— Примите к сведению и не считайте жизнь прожитой напрасно из-за мелких неудач. Сегодня был классический закон подлости: птица — сигнализатор пожара — неудачная попытка катапультироваться, иначе можно было не пороть горячку. Комэска приказал еще раз проработать посадку с неработающим двигателем, поэтому запишите в рабочие тетради...

— Товарищ капитан! — Я не выдержал и перебил инструктора. — Система спасения устроена так, что сначала должен покидать самолет летчик из задней кабины. Значит, вы обязаны были катапультироваться первым, почему же... — Я замолчал, увидев, как зябко пошевелил плечами и испуганно заморгал Вадим, лицо его стало серым, под цвет волос.

— Инструкцию знаешь, Марков! — как-то странно похвалил меня капитан. — Профессор! Но, кроме прав и обязанностей, мы все связаны еще и ответственностью друг за друга. Не только юридической, но и нравственной, что ли. — Он молча прошелся вдоль стола.

— И все-таки... — Кузьма подпрыгнул от любопытства. — Вам было сегодня страшно?

Устюжанин поправил черные очки, помолчал.

— Да что говорить, приятного, конечно, в случившемся мало. Вообще-то, это моя первая аварийная посадка. Но в каждой работе свои особенности, а опасность определяется нашим отношением к ней. — Он улыбнулся. — Откровенно говоря, я до сих пор не могу понять, как работают городские таксисты: машины несутся туда-сюда, на каждом перекрестке светофоры, пешеходы шарахаются под колеса. У меня, наверное, внимания на всех не хватило бы.

На ужине Вадим получил свои две порции, взял вилку, но побледнел и выбежал из столовой. Видимо, страх не только реакция на неизвестное, но и работа воображения: в полете все воспринималось цепью событий, а спустя несколько часов рассудок воспроизвел подробности...

Вечером в курилке Князь бренчал на гитаре, пел свою любимую: «В казарме мрак и тишина, берет гитару старшина...», еще при царе-кесаре неизвестно каким курсантом придуманную песню. Устюжанин заглянул в гостиницу, подошел к курилке и поискал кого-то глазами. Потом призывно махнул Нестерову. Я тоже не усидел, и когда приблизился к ним, Серега говорил, переминаясь с ноги на ногу:

— В сортире Вадим. На ужине прихватило. — И пояснил, как бы извиняя эту слабость товарища: — Нервное расстройство. Сказать, чтобы потом пришел к вам?

— Да, конечно, — неожиданно торопливо сказал Устюжанин. — Ах как нехорошо получилось. В этом

«нервном расстройстве» нет ничего постыдного, но до ужина я еще мог помочь.

Он замолчал. Уходить было неудобно, мы с Серегой неловко топтались рядом, и я размышлял, что мог бы сказать Отец Вадиму? С непривычной для него растерянностью капитан посмотрел на Серегу, на меня и повторил:

— Нехорошо получилось... И чувство, знаете, такое, будто уронил на асфальт часы и теперь остается только догадываться, все ли цело в сложном невидимом механизме.

Часть 3

ИЮЛЬ

Воскресенье...

Возвращаясь с завтрака, я увидел в ближайшей от гостиницы беседке начальника штаба, он разговаривал с каким-то парнем в зеленой униформе с накладными карманами и надписями на спине. Попытался прочесть: «Стройотряд...», дальше не разобрал — и вдруг узнал в нем своего закадычного школьного друга. Незнакомый с субординацией и воинскими порядками, Женька в присутствии капитана резко вскочил, увидев меня, восторженно заорал:

— Леха-старичок! — обхватил меня за плечи и принялся разглядывать. — Забурел! Честное слово, забурел, загар курортный, отъелся! А я проездом тут. Дай, думаю, заскочу на денек.

Павлов, усмехаясь, выписал увольнительную записку.

— До отбоя, Марков. Только без глупостей!

Когда он вышел из беседки, я обнял Женьку. Внешне старый школьный друг почти не изменился: та же курчавая белая голова, чуточку шальной взгляд, только на щеках появилась изображающая, видимо, бороду мягкая светлая поросль. Женька вертел головой, осматривая лагерь, и сыпал вопросами, не дожидаясь ответа:

— Ты уже летаешь?.. И как?.. Можно поближе посмотреть самолеты?

Направились к стоянке самолетов. Женька восхищенно оглядел спортплощадку. Спорт у нас на высоте, было чем восхищаться, — тут и лопинги, и батуты, и колеса. Родились эти снаряды в цирке и раньше назывались вра-

щающимися качелями, подкидными сетками, рейнскими колесами, гимнасты выступали на них под барабанную дробь: «Спешите видеть! Гвоздь сезона! Смертельный номер!», а мы запросто вращаемся, прыгаем, крутимся на физподготовке — и никаких аплодисментов!

Перед табличкой «Граница поста» Женька остановился.

— Дальше часовой не пропустит, — пояснил я. — Воскресенье.

Женька снисходительно похихикал над такими строгостями, но дальше не пошел. Долго и с любопытством рассматривал самолеты, потом иронически хмыкнул:

— Маленькие они какие-то... А что, если записаться в аэроклуб и тоже малость подлетнуть. Для романтики и острых ощущений. Не понравится — брошу.

— Лучше уж не начинай. Пока в кабине потом не умоешься, не проклянешь и снова не полюбишь небо, никакой романтики не почувствуешь. Острые ощущения дорого обходятся.

Женька — парень вспыльчивый, неугомонный, я спокойнее, и, как сейчас понимаю, наша школьная дружба держалась на единстве и борьбе противоположностей. Единство было полным, борьба в спорах, в которых одному редко удавалось убедить другого. В десятом классе я начал проходить бесчисленные медицинские комиссии перед поступлением в училище, вот тогда и начался этот до сих пор не оконченный спор о правильности выбора жизненного пути. Против авиации Женька ничего не имел, но не понимал, зачем в мирное время становиться военным? Для меня уточнение «военный» или «гражданский» к слову «летчик» значения не имело — начитавшись Экзюпери, настойчиво рвался только к неземным удовольствиям и откровениям, которые должен был дать мне самолет.

Вышли на дорогу к станции. Женька оглянулся на лагерь:

— Домишки у вас здесь паршивые. Крыши не текут? Ну и чего ты добился? Мог бы жить и учиться в городе с театрами, кафе, стадионами, а лучшие годы проводишь в этой глухомани...

— Можно подумать, ты из театров не вылезаешь!

— Во всяком случае, могу посещать, — смутился Женька. — И в общежитии у нас все прочно, надежно, по четыре человека в комнате, комфорт — душ, телевизоры, унитазы.

За два года я привык к аскетической неприхотливости армейской жизни, дощатая гостиница меня вполне устраивала, а если и приходится по ночам через весь лагерь бегать туда, куда и царь пешком ходит, так ноги от этого не отвалятся. А Женька продолжал:

— Мне батя до сих пор рассказывает, что с четырнадцати лет чемоданы делал, помогал семье. Но тогда время было такое... А зачем сейчас искусственно усложнять себе жизнь?

— Ты путаешь жизнь с ее условиями.

— Я не об условиях говорю, об условностях. Ты же хотел быть архитектором; я же помню, как еще в девятом классе лихо трепался о создании пространственной организации жизненной среды. Был бы свободным художником! А сейчас в деревню не имеешь права сходить без увольнительной...

— Стоп, стоп! — Я предупреждающе выставил вперед ладонь. — У нас одни условия, о которых ты, в сущности, представления не имеешь, у вас другие. Но независимо от этого все мы, курсанты-студенты, пока всего лишь полуфабрикаты.

— Чего-о-о? — Женька бодливо выставил лоб.

— Будем личностями, когда начнем отдавать. Кстати, в своем общежитии ты проживешь до окончания института. А потом?

Женька неопределенно пожал плечами, задумался, но я и не ждал ответа — показались крайние домики станции, надо смахнуть с сапог дорожную пыль, поправить ремень. В общественных местах военнослужащий обязан быть подтянутым, аккуратным, — это не только мое убеждение, но и требование устава.

Бесцельно побродили по жарким и пыльным улицам, посидели в парке возле площади, делать было нечего — оборотная сторона всех выходных и праздников. Потом в небольшом юрком автобусе поехали на пляж.

Плавали, загорали, вспоминали бывших одноклассников. Вроде бы и недавно учились в школе, а сейчас глупыми, наивными, инфантильными кажутся прежние споры о марках автомашин, магнитофонов и прочих «престижных» вещичках; мечты о «фирменных» джинсах, которых было от силы десяток на весь наш маленький волжский городок, остальные модники щеголяли в «самостроке» — кустарно пошитых штанцах. Время незаметно расставило все по местам: девочки выходили замуж далеко не за принцев с личными автомобилями; страст-

ные поклонники джазовой музыки из импортных магнитофонов пошли работать и узнали им цену.

— Ты свою специальность любишь? — спросил я.

— Мы до нее еще не дошли, — сказал Женька, вытаскивая из волос божью коровку. — Но как звучит? «Математические счетно-решающие приборы и устройства»! К тому же институт фирменный, ребята отличные, девчонки высшего качества.

— Ну чего ты стараешься представить свою жизнь так, будто в нашей лагерной неустроенности есть что-то обидное? Комфорт и все такое — это хорошо, ничего против я не имею, но смысл жизни не в этом.

— А в чем?

— В главном. Для меня сейчас это небо.

— Может, в этом «небе» что-то и есть, — согласился Женька, рассматривая на пальце распушившую крылья божью коровку. — А вот я не могу представить, чтобы в моей жизни главным стала какая-нибудь даже самая распрекрасная вычислительная машина. Другое дело — цель, ради которой она создана. Целый день говорю тебе об этом. Ведь летать можно и на Ту-144, рейсы Москва — Владивосток, вся страна под крылом. — Он проводил глазами улетевшую букашку и спросил: — Лена пишет?

Я кивнул. После зимнего отпуска получил от Лены письмо, полное милых упреков, ласковых слов и нежных признаний. О том, что приходил в общежитие, она узнала от вахтерши, расстроилась и всю ночь плакала. Может быть, действительно тот парень в черной куртке оказался просто знакомым, но о московской погоде Лена больше не писала. Опять на трех-четырех страницах о чувствах, какой-то почтовый роман!

Мы одевались, когда Женька тронул меня за руку:

— Давно замечаю... Аксинья на тебя глаз положила.

Я оглянулся и увидел неподалеку смуглую девчонку, из-за которой прыгнул с вышки. Она пристально смотрела на меня черными глазищами, взгляд был задумчивый и чуть отрешенный. Потом перебросила косу с груди на спину, повела плечом, как в прошлый раз: «Подумаешь!» — и демонстративно отвернулась.

Среда...

Из полка пришел приказ об отчислении курсантов по летной неуспеваемости. Ребят из первого и второго зве-

на сразу отправили в полк, а Витька Семина оставили писарем при штабе эскадрильи.

Вечером я заступил дежурить под грибок. Принял по описи рельс на проволоке, полевой телефон на полочке, сел на табуретку и поставил карабин между коленями. В курилке возле гостиницы взрыв хохота, ребята проводят популярный разбор полетов. Солнце село, одна половина неба догорает багровым пламенем, обещая на завтра хорошую погоду, на другой, возле горизонта, загораются лампочки звезд.

В нашей беседке Серега Нестеров крутит проигрыватель, над лагерем плывут ясные волнующие звуки, поднимаются и исчезают в темном вечернем небе, как в вечности.

Но тут раздается команда: «Эскадрилья, приготовиться к отбою!» Серега выключил проигрыватель. Погас свет в гостинице, один за другим закрыли глаза-окна офицерские домики. Лагерь погрузился в темноту.

Закинув карабин за спину, я прошелся по дорожке вдоль бараков, вернулся к грибку. В плотном воздухе отчетливо послышалось, как скрипнула, открываясь, дверь гостиницы. По дорожке медленно поплыл красный огонек сигареты.

— Стой, кто идет?

— Свои, — голос Витька Семина.

— Чего не спишь?

— Душно. — Витек, в майке, в трусах и сапогах. — Подвинься малость! — Он присел на край табуретки и протяжно, с ленцой зевнул. — Ну вот и все, Леха! Отлетался я... Осенью демобилизуют, после дневных трудов теперь буду спокойно гулять по Невскому, — говорит он и неожиданно торопливо, как о наболевшем, добавляет: — Понимаю, что это спокойствие надо защищать и все в этом роде... Но почему именно я?

— О чем же ты думал три семестра?

— О том, что в этих полетах действительно есть что-то необыкновенное, а тут, пардон, еще и птицы в двигатели попадают. Эти печальные детали в мои мечты никогда не вписывались.

— В мясники теперь пойдешь?

— Всякий труд почетен. Денежный особенно.

— Не о труде ты говоришь, о ворованных червонцах. Интересно, если когда-нибудь встретимся по разные стороны прилавка, ты и меня обвесишь, обсчитаешь?

— По разные стороны прилавка еще не по разные

стороны баррикад! — хохотнул Витек, вдавил в землю окурок и закурил новую сигарету. — Напрасно ты обвиняешь меня в паразитических наклонностях, рубить мясо мне не позволит гордость, как-никак, на моем генеалогическом древе затесалась одна чахлая графская ветвь по женской линии. Впрочем, граф Толстой тоже начинал с военной карьеры.

— Скромность украшает, но мы не любим украшений?

— Слышу сарказмы! — усмехнулся Витек. — Помнишь, по философии мы изучали экзистенциалистов? Ну, бытие абсурдно, действие безрезультатно и прочий философский бред о том, что рано или поздно всех нас понесут ногами вперед... Посмотрим на это дело так: мои графские предки когда-то свободно трепались по-французски: «Силь ву пле!.. Парле... Месье...» — и путешествовали по Италии, пахари-сеятели не отрывались от сохи, а конец у всех один. Намек ясен?

— Несешь всякую чепуху.

— Дело не в титулах. Это рухлядь, конечно. Вопрос о том, как лучше прожить: на пашне или при праведных трудах, испытав все-таки максимум удовольствия?

— Это треп?

— А ты как думаешь? — наигранно смеется Витек.

— Думаю, стараешься себя оправдать. Повернул жизнь, но еще не понял, в какую сторону. Проигрывать не хочется, вот на душе кошки и скребут.

Суббота...

За полчаса до окончания полетов прилетел Ил-14, чтобы отвезти летчиков эскадрильи домой. Сергей Нестеров уложил в сумку шлемофон и предложил мне ознакомиться с транспортно-пассажирской техникой поближе, от нечего делать за нами увязался Вадим.

Командир Ила, лежа на расстеленном под крылом брезенте, махнул рукой: «Кабину посмотреть? Валяйте!..» По жаркому, раскаленному салону прошли в пилотскую кабину. Она поразила простором, множеством приборов, перед обитыми коричневой кожей креслами летчиков вместо привычных ручек управления — полубаранки штурвалов.

Вадим сел в правое кресло и склонился над вмонтированным в пульт маленьким вентилятором с миниатюрными черными лопастями, изучая его устройство. Сере-

га по-мальчишески попрыгал в левом кресле, но снисходительно сказал:

— Скучно, наверно, живется этим ребятам — одни маршруты. Если летать, то выше и быстрее всех! Половин не признаю. А летчик-истребитель — это пилот самой высшей степени.

— Экзюпери возил почту и не испытывал никакой летной неполноценности, — вспомнил я. — Никто не сравнивает боксера и зубного врача по количеству удаленных зубов. У истребителей хлеб — пилотаж, у транспортников — маршруты. — Я сел на низенькое сиденье между креслами и толкнул в бок Вадима. — А ты как думаешь?

— Что? — переспросил тот и указал пальцем на вентилятор. — Грамотно сработана вещь, с душой... Узнать бы мощность электромотора, может, он и от батарейки работать будет.

— Ты по делу говори!

— А чего переливать из пустого в порожнее? В училище поступили, теперь придется летать, деваться некуда. — Вадим проводил глазами взлетевший самолет, вздохнул. — А вообще-то мне больше по душе такая работа, чтобы можно было ее руками потрогать. Транспортник перевезет десять ящиков, видит — сделано, а нам придется всю жизнь в зонах кувыркаться.

— Учиться стрелять, бомбить, перехватывать цели и совершенствовать технику пилотирования, — серьезно уточнил Серега и поправил аккуратный пробор. — Наша работа не в смысле «престижнее», а разнообразнее: воздушные бои, перегрузки. — Он посмотрел на меня. — А чего это ты Экзюпери вспомнил? Романтики не хватает?

— Без нее тоже нельзя. Скучно. Но я о другом — самолет был целью, когда решался вопрос: летать — не летать, а в последнее время часто подумываю: как летать? В авиации много типов самолетов, кто знает, на каком интереснее работать?

— Все ясно! — вздохнул Серега. — Насчет этих размышлений я так скажу... Хочешь — добивайся, не хочешь — бросай, обязан — выполняй. Все остальное — это штучки чеховской интеллигенции. Куда мечтали уехать эти три сестры?

— В Москву.

— Вот и ехали бы!

Вторник...

Под тентом я уложил в сумку шлемофон, повесил ее на крюк — сегодня больше не понадобится. Развернул и начал изучать полетную карту: приближаются полеты по маршруту, и необходимо на память знать местность в радиусе доброй сотни километров, радиотехнические средства... Теоретически все просто: занимай эшелон и выдерживай курс, но видимая простота любого дела относительна, если им заниматься серьезно.

Скоро в глазах зарябило от переплетения разноцветных линий на карте, и я посмотрел в створ полосы — маленькая черточка опускалась, приближалась, превращаясь в блестящий самолетик. Приземлился он на грунтовую полосу, на пробеге поднял за собой серый пушистый шлейф пыли. Все — полет закончен! Вдруг самолет резко дернулся и как-то боком покатился в противоположную от стоянки сторону.

— Колесо лопнуло! — говорит Нечаев, вскакивая, громко кричит: — Левой ногой держи... Тормоза полностью!

— Вторую покрышку сорвет.

— Да черт с ней! Только бы не перевернулся!

Самолет скрылся в облаке пыли. Свободные от полетов летчики и курсанты бросились к стоянке автомашин, и я едва успел забраться в кузов сорвавшегося с места тягача.

Машина проскочила через бетонную полосу, едва не сбив колесом ограничитель, врезалась в медленно оседающую пыль. Самолета на грунте нет, глубокая кривая борозда пересекает полосу и скрывается в начинавшемся в сотне метров от аэродрома колхозном саду. Тягач тормозит перед кустарником. Вместе со всеми, кто был в кузове, я бросаюсь сквозь заросли кустов смородины.

Кузьма стоит на крыле и приветливо машет нам рукой... Потом неторопливо встряхивает нависшую у него над головой ветку, с нее осыпаются яблоки и катятся, подпрыгивая, по алюминиевой блестящей плоскости. Мы стаскиваем Кузьму на землю, хлопаем его по плечам, по спине, на ощупь убеждаемся в его невредимости, но тут возле сада резко визжит тормозами «санитарка», из нее выскакивают еще несколько человек. Взволнованный доктор пробился сквозь толпу, спросил:

— Испугался?

— Вспотел дрожамши!

Доктор, считая пульс, оторопело посмотрел на Кузьму, но не обиделся: сегодня ему все прощается.

Я подошел к самолету: красный кок носа в сантиметрах от ствола яблони, правая покрышка висела рваной тряпкой, машина накренилась и от этого казалась беспомощной.

— Четко вырулил. Люкс! — отметил Нечаев и заглянул под крыло, где сидел на корточках возле колеса инженер эскадрильи. — Опять осколок?

— Опять, — утвердительно кивнул тот. — Колесо заменим здесь, завтра можно планировать самолет на полеты.

Когда все было сделано, самолет подцепили к тягачу. В кузове Кузьма грыз кисло-сладкие яблоки, улыбался нашим шуткам. Вадим сидел рядом с ним на рваной покрышке, лицо у него было угрюмым и задумчивым, о чем размышлял — неизвестно, парень он не очень разговорчивый.

После полетов комэска в гостиницу нас не отпустил. Сказал, что газы из двигателей разрушают верхний слой почвы, находящиеся в нем осколки оказываются на поверхности, и приказал курсантскому составу пройти по полосе, собрать все посторонние предметы.

Цепь идет медленно. Не такая уж эта грунтовая полоса твердая, какой кажется иногда при посадках «с плюхом» или с высокого выравнивания. В кузове идущей за нами машины глухо стукнулись брошенные кем-то железки. Серега Нестеров поднял ржавую пулю, оценивающе подбросил на ладони... И тут я увидел выглядывающий из пыли кусочек металла, рядом еще один поменьше. Сейчас эти ощетинившиеся острыми краями осколки опасны только для покрышек, а когда-то они могли оборвать чью-то жизнь, на полуслове обрубить песню...

Отец у меня шофер, при воспоминании о нем всегда представляется кабина ЗИЛа, мотор натужно урчит на подъемах, облегченно выдыхает на остановках. Однажды отец спросил, куда я надумал пойти после школы? В то время я учился в десятом классе, убедился в отсутствии качеств, необходимых для архитектуры, и запоем читал книги об авиации, сказал, что буду поступать в летное училище.

— Тоже нужное дело, — сказал отец. — Но лучше бы строить!

Чем дальше шли по полосе, тем чаще стучали в кузове кусочки металла, визитные карточки прошлых боев. И сейчас фирмы «Боинг», «Хьюз Эйркрафт», «Юнайтед Технолодж» изготавливают новые бомбы, снаряды и ракеты, в арсеналах хранится затаившаяся смерть, готовая в любой момент разлететься по земле такими же осколками.

До сегодняшнего дня в глубине души я еще жалел о своей неосуществленной мечте — создавать пространственные соотношения из объемов, транспортных связей, геометрических форм многоэтажных корпусов, а сейчас думаю: может быть, новые принципы градостроительства до сих пор не сложились в завершенную систему только потому, что еще живет на земле затаившаяся смерть. И нельзя сейчас всем только строить... Надо и защищать, чтобы потом никому не пришлось собирать новые осколки!

Среда...

Комсомольское собрание состоялось после предварительной подготовки. Вдоль стен класса штаба эскадрильи Костя Журавлев, комсорг эскадрильи, развесил боевые листки, «молнии», стенгазеты. На рисунках, в карикатурах и на фотографиях была запечатлена наша армейская жизнь со всеми ее деталями.

Выступление начальника штаба было коротким. Цифры и факты, о которых говорил Павлов, были не просто известны всем, а пережиты каждым в отдельности в кабине самолета. Перешли ко второму вопросу. Костя казенным голосом спросил, кто хочет выступить, но желающих не было. Наконец раздался чей-то приглушенный голос:

— Да тут все ясно! Меры безопасности записываем в рабочие тетради каждый день... А что касается этих проклятых осколков, так из кабины их не увидишь.

— Подводи черту! На ужин опоздаем.

— А откуда на аэродроме столько осколков?

Поднялся шум, Костя застучал карандашом по столу.

— Могу дать историческую, можно сказать, справку, — проговорил, вставая, Павлов. — Во время Сталинградской битвы с этого аэродрома транспортные самолеты возили окруженным гитлеровским войскам продукты и боеприпасы. Танковому корпусу Баданова было

приказано уничтожить этот аэродром. Танкисты прорвали фронт, триста километров шли сюда по вражеским тылам, по пути уничтожили много техники и живой силы противника, точных цифр я сейчас не помню. Потом ударили одновременно по станции и по аэродрому. — Капитан на минуту замолчал, в классе стояла напряженная тишина. — Фашисты окружили корпус, и танкисты пять дней дрались здесь в окружении...

— Так это они похоронены на станции? — спросил я.

— Да. Получив приказ об отступлении, Баданов вывел остатки корпуса за линию фронта, а погибших местные жители похоронили в братской могиле. В прошлом году здесь собирались участники этого героического рейда, приезжал и Баданов.

Павлов еще что-то рассказывал, а перед моими глазами встали фонтаны вывороченной взрывами земли, потянулись трассы пулеметных очередей, и черные, обгоревшие в боях танки понеслись по рядам стабилизаторов с паучьей свастикой. Траки гусениц вдавливают в мерзлую землю острые горячие осколки...

Пришел в себя от голоса Кости Журавлева:

— ...Поступило заявление от комсомольца Нестерова. Просит собрание дать ему рекомендацию для вступления в члены КПСС. — Костя держал в руке лист бумаги и выглядел растерянным — такие вопросы в эскадрилье еще не решались. — Ну что, Нестеров... Расскажи нам свою автобиографию.

Серега встал.

— Биография у меня как у всех: школа, училище. — Обычно спокойный, уравновешенный, он заметно волновался. — Вступить в партию хотел давно, но сначала надо было делом подтвердить, заслужить такую честь. А вчера на полосе решился. — Он помолчал и заговорил увереннее: — Я еще в школе встретил в каком-то журнале статистику войн. В семнадцатом веке погибло три миллиона человек, в восемнадцатом — пять с половиной, в девятнадцатом уже шестнадцать. А в двадцатом веке только за две войны — шестьдесят миллионов! И я хочу быть коммунистом, чтобы этого не повторялось.

Суббота...

Наступил перерыв в полетах перед самой трудной частью программы — сложного пилотажа, воздушных боев.

С центральной базы училища приехал преподаватель

философии, и мы всю неделю слушали лекции по истмату. В просторном классе голос подполковника Ильина звучал размеренно, усыпляюще — он сильно нажимал на «о» и говорил медленно. Вообще-то подполковник читал лекции интересно, но мы немного отвыкли от строгого расписания занятий, и в моем конспекте между строчками появлялись самолеты под сложными ракурсами, например справа, внизу, сзади; оттачивал свои скудные худспособности, потому что в тетради для подготовки к полетам мои самолеты напоминали сложенные один возле другого огурцы.

Сегодня утром сдавали экзамены. Обид — «зарезали», дескать, или несправедливо занизили отметку — не было. С пристрастием подполковник спрашивал только Вадима Сидорова, но на это были объективные причины. На одной из последних лекций преподаватель рассказывал о законах развития общества, и тут в тренажере — большой закрытой кабине для имитации «слепых» полетов, что-то глухо зарокотало. Кто-то сдвинул фонарь: в кабине спал, похрапывая, Вадим. Без обычного в таких случаях преподавательского гнева за невнимательность к своему предмету Ильин спокойно сказал: «Молодец! Крепкие нервы у парня...»

За прошедшие два с половиной месяца Вадим не изменился: по-прежнему ел за обедом два вторых, спал в положении «смирно!» — руки вдоль тела, прямой и плоский, отмалчивался в разговорах. Летал не лучше и не хуже других, но в последнее время немного отстал от нас — в лагере самые отъявленные любители «отдохнуть» в санчасти не жаловались на здоровье, а у Вадима стала появляться головная боль, скрип в суставах, слабость в коленях, и доктор, естественно, отстранял его от полетов. И еще одно: особенно общительным Сидоров никогда не был, а сейчас в его отношениях с нами стала появляться какая-то настороженная отчужденность.

Успешную сдачу экзаменов решили отметить походом на танцы.

На высокой ноте захлебнулась труба, и пары оживились, запрыгали в каком-то бешеном ритме. Нормальным танцам надо учиться: шаг вперед, в сторону, поворот; а тут не требуется никакой учебы — болтайся в такт музыке напротив извивающейся партнерши, и наши ребята показывали в этом деле высокий класс!

Вскоре объявили белый танец — обидный для муж-

чины — стой и жди, когда тебя соизволят пригласить. Я надвинул на глаза пилотку, но тут стройная черноглазая девушка с длинной косой тронула меня за руки, и прежде чем я узнал ее, оказался в толпе танцующих. Оркестр играл «На сопках Маньчжурии», и казалось, что пары скатываются на нас с этих сопок, толкаются. Я проклинал все на свете: прошлым летом Лена учила меня танцевать вальс, но дальше энергично сделанного в сторону партнерши шага учеба не двинулась. Сделал этот шаг, девушка охнула — я наступил ей на ногу — и посмотрела на меня с ядовитой усмешечкой, с какой недавно указывала на прыгавшего с вышки Кузьму. Ловко высвободилась из моих неуклюжих объятий, взглянула коротко, пристально и вдруг с неожиданным интересом спросила:

— Летать страшно?

— Нельзя купить за деньги это чувство, когда летишь сквозь ночь, в которой горит сто тысяч звезд, и душа ясна, и на краткий миг ты всесилен,— бодро ответил я, не глядя на девушку, потому что вычитал эти слова у Экзюпери, да и ночью мы еще не летали.

Я предложил погулять по парку. Поколебавшись, она согласилась.

Парк невероятно запущен, дорожки заросли травой, скамейки поломаны. Музыка с танцплощадки слышалась все тише, призрачнее, приглушеннее...

Девушку звали Мариной, она училась в Ростове, в музыкально-педагогическом институте. Собиралась ехать со стройотрядом в Сибирь, в июне сдала сессию, но заболела и теперь проводит каникулы у родителей. Сообщив это, она замолчала, и я почувствовал себя неловко: надо было что-то говорить, развлекать новую знакомую, а подходящей темы не находилось.

— Проклятые комары,— сказал наконец я, только чтобы не молчать, и, подпрыгнув, схватил нависшую над дорожкой ветку. Она согнулась, но не сломалась.

— Не надо! — попросила Марина.— Дереву больно!

— Да что оно, чувствует?

— Может, и не чувствует, но живое... Жалко!

Я выпустил ветку, она разогнулась с тихим шорохом. Приглушенная расстоянием музыка с танцплощадки едва пробивалась сквозь листву, и казалось, что на аллею откуда-то сверху падали озвученные пятна лунного света.

Потом провожал Марину домой, она жила на станции. Девушка изредка поглядывала на меня, блестев-

ние в лунном свете глаза волновали, вызывая во мне неуемную разговорчивость. Я с небрежной лихостью нес чушь о сложностях летной работы, она слушала с нескрываемым вниманием, словно за моими словами скрывалась какая-то многозначительная недосказанность.

Четверг...

Утром играли в ручной мяч. Серега Нестеров вышел к воротам, подпрыгнул для броска, но поскользнулся и неловко упал. В колене появилась острая боль. Доктор долго ощупывал колено, потом удрученно сказал:

— Как же это ты, Нестеров? Мениск, понимаешь, разорвал...

— Это опасно? — тревожно спросил Серега.

— Не смертельно, конечно, но придется ехать в госпиталь. Сегодня прилетают инструкторы, с этим же самолетом тебя и отправлю.

До обеда Серега пролежал в гостинице, досадливо вздыхая.

Прилетел Ил-14. Мы окружили самолет, и загоревшие густо-коричневым южным загаром летчики попадали в объятия своих летных групп. Устюжанин спустился по трапу, через черные очки удивленно посмотрел на услужливо подхватившего его чемоданчик Кузьму. Было видно, капитану приятны и встреча, и внимание — губы растягивала непроизвольная улыбка, которую он старательно гасил. Поздоровавшись, коротко спросил:

— Происшествия?

— Нестеров сломал ногу,— сказал я.

— Что-о-о? — Капитан увидел под тентом носилки с лежавшим на них Серегой, направился к нему широкими шагами. Когда я подошел, Устюжанин говорил негромко и спокойно: — Главное, не задерживайся там долго. Вернешься, перерыв в полетах ликвидируем быстро. Сейчас ребята будут летать по маршрутам, потом сложный пилотаж, в общем, до октября время еще есть.

— В конце месяца партсобрание,— напомнил Серега.— Рекомендации не пропадут?

— Нет, конечно.

Мы затащили носилки в самолет. Когда спустились по трапу на землю, Нечаев сказал окружившим его ребятам, багровея от досады:

— Дело не люкс! Такие парни раз в десять лет в

авиацию приходят... Приказываю играть в шахматы, собирать цветочки, но чтобы без травм и увечий! Я не хочу терять людей и на земле.

Вторник...

После взлета включаю часы, усаживаюсь поудобнее. Полет по маршруту. Отец показал ориентиры, радиолокационная станция исправно давала пеленги, «золотая стрелка» радиокомпаса постоянно указывала направление на аэродром.

В нашей группе по маршрутам летаем только мы с Кузьмой. О Сереге доктор сказал, что после операции ему будут противопоказаны резкие перепады давления и большие перегрузки, а в истребительной авиации без этого не обходится. Вадим еще не закончил простой пилотаж. Разбираясь в причинах такого отставания, Устюжанин порылся в своем инструкторском кондуите, и выяснилось — в последний месяц Сидоров регулярно пропускал одну-две летные смены в неделю по состоянию здоровья. Разговор с доктором ничего не прояснил — симптомов какого-то определенного заболевания нет, а простудиться и переутомиться может каждый. Вчера Отец пытался поговорить с Вадимом:

— Давай откровенно... Я не очень верю в эти «болезни». Может, ты не хочешь летать? Бывает и такое.

— Никак нет!

— Тогда в чем дело? Понимаешь, что, если так будет продолжаться и дальше, ты можешь не выполнить программу?

— Так точно!

Вадим никогда не отличался разговорчивостью, а тут заладил «так точно!» да «никак нет!», но по глазам было видно, что он испытывает неловкость, как всякий человек, еще не научившийся врать равнодушно.

— Вот и поговорили! — усмехнулся Устюжанин.— Пойми, что своей неискренностью ты меня ставишь в трудное положение. Ведь есть какая-то причина, я ее не могу увидеть, а это темным пятном лежит на моей совести.

После первого разворота облака приближаются к линии пути почти вплотную. Местность на этом участке маршрута малонаселенная, ориентиров почти нет, да и видимость плохая, поэтому для контроля поворачиваю

ручку настройки радиокомпаса. Ловлю приводную радиостанцию ближайшего аэропорта, проверяю пеленг по карте — ну, конечно, немного уклонился от курса.

Облака стремительно несутся над самолетом. Белые округлые массы приближаются медленно, потом бросаются навстречу, отчего инстинктивно хочется пригнуть голову, и проскакивают над кабиной. Дожди приблизились к линии пути, расползлись, словно прикрепленные к облакам серые полупрозрачные занавески слабо шевелились под порывами ветра. Далеко внизу медленно проплывает потемневшая от причудливых теней земля, вызывая предчувствия невидимой и непонятной еще опасности.

Впереди встает стена дождя. Обхожу ее справа. Восходящие потоки подбрасывают самолет, раскачивают с крыла на крыло. Вокруг тяжело сталкиваются бесформенные массы облаков, перетекают друг в друга, сливаясь в сплошное клубящееся месиво, и смыкаются вокруг самолета. В кабине темнеет. Упираюсь ногами в педали и вывожу обороты двигателя на «максимал». Машину трясет, шипит разбивающийся о кабину дождь.

Солнце бьет по глазам неожиданно, играет на фонаре огненными сполохами. Небо впереди чистое, безоблачное. Внизу расчерченная неровными многоугольниками полей степь. По блестящей проволоке железной дороги гусеницей ползет зеленый пассажирский поезд...

Среда...

Вчера я сбился с курса и на «максимале» проскочил второй поворот километров на пятнадцать. Тюрин вызвал меня на вышку СКП, неодобрительно высказался о моих летных качествах и упек в наряд под грибок.

Луны нет, темень как в желудке, настроение соответственное. Я уже два раза вдоль и поперек обошел спящий лагерь. Вдруг почудились торопливые, но осторожные шаги. Я замер с открытым ртом: кто-то приближался к гостинице.

Изучая устав караульной службы на курсе молодого бойца, от командира взвода мы слышали истории о нападении на часовых и кознях диверсантов. Вывести из строя эскадрилью курсантов — значит лишить ВВС будущих летчиков, а это уже серьезно, я осторожно отомкнул на карабине штык и почти на цыпочках пошел на

звук шагов. Если брать гада, то живым! Стена гостиницы побелена, и, когда на светлом фоне показалась крадущаяся тень, я грозно приказал:

— Стой, кто идет!

Тень метнулась в сторону, в темноте послышался громкий топот; казалось, что бежали несколько человек. Можно было, конечно, броситься за ними вдогонку, но я поступил как положено по уставу.

— Тревога! — И заколотил прикладом в рельс.— Тревога!

В гостинице зажегся свет, замигали окна в офицерских домиках. Курсанты и солдаты-механики выскакивали из бараков при оружии и с противогазами через плечо, становились в строй и ждали указаний, летчики и техники бежали на стоянку самолетов. Тюрин в кожаной куртке, надетой на голое тело, зычным голосом отдавал команды. Подбежал ко мне с проворством, необычным для его крупного тела:

— Хватит бренчать! В чем дело?

Я объяснил: нападение, человек пять, скрылись в подсолнухах. Дальше все пошло как по нотам. Курсанты и солдаты-механики бросились ловить диверсантов. Через несколько минут к крутившему ручку полевого телефона Тюрину подбежал курсант Князев. Приложил руку к пилотке, глянул на меня — я стоял с видом сделавшего полезное дело человека — и вдруг неудержимо засмеялся:

— Поймали! Это Бабенко из самохода вернулся...

Глаза у Тюрина стали как у Ивана Грозного, убивающего своего сына. Багровея лицом, он пуганул меня крепким словом.

— Икару за самоволку трое суток ареста, командиру звена выговор, инструктору строгий,— успокаиваясь, сказал Тюрин.

— Когда отправлять Бабенко в полк? — спросил Павлов.

— Зачем? — удивился комэск.

— В лагере нет гауптвахты.

— Отставить трое суток! Пять нарядов на кухню. — Тюрин направился к штабу, на полпути остановился и указал на меня пальцем.— Маркову за бдительность — благодарность, но под грибок его больше не ставить. Тоже на кухню... За поспешные действия в аварийной ситуации!

Часть 4

АВГУСТ

Начался сложный пилотаж. После полетов мы возвращались в гостиницу без обычного веселого шума: каждый элемент пилотажа давался с трудом, перед глазами менялись местами земля и небо, на штопорах к горлу подступала тошнота, на вертикальных фигурах перегрузка вдавливала тело в подушку парашюта.

В первом же контрольном полете Устюжанин едва заметным движением ручки управления выполнил бочку, я лихо повторил это движение, но самолет полтора раза крутанулся вокруг продольной оси и завис вверх колесами — получилась кадушка. Эта на первый взгляд несложная фигура оказалась для меня самой коварной: так расшатывала вестибулярный аппарат, что в квадрат после полета возвращался с голубой физиономией.

В полетах на простой пилотаж капитан не торопил, а сейчас не давал терять и минуты — по пути в зону выполнялись бочки, в зоне сразу же комплексы: переворот — петля — полупетля, набирали высоту боевыми разворотами и падали вниз штопорами. На земле, выбравшись из кабины, я некоторое время ждал, что вот-вот горизонт перевернется и перегрузка наполнит тело свинцовой тяжестью.

Теоретической подготовки к полетам уже не хватало, и в свободное время мы прыгали на батутах, крутились на лопингах, в колесах. Проходил день за днем, задания усложнялись, но клеточки на эскадрильском планеграфике в графе «Сложный пилотаж» стали закрашиваться и красным цветом. Первым самостоятельно пошел в зону Коля Бабенко, за ним и другие ребята.

Пошел самостоятельно на «сложняк» и я. Правда, в первых полетах еще не было уверенной легкости в пилотировании, летный хлеб собирался по зернам, и песни полета пока не получалось.

Вторник...

Открылась дверь, дневальный из-под грибка крикнул:

— Марков, на выход! Невеста ждет...

Я, конечно, сразу подумал о Лене. Но когда подбежал к беседке, на которую указал дневальный, увидел порывисто шагнувшую навстречу Марину. Она вытяну-

ла вперед руки, словно хотела на ощупь удостовериться, что пришел именно я.

— Сегодня видела, как в небе кувыркаются ваши самолеты, вверх-вниз и по-всякому... Красиво и занятно, но как-то страшно, вот-вот сорвется... Глупости, конечно, но увидела тебя и успокоилась.

Она еще что-то говорила, но я не слушал. У нее смуглое лицо, тонкие правильные черты. Красивое оно, пожалуй, только с моей точки зрения. Но взволновала сейчас не ее внешняя привлекательность, а тревога и радость, искренние чувства, вызванные не симпатией и любовным воркованием,— для этого мы слишком мало знакомы, и во мне рождалось неизвестное ощущение душевной, что ли, близости в отношениях, при которой можно быть предельно откровенным, не стесняться переживаний, не бояться быть непонятным.

— Я пойду? — полуутвердительно спросила Марина.

— Подожди.

Я только сейчас заметил, что мимо беседки подозрительно часто проходят мои однополчане с деланно-безразличным выражением на физиономиях, не удержался даже женатик Журавлев — и этот косит глазами от любопытства.

Мы вышли из беседки, когда парад закончился. Но в этот момент из штаба вышел Устюжанин. Посмотрел на Марину, усмехнулся и махнул рукой: «Иди провожай...»

До станции шли молча. Жестко шелестели листья созревающего подсолнечника, черные, в желтом обрамлении головки слабо покачивались, словно соглашались с чем-то. Или корили: при выполнении пилотажа я иногда опускался над степными дорогами, с глупым тщеславием наблюдая, как в кузовах машин начинали махать платками женщины. Видимо, серьезность и ответственность тоже надо воспитывать...

В нашем городке неестественно тихо. Обычно над спортплощадкой до темноты летают мячи, в гостинице играет музыка, а сейчас ребята сидят в курилке. Из крайней от дорожки беседки меня окликнул Витек Семин:

— Леха, заруливай...— В сумерках вспыхнул огонек сигареты.— Видел я твою подругу. Такой ананас — в глуши, во мраке заточенья! — Витек хохмил, но без

обычной бесшабашности. — А я из-за этого «шерше ля фам» сижу в глубокой луже.

— Не понял.

— Дугин сегодня подал рапорт с просьбой отстранить от полетов.

— Ты откуда знаешь?

— На писаре вся, можно сказать, канцелярская работа держится.— Витек заговорил серьезно: — Дугин написал, что на сложном пилотаже не ручается, дескать, за безопасность курсантов. Пошел ва-банк, после такого рапорта никто не заставит его работать инструктором. В этом вся соль. А я, пардон, уши развесил: на собственной машине ездить некогда, нет времени на личную жизнь. Кто знает, если бы я попал к другому летчику, сейчас летал бы вместе с вами, а не болтался за бортом.

Перед ужином Витек переписывал в штабе какие-то бумажки. Зашел Дугин и сказал Павлову, что отнес рапорт комэска. Начальник штаба медленно разорвал сигарету, после долгого молчания спросил:

— А если тебя вообще спишут с летной работы?

— Вряд ли... Я годен без ограничений. В крайнем случае демобилизуюсь и пойду в гражданскую авиацию на какой-нибудь Ил-62.

— Думаешь, тебя там очень ждут?

— Шуток не понимаешь? — невесело усмехнулся Дугин.— Но и здесь я больше не останусь. Ребята из нашего выпуска в боевых полках давно стали командирами звеньев, а нам «на себя» полетать некогда.

— Но ты хорошо учил летать!

— Мне этого мало — пилить рядовым шкрабом.— Последнее слово он произнес как ругательство.— Бабенко своей самоволкой надолго испортил мне жизнь. В принципе дело ясное: личная недисциплинированность, но ты знаешь, что такие выходки не обходятся без нервотрепки и соответствующих выводов начальства о деловых качествах инструктора.

— Не пойму я тебя в последнее время,— собирая рассыпавшийся по столу табак, вздохнул Павлов.— То в боевой полк рвешься, то говоришь о продвижении по службе, психуешь, мечешься. Здорово изменился после женитьбы.

— Может быть... Семья не последнее в нашей жизни дело. Жена в городе с ума сходит, для полного счастья ей необходимо, чтобы я был рядом. Куда ни кинь, вез-

де клин! Ладно... Дождусь приказа, а там посмотрим, в какую сторону судьба повернется.

Среда...

Парковый день. С утра осматривали, мыли и приводили в порядок самолеты. Кузьма копался в кабине — пылесосом очищал ее от пыли, я керосином смывал с фюзеляжа масляные пятна, потеки гидросмеси. Устюжанин на расстеленном возле самолета брезентовом чехле от фонаря что-то писал в своем инструкторском кондуите.

— Сидоров! — позвал капитан.

— Нет его здесь,— сказал я.

— Найти немедленно!

— От вин дэ! — Копавшийся в двигателе Петрович указал отверткой на спортплощадку.— Солнечные ванны принимает.

По лицу Устюжанина пошли красные пятна. Он направился на спортплощадку, но на полпути повернул и пошел в штаб эскадрильи. Мы с Кузьмой подошли к батуту, провисшая сетка скрывала Вадима. Накрыв лицо пилоткой, он спал.

«Болезни» Вадима начались после попадания птицы в двигатель, и можно предположить, что он тогда испугался, хотел сам справиться со страхом или понадеялся на время — уже неважно. Этот страх незаметно подсказал выход: отстать от группы и быть «законно» отчисленным по летной неуспеваемости. Это, конечно, предположение, доказать его невозможно, а признания не добиться — кто в таком сознается!

Перед началом предварительной подготовки в беседке было тихо. Мы ждали, что Вадим что-нибудь скажет в свое оправдание, но он листал свою летную книжку и угрюмо отмалчивался.

Устюжанин подошел с загоревшимися еще возле самолета пятнами на скулах. Поправил черные очки и сказал высоким от волнения голосом:

— Курсант Сидоров! С сегодняшнего дня летать с вами я не буду. Могу понять и простить все, кроме нечестности, потому что за ней идут подлость и предательство. — Он полистал свой инструкторский кондуит, ткнул пальцем в записи и хотел что-то сказать, но, видимо, передумал. — Командиру звена о своем решении я сообщил. Готовиться к полетам будешь в моей летной группе, летать с Нечаевым.

Четверг...

Большая черная туча, зловеще подмаргивая далекими молниями, за каких-то полчаса закрыла весь северо-запад и быстро наползала на аэродром. Видимо, сверху она выглядела еще непривлекательнее, и поэтому никто не «затягивал» круг, чтобы побыть в воздухе лишнюю минуту, на третьем развороте не было обычного скопления самолетов.

Туча закрыла солнце. Разбежались по норам привыкшие к аэродромному шуму суслики, в подсолнечнике стихла невидимая живность, душное напряжение усилилось глухими раскатами грома и ревом заруливающих на стоянку самолетов.

Я пришел в квадрат, когда туча закрыла почти все небо, оставив голубую полоску на юго-востоке. Из селектора доносился бас комэска и голос Устюжанина, который выполнял полет по маршруту «на себя», прихватив в заднюю пустующую кабину Кузьму. Приказ о возвращении на аэродром застал капитана в доброй сотне километров, и время от времени слышались его доклады: «Удаление тридцать... Двадцать... Прошу вход в круг...»

Белая полоска самолета была на траверзе полосы, когда под порывами ветра зашелестел подсолнечник, поднялась пыль с песком и мелкими камушками, хлестко ударившими по брезенту тента. Я выглянул наружу: по стоянке, по полосе, по всей степи катились огромные пыльные облака. Это желто-серое месиво на миг разорвалось, и я увидел планирующий на полосу самолетик, хрупкий и жалкий на фоне освещаемой изнутри молниями тучи, шум его двигателя заглушил свист ветра и раскаты грома, словно вверху кто-то перекатывал гигантские пустые бочки.

— Молодец, хорошо идешь! — Тюрин уговаривал Устюжанина, как курсанта при первой самостоятельной посадке. — Спокойнее... Теперь выравнивай!

Как приземлился самолет, я не видел: квадрат накрыла пыльная кудрявая круговерть. По тенту барабанной дробью ударили крупные тяжелые капли, на землю они падали беззвучно, поднимая желтые фонтанчики пыли. Молния пополам раскроила небо, оглушительно рявкнул гром, и дождь сразу же превратился в сплошную серую стену. Вода с шипением скатывалась с тента, собиралась в покрытые пузырями лужи и сбегала в низинки мутными пенящимися потоками.

В детстве я любил бегать под грозовыми тучами, ожидая вспышки молнии и оглушительного небесного грохота. Но такой грозы, как сегодня, я еще не видел: почти в полной темноте молнии сливались в долгие нервные вспышки, фантастической мощности электросварка скрепляла расколотую громом тучу. Степь превратилась в сплошной водный поток, ветер задувал под тент мокрую пыль, хлопал краем брезента, будто большая невидимая птица била мокрыми крыльями, пытаясь взлететь.

В столовой, за обедом, Кузьма хорохорился, вспоминая: плотная серая мгла накрыла самолет в центре полосы, дождь растекся по фонарю тонкой пленкой, и пространство за ним расплылось, призрачно изогнулось. Вода попала в воздухозаборники, двигатель недовольно заурчал, пришлось его выключить и переждать грозу посреди аэродрома.

Эта проклятая туча вспухла справа от маршрута и за каких-то десять минут закрыла полнеба. В наушниках затрещало, судорожно задергалась стрелка радиокомпаса, от фюзеляжа по крыльям побежали короткие гибкие молнии и, стекая по разрядникам, потянулись за консолями тонкими светящимися шнурками.

Драпали от тучи на предельной скорости. Как Устюжанин посадил самолет, Кузьма не понял: в желто-серой мгле он ничего не видел. Уже на полосе, когда над головой оглушительно откашливался гром, а ветер раскачивал машину так, словно хотел свалить ее, капитан объяснил: в пыльном облаке на минуту образовалось «окно», в него и вписались.

— А если бы «окна» не было? — спросил Кузьма.

— Плохо знаешь меры безопасности, курсант! — сказал Устюжанин. — Пошли бы на запасной аэродром. В полк. Сейчас не торчал бы в центре полосы, позвонил домой, поговорил с дочкой... Три года ей, только-только соображать начинает, интересно! — Над фонарем синим огнем полыхнула молния. Капитан помолчал и задумчиво произнес: — Ох, не ко времени эта гроза... Положит хлеб, убирать его будет трудно. У меня ведь отец крестьянин, а я, естественно, крестьянский сын. Знаю, как этот хлеб достается!

День авиации

Перед началом полетов Тюрин поздравил эскад-

рилью с праздником, и на этом торжества закончились. После обеда на весь лагерь гремел из репродуктора авиационный марш: «Все выше, и выше, и выше...» По телевизору показывали развеселых эстрадных пилотов и стройных стюардесс во всех возможных ракурсах.

Потом в гостиницу пришел начальник штаба и сообщил, что сельчане решили отпраздновать День авиации вместе с нами, приурочив к этому празднику какое-то местное торжество. За утюгом — гладить провисевшие все лето в каптерке парадные мундиры — моментально выстроилась очередь.

Я выгладил брюки до жестяной твердости, до зеркального блеска надраил ботинки, и пока наводил лоск, душа пела в полный голос, чувствуя предстоящую встречу с Мариной. Но перед отъездом на станцию Устюжанин подал мне красную повязку с надписью: «Патруль»...

На станции ребят сразу же завели в Дом культуры, и, медленно шагая рядом с молчавшим капитаном, я оценил временное преимущество патрулирования, освободившее от необходимости сидеть в душном зале.

Площадь чисто выметена. Возле трибуны грузовик с опущенными и обтянутыми красным материалом бортами, что-то вроде сцены на колесах. С аэродрома приехали два прожектора, возле одного инженер эскадрильи показывал солдатам-механикам, как надо обращаться с ракетницами, — намечался праздничный фейерверк. По площади парами и группами прогуливались девушки, в праздничные дни они почему-то симпатичнее, чем в будни...

В кафе-стекляшке за деревьями парка обветренные мужские голоса нестройно выводили: «Обнимая небо крепкими руками...», — хотя никакого отношения к авиации, конечно, не имели. Вдоль ограды парка навстречу нам шла девушка в белом платье. Проклятые сумерки! Из-за них я узнал Марину только тогда, когда она сдержанным кивком поздоровалась с нами и прошла мимо. Не удержавшись, я посмотрел ей вслед. Убежден, что она почувствовала мой взгляд: спина под белым платьем немного напряглась, но есть у девчонок такая странность — ни за что не оглянутся, если знают, что вслед им смотрят. Устюжанин проследил за моим взглядом, понимающе улыбнулся.

Мое дежурство закончилось, когда ребята вышли из Дома культуры. В потемневшем небе загорались первые звезды. Отдал повязку Кузьме и нырнул в толпу на площади, отыскивая знакомое белое платье. Тут включились прожекторы, и столбы ослепительного белого света минуту неподвижно подпирали чернильное небо, потом наклонились, задвигались, высвечивая поднятые вверх изумленные лица. В парке дружно бабахнул залп. В рассеченное прожекторами пространство взлетели разноцветные ракеты, раскрасили лица в сине-желто-красные оттенки. Залп! Еще залп!

Досадуя на ослепительный свет прожекторов, я пробирался от одного светлого платья к другому. Наконец увидел Марину. Она запрокинула голову и широко раскрытыми глазами смотрела на рассыпавшиеся цветными искрами бутоны огня над площадью. Очередной залп с треском распорол воздух, и я словно только сейчас увидел ракеты в изрешеченном звездами небе, услыхал восторженно-радостный гам вокруг.

Фейерверк закончился неожиданно, как и начался. Некоторое время в тишине лучи прожекторов метались над площадью, потом заиграл расположившийся в кузове духовой оркестр. Начались танцы...

Гремела усиленная репродукторами музыка, но я почти не слышал ее — все заглушал стук ставшего неимоверно большим сердца, частившего от близости смуглого девичьего лица, предназначенных только мне взглядов черных глаз, каких-то ничего не значащих и в то же время полных недосказанного смысла слов.

Очнулся от голоса Князева: «Эскадрилья, строиться!..» — но уходить не хотелось. Оглядывался на выбиравшихся из толпы ребят, экономил минуты, пока Марина не сказала:

— Иди же! Опоздаешь, завтра не отпустят.

— А ты хочешь, чтобы я пришел?

— Ну неужели не понятно?

В кузове рычавшего мотором «Урала» ребята весело горланили прерывающуюся на ухабах песню. Я сидел возле кабины. Прохладный ветер сдувал недавнюю взволнованность, в очистившуюся голову полезли непрошеные мысли о Лене. Попытался убедить себя, что отношение к ней осталось прежним, а Марина просто... просто хорошая знакомая. Но чувствовал, что убеждаю себя неуверенно и нечестно.

Воскресенье...

Марина вышла на крыльцо, как только я подошел к зеленой калитке ее дома. В джинсах, в светлой приталенной блузке. Поздоровалась и спросила:

— Думаешь, куда мы можем пойти?

— Точно! У тебя глаза как у гадалки.

— Глаза?.. Просто я сама все утро об этом думала. — Она смутилась и посмотрела под ноги. — Здесь не город, завтра все будут знать о каждом нашем шаге, разговоров хватит на год.

— Странные люди! И как ты жила здесь раньше?

— Раньше я не дружила с залетавшими сюда летчиками, — пояснила она и обрадованно хлопнула в ладоши. — Придумала! Сейчас мы сядем на поезд, выйдем на незнакомой станции...

В вагоне было шумно, душно, где-то плакал ребенок. На столиках звенели бутылки, кроваво алели помидоры, лежали распятые цыплята. Перестукивали на стыках рельсов колеса, мимо окна мелькали перечеркнутые шлагбаумами разъезды, вдали медленно плыла желтая от знойного марева степь.

Вышли на первой станции. Между телег и дощатых рядов доживал последние часы небольшой базарчик, пахло конским потом, малосольными огурцами, яблоками. За площадью поселок из кирпичных трехэтажных домов, видимо, недавно выстроенный, — по обочинам улицы стоят только молодые деревца. Ветерок гоняет по дороге едва заметный сухой пыльный дымок, окна в домах от сухой жары наглухо занавешены.

Желтый песок на берегу речки усыпан загорающими, вода кипит от множества тел. В тени раскидистой ивы модерновый, как в городе, газетный киоск. Подбегает мокрая девчонка в рыжем купальничке и, открывая дверь, тараторит:

— Покупателей нет, решила искупаться. Нашли место, где точку ставить, — выручки никакой, а вчера в нагрузку книг дали, кто здесь будет читать «Элегии» Баратынского?

— Покажите, — просит Марина.

Девчонка подает ей толстую серую книгу. Получает деньги и, закрывая киоск, с пренебрежительной гримаской говорит, явно кому-то подражая, — выговаривала слова старательно, как малознакомые:

— Сентиментально-романтический жанр. Поэтический атавизм.

Марина, провожая ее глазами, говорит:

— Сентиментальность не слезливое умиление, а душевная радость. Насмешничают над этим только черствые люди, которые сами не способны удивляться и сострадать.

Я отношусь к сентиментальности, как и положено мужчине, с иронией, но спорить не хочу и торопливо соглашаюсь.

— Да... Это чисто женское чувство.

— Почему?

— Мужчины выдумывают законы, женщины формируют взгляды.

— Это ты сам придумал?

— Где-то прочитал. А что, неправильно?

— В общем-то правильно. Есть мужской и женский варианты жизненной философии: для вас главным в жизни может быть цель, а мы живем больше чувствами, чем разумом. Наверное, потому, что природа несправедливо распределила между нами родительские обязанности — одарила женщин вечными заботами о детях, и при всей современной эмансипированности мы чувствительнее к теплу в отношениях.

Я, естественно, знал, что люди размножаются не делением, но никогда не думал о том, что у меня когда-то будут дети, ко всем уже имеющимся обязанностям прибавятся еще и родительские. До сих пор жизнь давала обилие не всегда осмысленных впечатлений, любовь воспринималась томительными предчувствиями и тайной интимных ощущений, но какими словами ни приукрашивай это чувство, его природное предназначение все-таки — объединение двух людей в семью. Невелико открытие, но, видимо, эти варианты жизненной философии здорово отличаются друг от друга, если Марина уже сейчас вполне отчетливо представляет себе будущие заботы...

— Ты не согласен? — спрашивает она.

— Не знаю. Трудно спорить с красивыми девушками. Идем купаться!

Марина покраснела от смущения и удовольствия, но от купания отказалась, и мы пошли обратно, к вокзалу. Но в нужную сторону поезда до вечера не ходили. Бесцельно пробродив по пустым и жарким улицам поселка, вышли на окраину. Впереди карьер, похожий на гигантскую миску, один край которой врезался в высокий берег, другой спустился к воде.

На дне возле песчаных холмов стоят бульдозеры, замер экскаватор. От тихого шелеста осыпающегося с холмов песка таинственно и чуть жутковато, будто кто-то невидимый идет за нами, выжидает, подкрадывается. Воздух в котловане сухой, неподвижный, горячий; лишенный зелени пейзаж напоминает цветные картинки лунной поверхности. Оборачиваюсь, желая сказать об этом Марине, но ее нет. Зову. «А-а-а!..» — бьется о стены карьера эхо. Следов на песке не остается, и я ищу девушку между холмами, пробую бежать, да ноги вязнут, словно невидимые руки хватают за подошвы сапог.

Лезу на самый высокий холм, песок осыпается, обваливается, но я снова и снова карабкаюсь по сыпучему склону. Открыв оскаленную блестящими зубами пасть ковша, беззвучно хохочет железный динозавр-экскаватор...

Сползаю со склона и тут вижу Марину: она смеется, всплескивая руками. Расслабленно улыбаясь, смотрю на ее смеющийся рот, зажмуренные от солнца глаза. Она с игривой порывистостью толкает меня в плечо и, поддразнивающе оглядываясь, бежит к реке...

Где-то в далеком солнечном мареве остались станция, уставный лагерный порядок, аэродром с самолетами, а по горячему сыпучему песку в жарком опьяняющем упоении бегали и дурачились просто «Он» и просто «Она», счастливые от переполнявших их сил и радостного возбуждения, словно сама природа играла мужским и женским началом в вечную игру пробуждения чувств.

Потом я купался. Вышел на берег и спросил:

— А чего это ты сегодня воды боишься?

— Не боюсь. Я... Я не одета.

— Совсем? — уточняю я с фальшивой наивностью.

— Да ну тебя! Не для купания.

— Ладно, иди... — решительно говорю я. — Смотреть не буду.

Опускаюсь на песок и поворачиваюсь спиной к воде. Сначала сзади стоит томительная тишина. Потом неуверенно шуршит ткань, что-то приглушенно щелкает, и слышатся удаляющиеся шаги, плеск воды. Я смотрю на лунный карьерный пейзаж, а плеск сзади становится громче и громче, будто кто-то увеличивает громкость в невидимом приемнике. Не выдержав, чуть поворачиваю голову и вижу лежащие на песке джинсы, блузку, из-

под блузки выглядывает тонкая бретелька и полоска материи с пластмассовой пряжечкой.

Кажется, солнце сфокусировало на мне все лучи. В висках застучало, словно в них кто-то вколачивает гвозди. Чтобы отвлечься, наугад раскрываю книгу.

Легко возлегшая на волны,
Легко скользит по ним она;
Роскошно пенясь, перси полны
Лобзает жадная волна...

Плеск сзади прекращается. Слышу приближающиеся шаги. Песок хрустит, как сухой валежник, потом шуршит одежда, тоже громко, как жестяная...

Марина садится рядом и, заплетая распустившуюся косу, смотрит на меня смеющимися глазами, в глубине которых все же таятся остатки смущения. Чужим, охрипшим голосом говорю:

— Смелая ты... А я ведь запросто мог оглянуться.

Она густо краснеет, но убежденно произносит:

— Не мог!

...Обшарпанный вагон какого-то кургузого состава, развозившего по станциям железнодорожных рабочих в оранжевых жилетах. Пустое купе. По стенам бегают отблески скатившегося к горизонту солнца. Вагон медленно заполняется прохладной полутьмой. Перестук колес и слабое покачивание успокаивают, умиротворяют, думать ни о чем не хочется — хорошо только оттого, что Марина сидит рядом, устало опустив голову мне на плечо. Она коротко вздыхает, и ее смуглое лицо приближается к моему лицу, как при замедленной киносъемке, теплые губы податливо приоткрываются...

Среда...

Почтальон пришел в гостиницу, когда эскадрилья собиралась на полеты. Костя Журавлев развернул телеграмму и растерянно посмотрел на ребят:

— Через полтора часа приезжает Зоя, я ее даже встретить не могу. Что же делать? Пойду к командиру, пусть отстраняет от полетов!

— Не дури! — натягивая комбинезон, сказал Князев. — Лешка в наряде, сейчас свободен. Встретит и определит в Дом колхозника, все чин чинарем!

Поезда стояли на станции минуты по три, но этого вполне хватало: отъезжающие успевали забросить в вагоны вещи. Приезжих было немного, и я сразу заметил среди них Зою, уже знакомую со слов Журавлева.

Костя — парень могучий, сапоги сорок последнего размера, гимнастеркой можно зачехлить самолет, ручищами подковы гнуть. После контрольных полетов на сложный пилотаж Дугин жаловался инструкторам:

— Мотаюсь на ручке как привязанный, этот гигант мною борты в кабине побил. На петлю идет с перегрузкой восемь, у меня голова в желудок проваливается, а ему хоть бы что!

Зоя под стать мужу: крупная, с крепкой высокой грудью, на тугих щеках яркий румянец. Костя — комсорг эскадрильи и человек серьезный. А вот Зоя оказалась подвижной, веселой, за стеклами очков смешливо блестят живые карие глаза. Она сразу стала называть меня Алешечкой, восторженно и беспричинно радовалась пролетавшим над станцией самолетам, пыльной площади, тощему чучелу медведя в вестибюльчике Дома колхозника.

В маленьком солнечном номере захлопала в ладоши: «Какая прелесть!» — и закружилась вокруг стола. Сбросила жакет, осталась в брюках и тесной трикотажной кофточке. Подошла к зеркалу и стала кокетливо поправлять волосы, советуясь, со мной, как с подружкой:

— Так ему понравится? Или так лучше? — Она спрашивала озорно и настойчиво. — Алешечка, теперь я красивая?

— «И чувств изнеженных отрада, духи в граненом хрустале...» — ввернул я что-то вроде комплимента и накрыл ладонью глаза, изображая ослепление.

— Ведь известно, что врешь, а все равно верю каждому слову, — воркующе рассмеялась Зоя и кинулась открывать чемодан. — Сейчас я тебя пирожками угощу. Сама пекла для Костьки, он любит, они еще не зачерствели, в вагоне я проверяла.

В ее суетливости мне почудилось что-то материнское, заботливое, захотелось домашних пирожков, но подумал, что Костька за долгие разговоры с его женой может один раз угостить меня кулаком по лбу — другого не потребуется.

— Спасибо, я обедал. Все! Жди... Костя отработает, прибежит.

— Отработает? — выкладывая из чемодана на стол какие-то свертки, удивленно переспросила она. — Полеты — работа? Это же... это... — Не находя слов, широко развела руками.

Я все-таки уточнил:

— Работа, как все остальные.

— И все-таки особенная. — Зоя выпрямилась, сняла очки, глаза ее близоруко прищурились, стали беспомощными. — Костя пишет мне о каждом вашем дне. Ведь я жена... — Она слабо улыбнулась. — Правда, до сих пор не знаю, что это такое. Мы так редко видимся! Но ведь это больше, чем просто любимая?

Я не знал. Но этой юной женщине нужен был только положительный ответ, только подтверждение, что со званием «жена» она стала дороже и нужнее своему Костьке.

Журавлев прибежал в гостиницу за два часа до окончания полетов, отпросился у комэска. Пока он торопливо переодевался, я, не сдержавшись, спросил, о чем писал он каждый день жене.

— Обо всем! Об осколках на полосе, о танкистах на площади. — Костя застегнул пряжку ремня, согнал за спину складки. — Она должна знать не только о том, где я был, что видел, что делал, но и о чем думал, что чувствовал и пережил. Без откровения люди становятся неинтересными друг другу, плоскими — как на плакатах.

Пятница...

Марина уезжала ночью, в час десять. Эскадрилья летала в первую смену, и после предварительной подготовки я отпросился у Устюжанина попрощаться с товарищем.

— Товарищ-то в белом платье? — уточнил капитан.

— Так точно!

По дороге на станцию я мучительно придумывал, что сказать Марине. В последние вечера она приходила к лагерю, я провожал ее, говорили обо всем на свете, только не о своих отношениях — тут все было так понятно, что слов не требовалось; и так неясно, что никто не решался затрагивать эту тему первым. Впрочем, с ее стороны все было откровенно, искренне, решено, и, видимо, только женская гордость удерживала от объяснений, а на моей совести темными пятнами лежали письма от Лены. Разделить бы этих девчонок на время и расстояние, помножить частное на собственные чувства, но не помогает тут ни арифметика, ни вся высшая математика на свете!

Марина вышла на крыльцо дома, как только я подошел к знакомой зеленой калитке. Она была в каком-то домашнем платьице, не закрывавшем смуглых коленей.

Обрадовалась, конечно, но сказала, что ждала меня вечером.

— В восемь часов отбой, — объяснил я.

— На будущее лето приедешь?

— Нет. Придется летать в другом полку.

— Далеко отсюда?

— Я тебе все напишу. Дай мне свой ростовский адрес.

Она продиктовала. Я записал.

Возвращался в лагерь с чувством тоскливой неудовлетворенности.

— Леша, подожди! — окликнул меня возле казармы Виктор Семин. — Помоги чемодан до самолета дотащить. Только в песне поется, что все имущество солдата вмещается в вещевой мешок, а на самом деле...

Я поднял чемодан. Витек набросил на плечо свернутую в скатку шинель, подхватил туго набитый вещмешок.

— Тьма новостей! — говорил он, торопливо шагая. — Я свое отслужил. Из полка пришел приказ — Дугин должен завтра прибыть на ковер к начальнику училища...

Возле вышки СКП стоял Ил-14, механики выгружали из него ящики с самолетными двигателями. Подошел Дугин, поставил на землю чемоданчик, неторопливо закурил. Виктор гоношился, обнимал Колю Бабенко — были в одной группе все-таки, но за развязной веселостью чувствовалась растерянность. Мне казалось, что он мучительно ждет, когда кто-нибудь скажет давно ожидаемые им слова, ребята хлопали его по плечам, тоже подпускали юмору, но слова только подчеркивали плохо скрытое сочувствие.

Дугин бросил сигарету, тщательно растер ее ногой, будто не хотел ничего оставлять после себя на этой выжженной солнцем и двигателями земле. Протяжно вздохнул и направился к трапу Ила.

После отбоя натягиваю на голову одеяло, часто смотрю на часы, но время тянется медленно. Циферблат со светящимися стрелками раздваивается, превращаясь в вопросительные, зовущие черные глаза, и спать или думать о чем-то другом у меня просто нет сил.

В половине первого сбрасываю с себя одеяло, сажусь на кровати, прислушиваюсь. Гостиница спит. Тишина режет уши. Одеваюсь мгновенно, определенные уставом на подъем сорок секунд сейчас кажутся вечностью.

Еще через мгновение гостиница остается в темноте, а впереди светятся огни станции.

Вбегаю на перрон, какие-то люди испуганно шарахаются в стороны. Марина стоит в дверях предпоследнего вагона. Хочет выйти, но поезд медленно трогается. Она улыбается:

— Я чувствовала, что ты придешь!..

По двигающимся губам понимаю — она говорит еще что-то очень важное для нас обоих, но ничего не слышу. Все как под водой: замедленно, плавно, невесомо. Я невольно жду появления какого-то прозрения, полного глубокого смысла, но перрон заканчивается, мимо грохочет последний вагон, и сигнальный фонарь уходящего поезда прощально мигает среди россыпи разноцветных огней на путях.

Возвращаясь в лагерь, стараюсь не думать о том, что, если «самоход» обнаружат, от Тюрина до конца программы придется выслушивать нотации о процессах возбуждения и торможения, подкрепленные соответствующими определениями. На душе легко и чуть печально от открытия: любовь и доброе отношение к себе надо заслуживать каждый день, иначе становимся ненужными друг другу.

— Марков!

Голос Устюжанина доносится из ближайшей от дорожки беседки. Захожу, молча усаживаюсь на краешек лавки — оправдываться бессмысленно.

— Проводил? — спокойно спрашивает он, когда молчание становится невыносимым. — Любовь хоть и прекрасная, но часть жизни. А еще есть совесть — количество усвоенных истин, принципов и способность оценивать свои поступки. От полетов я тебя уже отстранил, плановая таблица переделана.

— Знали, что убегу? — вырывается у меня.

— Но не думал, что продержишься до половины первого.

— Почему же не задержали?

— Не знаю. Вообще-то хотел... — Отец усмехается. — Знаешь, почему старые люди сожалеют о прошедшей молодости? Все мы живем ограниченным количеством чувств, в твоем возрасте они открываются. Как неизвестные острова. — Устюжанин встает, направляется к выходу из беседки, но останавливается. — За этот «самоход» надо бы припаять тебе пару нарядов, да от наказаний еще никто не стал лучше. Иди спать, профессор!

Часть 5

СЕНТЯБРЬ

Начались полеты на групповую слетанность. У нас в истребительной авиации строем летают на боевые задания, чтобы ведомый мог прикрыть «хвост» командира. Теоретически все просто: уравнивай скорость и точно выполняй маневры ведущего. Но болтанка и еще масса непредвиденных причин подбрасывают или подталкивают твою машину, отчего самолет ведущего перед глазами взмывает, удаляется или приближается настолько, что можно считать заклепки на его борту.

После контрольных полетов я полетел в зону в паре с командиром звена. По пути немного отстал, добавил оборотов и... обогнал Нечаева. Чтобы быстрее исправить досадную оплошность, развернулся «вокруг хвоста» и начал пристраиваться, но опять не рассчитал.

Нечаев летел равномерно и прямолинейно, но, когда я проскочил у него справа налево под брюхом и, едва не сбив крылом кабину, завис сверху, майору отказало железное самообладание, он занервничал — дальнейший полет был похож на броуновское движение двух молекул. Что-то неразборчиво выкрикивая в эфир, он носился по зоне, меняя высоту, скорость и направление. Я преследовал его с упорством охотничьей собаки. Закончился полет, когда я шел лбом в борт Нечаева, — он ловко увернулся переворотом и, используя естественные выступы и впадины рельефа местности, на бреющем полете добрался до аэродрома.

Воскресенье...

Предварительная подготовка началась сегодня после обеда. Вслед за Устюжаниным в беседку вошел Нечаев, опасливо покосился на меня — ошибки в том полете от большого усердия, это понятно, но все-таки с тех пор он относится ко мне с некоторой настороженностью.

Майор взял у Вадима летную книжку, полистал ее.

— Дело не люкс, Сидоров! Из полка опять пришел запрос о твоем хроническом отставании. При максимальной нагрузке на летный день ты еще можешь догнать эскадрилью, но мне еще надо возить и ребят из группы Дугина... Давай поищем выход, а то мне придется готовить на тебя документы для отчисления по летной неуспеваемости.

Некоторое время в беседке было тихо.

— Значит, на предварительной я могу не присутствовать?

Нечаев неопределенно пожал плечами, достал коробку «Нашей марки», закурил. Вадим неторопливо, обстоятельно собрал в планшет тетради, застегнул ремешок, словно поставил точку, — кнопка громко щелкнула.

— Разрешите идти?

Майор махнул рукой и, провожая Сидорова глазами, молча барабанил пальцами по столу. Капитан порывисто шагнул к выходу из беседки, но остановился. Поправил черные очки, словно хотел вдавить их в переносицу, и с деловым спокойствием сказал:

— Ну что же... Начнем разбор вчерашних полетов. Курсантским составом допущены следующие ошибки: все рулят на повышенных скоростях; Журавлев выполнял в зоне пилотаж с выпущенным шасси; Марков забыл выпустить закрылки и садился с задранным носовым колесом; Кузьменко опять пижонил и улетал в зону без кислородной маски...

Четверг...

После полетов на групповую слетанность начались воздушные «бои». У нас в истребительной авиации это главное, для этого и учимся. Кое-что о современном воздушном бое мы уже знаем: высота до тридцати километров, скорости в два с лишним раза больше скорости звука, небо с обеих сторон от линии фронта просматривается локаторами. Радиолокационные прицелы обнаруживают цель за много километров, вместо самолета «противника» летчик видит «птичку» на экране, а при таких бешеных скоростях времени хватает на одну атаку...

Но все это будет у нас потом, в боевых полках, а сейчас и высоты пониже, и скорости поменьше. На лобовом стекле светящееся кольцо прицела, в которое надо загнать крестик самолета-цели, откинуть на ручку управления пусковую скобу — и «Огонь!». Не из настоящей пушки, конечно, из фотопулемета. Потом пленки проявляются, расшифровываются, может быть, из-за этого учебные атаки вызывали во мне только спортивный интерес.

Дни стояли еще теплые, но вечерами уже приходилось набрасывать на плечи шинель. Выгоревшее от лет-

него зноя небо опять стало ярко-синим, метеоролог давал на полеты только хорошую погоду, разведчики подтверждали: «Миллион на миллион». Исчезла приземная пыльная дымка, на проволоку железной дороги нанизались невидимые раньше разъезды и полустанки. Степь из желтой становилась бурой; стирая золото урожая, по полям ползли коробочки-комбайны, а тракторы тянули за собой черные ленты свежевспаханной земли.

Из полка пришел приказ об отчислении Сидорова. Перед отъездом он неуверенно подошел к беседке — шла предварительная подготовка.

— Товарищ капитан, разрешите обратиться? — Вадим старался выглядеть спокойно, но волнение выдавала жалкая полуулыбка. — Я знаю, что вы обо мне думаете... Но не могу. Хлебнул романтики еще в тот день, когда летели в лагерь, проклятая болтанка все кишки выкрутила. Немного привык — птица в двигатель попала! — Вадим махнул рукой и тихо сказал: — Поищу себе чего попроще. И если у меня будет сын, сошью ему фуражку с большим козырьком, чтобы на небо не заглядывался.

— «Болезни» когда придумал? — спросил Устюжанин.

— После птицы.

— Ну что же... Я тоже в тот день сплоховал. Все могло быть по-другому! За страх перед полетами не осуждаю, это бывает. Не могу простить нечестности. Прощай!

В зоне ожидания я нашел цель. Предупредил летчика, что атакую его справа сверху — так положено, положил самолет на правый борт. Контуры цели вписались в кольцо прицела, ракурс три четверти, как в учебнике...

Перехват «противника» в этом полете выполнил успешно.

Среда...

Прилетел Ил-14. По трапу спустился бледный исхудавший Серега Нестеров. После приветствий и объятий подошел к плану-графику и синим карандашом написал на полоске незакрашенных клеточек напротив своей фамилии: «Годен к нестроевой службе в военное время».

После обеда я заступил в наряд, был свободен и

хотел поговорить с Серегой, но он ушел в штаб оформлять необходимые для отъезда документы.

Вернувшись, принялся складывать в свой чемодан вещи, коротко и неохотно отвечая пришедшим с занятий ребятам: «Нет, нога не болит... Конечно, надо учиться дальше...»

Я заступил на дежурство. От грибка было видно, как Костя Журавлев фотографировал Серегу — на память. В восемь часов ребята легли спать. Я неторопливо обошел затихший в ранних осенних сумерках лагерь. Когда вернулся к грибку, стало совсем темно. Во вкопанной в курилке железной бочке горел костерок, возле него сидел Серега в шинели, рядом стоял чемодан. Увидел меня и сказал:

— Поезд через три часа. С ребятами простился, в гостинице делать нечего, на станции тоже.

Я сел напротив, поставил карабин между коленями.

— Почему не писал из госпиталя?

— О чем? После операции валялся на койке, потом на костылях прыгал... И болячка ерундовская, а всю жизнь перевернула! Сначала я здорово растерялся.

— Да тут любой растеряется, — успокоил я и некстати вспомнил: — Недавно Витек Семин прислал письмо Коле Бабенко. Пишет, что после демобилизации поедет в училище гражданской авиации.

— Меня и в ГВФ не возьмут. Пойду в МАИ.

— Правильно! Будешь каким-нибудь инженером.

— «Каким-нибудь» не хочу.

— Я имел в виду специальность.

— Все равно! После ужина я ходил к Устюжанину прощаться. Так он сказал, что человек тогда Человек, когда понимает, что не имеет права прожить жизнь напрасно. А сомнения, трудности и потери — это тоже необходимое условие существования. Нет убеждений без сомнений, борьбы без трудностей, побед без потерь. — Серега помолчал и неожиданно спросил: — Много еще осталось летать по программе?

— Не очень.

— Помнишь наш разговор в Иле? Ты тогда не мог увязать Экзюпери с воздушными боями...

— Сейчас все в порядке! У Экзюпери есть: «Ни при каких обстоятельствах в человеке не может проснуться кто-то другой, о ком он прежде не подозревал. Жить — значит медленно рождаться. Это было бы чересчур легко — брать уже готовые души».

Вторник...

Начали летать ночью, и распорядок дня вывернулся наизнанку. Взлетная полоса расцвела огнями, рулежные дорожки обозначены фиолетовыми фонарями, и если на рулении не включать фару, то кажется, что самолет катится по ограниченной световыми пятнами пустоте. Приборы светятся спокойным зеленоватым светом, красным подсвечен радиокомпас, в центре приборной доски неземным цветком обозначена шкала авиагоризонта, на плексигласе кабины выплясывает холодная разноцветная радуга. Погода испортилась, небо заволокли тяжелые осенние тучи, в темноте под ними горизонта не видно, и сразу после взлета создается впечатление, что самолет летит «вверх колесами»: разукрашенная огоньками степь похожа на звездное небо.

Отлетали круги, приступили к зонам, но приходилось довольствоваться виражами под нижней кромкой облачности.

Поглядывая на приборы, я выполняю виражи: под самолетом полторы тысячи метров, стрелки плавно двигаются по шкалам приборов, в кабине тепло, спокойно, невольно вспоминается всякая всячина...

В конце сентября заметно похолодало, с тех пор по утрам трава седеет от инея, вода в умывальнике обжигает ледяным холодом. По дощатой гостинице гуляют злые сквозняки, ночью приходится набрасывать на одеяло шинель, меховую летную куртку. Вечерами в курилке горит костер из щепочек и бумажного мусора, колышки поставленного весной заборчика по молчаливому уговору оставляются дневальным под грибком. С каждым днем заборчик становится короче, и, глядя на него, думалось, что скоро кто-то выдернет последний колышек, последний самолет зарулит на стоянку и аэродром затихнет до будущей весны. Конец летной программы чувствовался в настроении ребят, даже Князев наигрывал на гитаре что-то минорно-грустное и пел тоскливые песни.

— Выбирай высоту, — звучит в наушниках голос Устюжанина. — В облака не входи, целься в «окно»!

Выбираю в облаках разрыв покрупнее и беру ручку на себя. Тяжелая черная масса облачности медленно ползет навстречу, увеличиваясь. В выбранное «окно» самолет явно не вписывается, приходится набирать высоту спиралью.

На наземной подготовке метеоролог объяснил, что

осенью облака спокойные, но одно дело записывать в конспекте характеристики «стратус кумулюс» — облака кучевые, другое — неожиданно очутиться среди этих темных угрюмых нагромождений, в которых, кажется, затаилось что-то сильное и жестокое, выжидая момент, чтобы сбросить вниз маленькую мошку — самолет.

Пока я разбираюсь в своих чувствах — растерянность это или страх перед неизвестностью, — кабину накрывает плотная густая масса и через мгновение — ослепительный после недавней темноты свет. Сверху облака пушистые, белые и искрятся под сочным ломтем молодой луны, как свежий снег под светом уличного фонаря. На высотомере шесть с половиной тысяч метров, под крылом белая равнина, над кабиной темно-синее небо в россыпях неестественно больших и ярких звезд.

— Виражи, — говорит Устюжанин. — Крен тридцать.

На опущенном крыле холодным огнем полыхает луна, по белым сугробам облаков бежит за самолетом одетая в неяркую круглую радугу тень. Облегченно вздыхаю: наверное, над всем страшным и необъяснимым в жизни надо просто чуточку приподняться, и сверху все оказывается недостойным сильных переживаний. Минутная радость от этого открытия тотчас сменяется обидным разочарованием — метеоусловия хорошие, самолет реактивный, стоит взять ручку на себя, и он послушно выполнит команду, в любом направлении пробьет эти облака, как брошенный камень, дымок от сигареты.

Перекладываю крен, виражи сливаются в восьмерку, светящиеся неживым холодным светом стрелки приборов равнодушно указывают высоту, скорость, направление полета. Все просто, доступно, безопасно! Время романтического риска и сильных душевных потрясений ушло из авиации вместе с фанерными «ньюпорами» в стальной паутине тяг и растяжек, с полетами «по ощущениям» на плюющихся маслом моторах. Тогда почти каждый полет — шаг в неизвестное. А сейчас все пространство над планетой строго расчерчено трассами, зонами, режимами полетов, в металлических чревах самолетов работает автоматика и «думает» электроника, а мощные двигатели разгоняют летательные аппараты до огромных скоростей. Через год я буду летать на сверхзвуковом истребителе в три-четыре раза быстрее и выше, чем на этом самолетике, и, возвращаясь из стратосферы, можно будет, наверное, снисходительно улыбнуться сегодняшним переживаниям...

Впрочем, насчет «снисходительной улыбки» я малость подзагнул: все имеет начало, и без этой встречи с угрюмой неизвестностью ночных облаков невозможно подняться на новые высоты, а полеты на сверхзвуковых машинах, на космических кораблях начинаются все же вот на таких учебных самолетиках.

— На точку, Марков.

Опускаю нос самолета в пухлую вату поднявшегося навстречу облака. Луна исчезает, под крыло бьет какой-то полусонный восходящий поток. Машина несется вниз в темноте и неожиданно, как на фотобумаге в проявителе, появляется земля: огоньки деревень, цепочки фар на дорогах, весело мигающий светомаяк на аэродроме. Сверху земные огоньки похожи на звезды, отчего бескрайняя ночная степь выглядит перевернутым небом.

Понедельник...

Экзамены по летной подготовке эскадрилья сдала быстро и успешно. Я отработал в зоне, посадки на кругах получились одна в одну. Когда подошел к инспектору за замечаниями, увидел поднятый вверх большой палец.

Возле плана-графика взял карандаш. Закрашивать последние клеточки не хотелось. Не хотелось мириться с мыслью, что завтра уже не придется надевать выгоревший за лето летный комбинезон, сесть в пахнущую самолетным лаком кабину. После отпуска начнется новая жизнь в другом полку, до следующей весны — лекции, семинары, курсовые работы.

После экзаменов Тюрин эскадрилью с аэродрома не отпустил. Ребята сидели под прохудившимся тентом, укладывали в сумки шлемофоны и кислородные маски, лениво перебрасывались словами, но общего разговора не получалось — конец программы не радовал.

Послышался далекий басовитый шум. Я выглянул из-под тента и увидел на траверзе полосы серебристую черточку самолета с непривычно высоким, скошенным назад килем. На третьем развороте самолет накренился — вместо привычных очертаний крыльев на длинном тонком фюзеляже был треугольник.

Машина приближалась к полосе неестественно быстро, при приземлении из-под колес выпорхнули синие венчики дыма от стертой о бетон резины, на середине полосы за хвостом распустился тормозной парашют.

— Эскадрилья, строиться! — скомандовал Тюрин.

Самолет с басовитым ревом скатился с полосы и, присев на амортизаторах, остановился перед строем. Кабина открылась, пилот снял белый защитный шлем с огромным светофильтром и надел фуражку с генеральской кокардой.

Пока Тюрин докладывал начальнику училища об окончании летной практики, я рассматривал истребитель: высокий, на длинных ногах шасси, с длинным фюзеляжем, он поражал стремительностью форм. Из-за треугольного крыла и выступающего из воздухозаборника конуса он чем-то напоминал замершую на миг остроклювую птицу. Учебные самолетики рядом с ним выглядели спокойными и усталыми коньками-горбунками.

Генерал поздоровался и, когда стихло громкое: «Здра... жела... това... рал!..», поздравил эскадрилью с успешной сдачей экзаменов. «Ура-а-а!..» — так уж принято в армии отвечать на поздравления.

Начальник училища прошелся перед строем.

— Товарищи курсанты! Сегодня завершился первый этап в вашем становлении летчиками и воздушными бойцами. В летных биографиях каждого из вас будут новые высоты и новые самолеты, но кто считает, что дальше будет легче, тот глубоко заблуждается. Такое уж наше небесное ремесло, приходится учиться, пока руки держат ручку управления...

Я посмотрел на Тюрина, стоявшего возле генерала. Будущей весной он опять осмотрит строй ребят и с выражением разбуженного среди зимы медведя хмуро вздохнет: «Эх, Икары...» А Отец поправит свои черные очки и скажет новой летной группе: «Я для вас бог, царь, воинский начальник и отец с матерью!» — сунет руки в карманы вытертой ремнями парашюта кожаной куртки и уйдет. А может быть, останется и все-таки побеседует с ребятами «по душам» — не в этом дело... И все лето опять будет возить парней, чтобы каждый нашел свою «точку начала выравнивания», вылетел самостоятельно, встретился с ночными облаками и пошел дальше.

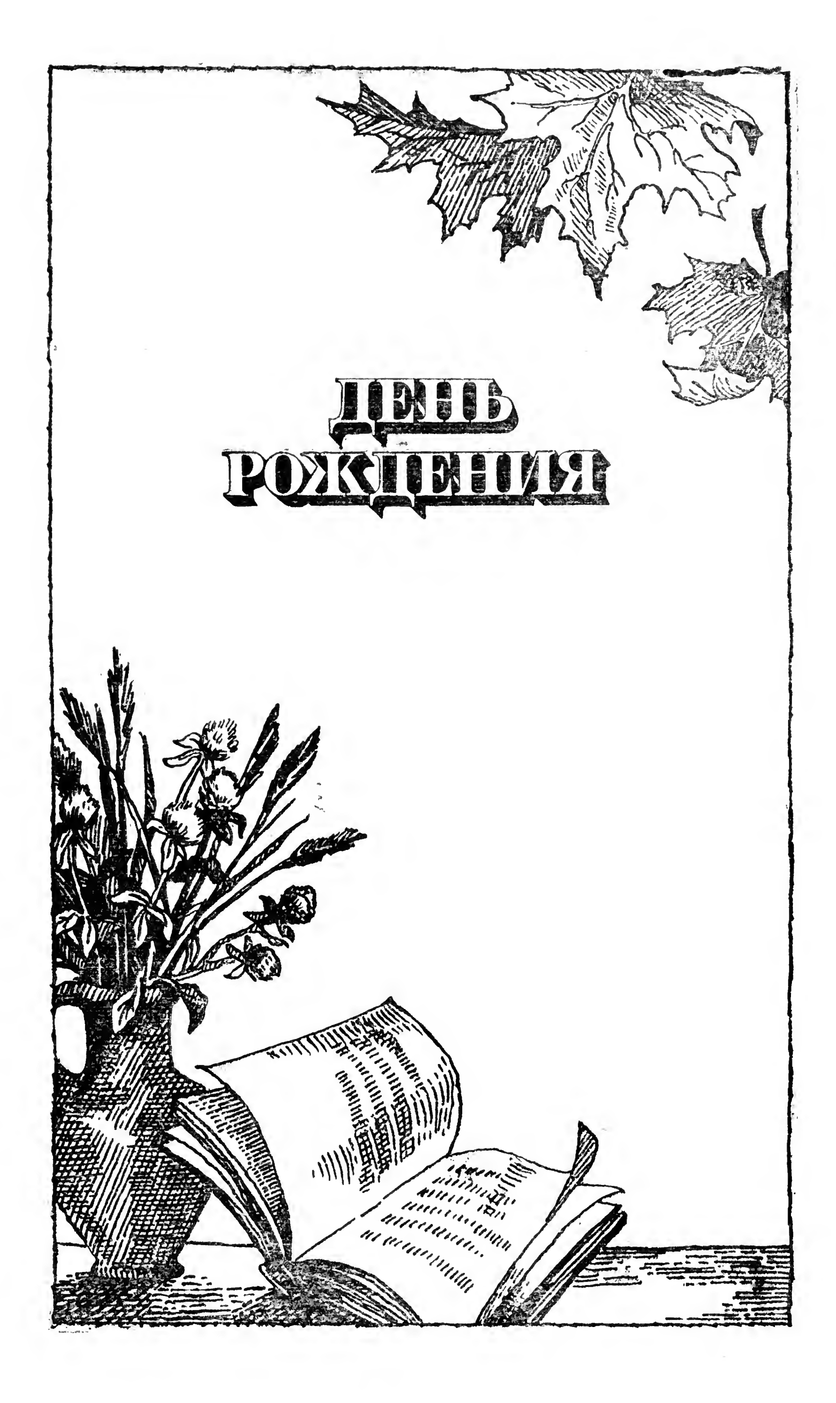
— Весной вы приступите к освоению боевого сверхзвукового ракетоносца, — продолжал говорить генерал. — Летать — это не только умение управлять самолетом. Это воспитание характера, способность преодолевать обстоятельства, постоянная борьба с самим собой за достижение целей. Первый самолет — это первый урок в

школе летного мастерства и человеческой зрелости. Второй перед вами! — И он указал рукой на истребитель.

На центральной базе училища в главном корпусе на стенах длинного-длинного коридора в несколько рядов висят портреты выпускников. Не всех, конечно... На всех никакого коридора не хватит. Знаменитых: два десятка маршалов авиации, двести пятьдесят Героев Советского Союза, летчики-испытатели, космонавты. В конце коридора пустые рамки ожидают новых портретов.

Когда строй распустили, мы окружили истребитель.

Я внимательно осмотрел пушку в фюзеляже, пилоны для ракет под треугольным крылом. Кабина ошеломляет: множество приборов, сигнальных лампочек, экран радиолокационного прицела. Глаза опять разбегаются, как в первом полете...

ДЕНЬ
РОЖДЕНИЯ

ЭКЗАМЕНЫ

— Я вам говорю, молодой человек!

Дима поднял голову, встретил взгляд экзаменатора. Эта молодая миловидная женщина, видимо, неуверенно чувствовала себя перед большой аудиторией абитуриентов, поэтому излишне строгим, хорошо поставленным голосом попросила открыть окно. Дима аккуратно сложил черновики, разминая затекшую спину, пошел через узкий проход, вскочил на подоконник. Легко оттянул блестящий шпингалет. Рама, скрипнув, распахнулась, настороженную тишину аудитории вспугнул далекий треск сорвавшихся троллейбусных штанг. С подоконника были хорошо видны длинные ряды столов, склоненные головы абитуриентов, под высоким потолком гулко отдавались редкие несмелые покашливания. Здесь большинство девушек, воздух густо пропитан духами, косметикой. Дима глубоко вздохнул, чувствуя усталое предвкушение радости, какое бывает посреди борцовского ковра, когда судьи совещаются, утверждая окончательное решение, хотя всем ясно, что схватка выиграна чистой победой. Самую трудную задачу решил, учительница математики давала такие перед школьными выпускными экзаменами, сейчас оставалось только внимательно просчитать, чтобы избежать глупых ошибок.

За столом снова разложил, внимательно просмотрел исписанные листы черновика. Недавнее напряжение незаметно рассеивалось, внимание привлекла странная поза соседки. Она сидела вполоборота, совестливо загораживая корпусом загорелые коленки. Сначала осторожно подняла край жесткой джинсовой юбки, поискала в пришитом изнутри кармане шпаргалки, потом расстроенно вздохнула, вновь подняла подол.

Дима, с удивлением подумав, какие еще шпаргалки можно приготовить к письменному экзамену по математике, бегло прочитал задание первого варианта: вроде ничего особенного, только тригонометрический пример выглядел устрашающе. Вздохнув, осмотрел рыжие, модно разлохмаченные волосы соседки, узкие покатые плечи под светлой блузкой. Хотел спросить, как зовут девушку, но не решился... Трудно поверилось, что целовались совсем недавно, чуть больше двух недель назад. Она, это точно помнил, съела тогда ириску, губы были липкими, тягуче сладкими. Под его руками послушно, податливо прогибалась мягкая расслабленная спина...

Повинуясь внезапному душевному расположению, шепотом предложил помочь. Соседка коротко, недоверчиво глянула, часто захлопала синими накрашенными ресницами, таким образом унимая подступившие слезы. После короткой паузы отчужденно пролепетала, что нечего соваться, сама справится. Дима поправил очки, понимающе кивнув.

* * *

В июле наконец пришло настоящее летнее тепло. Сразу надоело сидеть дома, заново перелистывать учебники после недавних выпускных экзаменов. В день рождения, тринадцатого, решил сменить обстановку. Однако на пляже манила вода, людской гомон мешал сосредоточиться, вокруг волейбольной площадки азартно шумели ребята, хорошо сложенные девчонки, едва прикрытые купальничками. Дима прошел вдоль берега мимо веселых компаний, уединенно загоравших парочек. В зарослях прибрежного кустарника отыскал небольшую уютную полянку: с краю четыре пляжных топчана, неизвестно когда притащенных сюда, зеленая краска почти полностью облупилась, кусты вокруг серым ветхим тряпьем покрывали оставленные половодьем высохшие водоросли. Солнце припекало плечи, зачитанные строчки учебника беспорядочно мельтешили, угловато изгибались, бесформенно растягивались. Страницы становились красными, желтыми, потом синими, зелеными.

Издали послышался рокот автомобильного мотора. Через несколько мгновений между кустами возникла длинная машина цвета морской волны. Приземистая, заграничная... Зеркальные стекла непроницаемо блестели, отчего невольно казалось, что внутри никого нет. Роскошный лимузин остановился, мягко просели амортизаторы, широкий капот плавно качнулся. Дверцы разом распахнулись, уютную тишину полянки раздробил угрюмый ритм тяжелого рока. Из правой задней дверцы вылетел, будто хорошим пинком выкинутый, расхристанный парнишка, среди свежей зелени ярким пятном замаячила оранжевая рубашка. Гибко выскользнула смуглая девушка, длинные черные волосы закрывали половину спины. Неуклюже выбрался крупный толстый парень: голубой батник помят, под мышками проступили темные потные пятна. Парнишка начал дурачиться, изображая собаку, громко залаял. Из машины вышла ладная стройная де-

вушка, одернула легкое цветастое платьице, кокетливо поправила рыжие волосы. Расстегнула ремешок правой босоножки, скинула, словно ударила мяч. Босоножка слетела, упала возле топчана. Девушка громко скомандовала:

— Вовчик!

Парнишка шустро пробежал через полянку, зубами схватил босоножку за ремешок, помчался обратно, повиливая тощим задом, изображая готовность служить. Положил босоножку перед девушкой. Она развернула ириску, бросила ее вперед, потом капризно приказала:

— Фас-с-с!

Вовчик снова кинулся через полянку. Дима сначала посмеивался. Почуял недоброе, когда встретил серьезный, пристальный взгляд парнишки. Тот подбежал, зубами схватил за пятку. Дима инстинктивно оттолкнул его. Вовчик упал навзничь и неподвижно замер. От машины послышался укоризненный возглас:

— Ай-яй-яй... Собачку ударил. Как некрасиво!

Дима поднял голову, увидел возле левой передней дверцы изящного молодого человека. С маленькой бородкой, такие называются эспаньолками. Тот осуждающе покачивал головой, расстегивая пиджак белого костюма. Сразу видно — главный у них. Вовчик поднял голову, нахально сказал:

— За трояк прощу. Но беру наличными.

Дима, натягивая брюки, буркнул:

— Я не печатаю трояки.

— Ну и болван!

Главный снял пиджак, деланно поморщился:

— Вы уж простите этого хулигана. Вовчик такой, может нахамить. Олигофрения. Знаете, трудное детство, дурное влияние улицы. Так что вам лучше уйти отсюда. Как сказал поэт, была без радости любовь, разлука будет без печали.

Дима раскрыл спортивную сумку, начал укладывать учебники. Краем глаза наблюдал... Толстый парень, расстегнув голубой батник, деловито доставал из багажника большие хозяйственные сумки. Смуглая девушка застилала топчаны тонкими байковыми одеялами. Рыжая присела возле машины, безуспешно дергала ремешок левой босоножки, пыталась расстегнуть блестящую пряжечку. Внешне вроде вполне нормальные ребята. Они, видимо, давно облюбовали эту полянку, может, заранее притащили сюда пляжные топчаны, поэтому главный и попросил

убраться. Под интеллектуала работает, красуется перед своими девицами...

Или тут другое — снова дает себя знать странная закономерность: родился тринадцатого, поэтому косяком идут сплошные неудачи. Мама воспитывала лаской, добрыми сказками, вырос чувствительной, совестливой тюхой, трудно принимал необъяснимую житейскую необходимость отстаивать свое место, будто всем вместе плохо, тесно. Это особенно почувствовал, когда стал подрастать, кулаки сверстников крепли, способность оценивать поступки оставалась недоразвитой, невольно приходилось терпеть притеснения. Да еще ранняя близорукость, которая быстро развилась, когда научился читать: запоем глотал книжки. Врачи успокаивали тем, что потом может развиваться возрастная дальнозоркость, зрение станет нормальным. Рекомендовали постоянно носить очки, хотя всем известно, что юных очкариков везде дразнят, вообще считают малость дефективными.

Вовчик неохотно поднялся, долго отряхивал свои самострочные джинсы, шоркал неопределенного цвета материей, которой красная цена полтора рубля километр. Потом подошел, присел рядом, уныло ссутулившись. Вблизи были отчетливо видны впалые темные подглазья, синеватые следы крупных угрей, редкие серые усишки. Этот парнишка выглядел среди компании чужим, словно случайно попал сюда, поэтому дешевым ерничеством униженно старался заслужить снисходительное внимание остальных ребят. Дима надел рубашку, начал застегивать пуговицы, когда увидел между пальцев парнишки желтую бумажку. Проверил нагрудный карман: все точно, нечаянно выронил последнюю рублевку. Получилось некрасиво, будто действительно хотел откупиться. Вовчик презрительно скривился, покрутил пальцем возле виска:

— Ты что, начальник, совсем чухнулся?

Тон, жест, презрительность уязвили самолюбие. Дима сдержал желание ответить, отчетливо понимая, что нет никакого смысла оправдываться. Сейчас остается только разойтись. Вот только рыжая девчонка... Она слышала разговор, теперь насмешливо улыбалась. Дима, мысленно ругая себя, сквозь зубы процедил:

— За службу собачкой!

Вовчик оскорбленно вскинулся, худые щеки побледнели, отчего резче проступили синеватые оспины. Длинно сплюнул, молча полез драться... Дима увернулся, насмешливо отметив, что весовые категории слишком раз-

ные: парнишка суетливо прыгал вокруг, вхолостую месил кулаками воздух, оранжевая рубашка мельтешила ярким пятном. Раздался испуганный девичий возглас, тотчас оглянулся толстый парень, бросил большие хозяйственные сумки. Неторопливо, медвежьей походкой подошел, внимательно слушая парнишку, который, почувствовав поддержку, начал выкрикивать унизительные оскорбления, таким провокаторским способом разжигая компанию. Главный вроде кинулся помогать приятелям, потом странно замешкался, остановился около капота машины, начал торопливо закуривать. Дима мысленно оценил обстановку... Завелись попусту, начиналась беспричинная дурацкая стычка. Самбо, конечно, выручит. Вовчика опасаться нечего, а толстый парень слишком неповоротлив. Изящный молодой человек пока поглаживает свою фасонистую бородку...

Дима давно занимался борьбой. Окреп, появилось чувство уверенности, отчего незаметно отпала необходимость терпеть притеснения сверстников. Получал юношеские, потом взрослые спортивные разряды. Душой кривить нечего, самбистом оказался посредственным, пока добивался первого разряда, многие ребята стали кандидатами, мастерами спорта... Правда, жесткий режим тренировок помог избежать сомнительных соблазнов трудного возраста, когда мальчишки собираются компаниями, начинают курить, считая курение непременным признаком мужественной взрослости, тупо глохнут, слушая эстрадных знаменитостей, визгливые выкрики модных инструментальных ансамблей. Борьба научила работать, терпеть нытье суставов, научила считать видимое превосходство противника необходимостью выкладываться полностью. Хотя трое — это трое, как говорится, против лома нет приема! Впору унять гордость, применить двадцать вторую хитрость: изматывать противника бегством, пусть попробуют сначала догнать!

Смуглая девушка возмущенно затопала ногами:

— Вы что, что тут задумали? Вовчик опять затеял склоку! От него вечно одни неприятности, когда только уймется... — Потом просительно кивнула главному. — Бармин, скажи, они ведь день рождения испортят!

Дима подивился странному совпадению, когда услыхал, что компания приехала сюда отмечать день рождения. Даже хотел спросить, кого угораздило тоже родиться тринадцатого числа, вот тут рыжая девчонка помешала. Вроде стояла поодаль, языком перекатывала ирис-

ку, оценивающе оглядывала ребят. Потом весело отметила:

— Вы только посмотрите, это вылитый Ален Делончик! Да, Да! Видите, какие ресницы... — Она подошла почти вплотную, капризно приговаривала. — Мне, мне его отдайте, мальчики. Такой милый обаяшка, просто хочется поцеловать!

Дима совсем близко увидел блестящие коричневые глаза, синие накрашенные ресницы, усыпанный мелкими веснушками аккуратный носик. Компания оживилась, предвкушая очередную комедию. Рыжая медленно приближалась. Дима растерянно отступал, про себя мысленно чертыхался... Насмешливый хохоток ребят рождал постыдную беспомощную озлобленность: нашли дурака поизгаляться безнаказанно! Краем глаза увидел неподалеку оставленную толстым парнем раскрытую хозяйственную сумку, внутри аккуратные рядочки запечатанных бутылок «Пепси-колы».

В машине резко стихла музыка, громко щелкнул автостоп магнитофона, неожиданно тишину поляны нарушило разноголосое птичье щебетанье. Дима, отступая, коснулся ногами топчана, идти дальше стало некуда. Вот тогда возникло решение, которое вызвало знакомое волнение начала схватки. Крепко обнял рыжую... На любой танцплощадке таких фитюлек тринадцать на дюжину: миленьких, вертлявых, нахальных; смазливые личики накрашены, кривляются сложными гримасками наивности, порочности, избалованности. Эта, видимо, рассчитывала только позабавить приятелей, поэтому сразу растерянно замерла, машинально продолжая изображать томное желание поцеловаться. Так и стояла, вытянув губы трубочкой. Губы девчонки были сладкие, вкуса липкой тягучей ириски. Поцелуй неловко затягивался, обмишулившаяся обольстительница податливо сникла, медленно слабла коленками. Вовчик восхищенно выдохнул:

— Во дает начальник! Поэма экстаза... — Увидя помрачневшего главного, сразу агрессивно нахохлился. — Что делает, змей, что делает! Все, амба... Сейчас здесь будет убийство лысого в подвале!

* * *

Из аудитории Дима выходил почти последним, смертельно усталым. На широких ступенях институтской лестницы снял очки, сразу стали мягче яркие краски радуги

над водяной пылью большого фонтана, деревья слились сплошной зеленой полосой, люди вокруг будто быстрее задвигались. Вдруг появилось светлое пятно, оно медленно приближалось, принимало знакомые очертания ладной девичьей фигурки. Соседка маленькой ладошкой цепко взяла руку, почти силой повела, как бойкий поводырь упрямого слепого.

В небольшом скверике возле института вдоль посыпанных битым кирпичом дорожек стояли большие парковые скамейки. На одной из них сидела смуглая темноволосая девушка, подруга соседки, они вместе сдавали экзамен. Дима надел очки, краски вновь стали яркими, предметы приобрели четкие очертания. Рядом трепыхался звонкий девичий голосок:

— Какая жалость! Разные швабры поступят, такая красавица должна идти куда глаза глядят... — Соседка говорила просто, как старому приятелю. — Ты тоже хорош! Не мог раньше раскачаться, чтоб она тоже успела сдуть. Ну да ладно, чего теперь... Давай наконец познакомимся. Я — Ира. Она — Вита.

Дима присмотрелся внимательнее, смуглая девушка действительно была красива: длинная гибкая шея, черные вьющиеся волосы, чистое открытое лицо, правда, немного огрубленное выражением серьезной решительности. Вслух повторил непривычно звучавшее имя... Она едва заметно усмехнулась, спокойно пояснила:

— Папа таким наградил. Очень хотел сына. Витькой собирался назвать, как своего лучшего друга. Потом тоже планировал сына, вот только получались девчонки. Вика, Вета... Дома теперь сплошной матриархат, чулки, юбки, писк, визг. Негде спокойно позаниматься.

Ира весело блеснула глазами:

— А мы так готовились, так готовились! Со смеху помереть можно, как нашпиговались шпорами. — Сейчас отовсюду вытряхивала бумажки. — И дома придется отмываться. У меня ноги вот досюда исписаны... — Заметила осуждающий взгляд подруги, смущенно потупилась. — А что, что такого? Он парень свой, таиться нечего. Я на пляже сразу это поняла. Особенно когда выдал номер! В одном американском фильме видела. Или итальянском... В общем, там один мен тоже схватил бутылку, трах — осколки полетели, всех один победил!

Дима смущенно пожал плечами:

— С испугу получилось.

— Мне это положительно нравится! — Ира села, слов-

но награждая, жестом пригласила сесть рядом. — Ты первый, кто честно сказал. А ведь только сильные люди откровенно признают свои слабости.

Дима молодецки приосанился, последние слова польстили, заставили подумать, что эта девушка серьезнее, чем выглядела при первой встрече. И сегодня перед началом экзаменов, когда заняла место рядом, без всякой причины поддразнивающе показал язык. Коротко махнул рукой:

— Да ладно... Платье здорово испортил?

— Ерунда, персолью отстиралось, стало лучше прежнего. Ты мне жизнь испортил. «Любимый» после твоей дикой выходки надулся, характер показывает. Ну вы народ, чуть что, сразу лезете целоваться!

Дима молча усмехнулся. Мысленно перебрал ребят, пытаясь вычислить «любимого» девушки. Бармин больше всего подходил. С выражением оскорбленности он оглядывал тогда сомлевшую после поцелуя обольстительницу. Снял японские часы, пригладил свою фасонистую бородку, выразительно указал приятелям, как надо наказывать наглеца: в живот левой, в челюсть правой, потом пустить между собой искать пятый угол. Вовчик готовно кинулся первым... Дима выхватил две бутылки «Пепси-колы», ударил донышками, коричневая жидкость выплеснулась, запенилась, залила светлое платье девушки. На солнце блеснули острые грани темного стекла, парни остановились, возникло минутное замешательство. Диме этого хватило, чтобы обойти топчаны, скрыться между крайними кустами, зеленой стеной окружившими полянку... Все ничего, жалко было только оставленную сумку: памятная сумка, купил, когда ездил получать первый разряд. Ира излишне убедительно говорила:

«Любимый» будет санитарным врачом. Это ужас какая опасная профессия: чума вокруг, холерные вибрионы, разные микробы. У меня про все это книжка есть, там такие страсти! Как врачи сами прививали себе всякую заразу, записывали ощущения, потом умирали мученической смертью!

Дима хотел сказать, что тоже хотел стать врачом. Давно, когда впервые проверяли зрение, запомнил одного окулиста. Это был мужчина огромного роста, говорил густым басом, над крупным лбом блестело вогнутое зеркало, и он понравился Диме. Вот только позже выяснилось, что плохо переносит чужую боль, такая оказалась нежная душевная организация, поэтому пришлось присмат-

ривать себе другую, бескровную профессию. После недолгого молчания спросил:

— А машина какой марки?

Ира восторженно пояснила:

— «Плимут». Это вещь! Его отец уплатил кучу денег одному капитану дальнего плавания. На целый город одна такая импортная машина. Всех просто гложет черная зависть!

Вита положила ногу на ногу, обхватила пальцами обтянутое джинсами колено, потом задумчиво сказала, что тут завидовать нечему. Только круглые дураки завидуют, обеспеченные малолетки, мечтающие о красивой жизни киношных миллионеров. Не по карману такая машина всем, кто честно зарабатывает. Если подумать, под следствие сейчас можно смело брать половину автовладельцев, пусть отчитаются, как приобрели машины. Ира обиженно отвернулась, встряхнула рыжей головой:

— Да ну тебя! Отец «любимого» директор комбината, ему нечего отчитываться. Где другие берут деньги, тоже личное дело каждого. Люди хотят жить, умеют вертеться. Кто лучше вертится, тот обеспеченнее живет!

Вита выпрямила спину, осуждающе блеснув черными глазами, резко ответила: все хотят жить хорошо, только имеется маленькая разница. Одни всего добиваются своими руками, другие норовят урвать, утащить, перепродать подороже. Мало того, начинаем уважать рвачей, спекулянтов, подлецов. Герои! Молодцы! Грамотно воруют, прибыльно торгуют!

Ира после долгой паузы вздохнула: нечего сотрясать воздух... Это раньше было все ясно: надо было строить баррикады, завоевывать Советскую власть, грудью закрывать амбразуры. Сейчас время спокойное, все учебники пишут, что никаких тебе врагов, вокруг только советские люди. Против врагов можно было применять оружие, разные военные приемы. Против таких, которые перепродают подороже, нормальному человеку бороться нечем, кроме правильных слов, пустых совестливых увещеваний.

Дима внимательнее осмотрел девушку. Самбо занимало время, даже когда стали возникать естественные, определенные возрастом сердечные проблемы. Это обстоятельство сперва мало удручало, но потом начал замечать незаметно заневестившихся сверстниц, недавнее невнимание коварно отомстило: нравившиеся девчонки казались недоступными, неземными существами высшего порядка. Сразу терялся, смущенно краснел, невнятно мямлил. Ира

тоже начинала нравиться, простецкая доверительность поведения, откровенная искренность девушки невольно вызывали странное разнеженное умиление. Вита сцепленными пальцами обхватила колено, кивком откинула назад длинные черные волосы, решительно сказала:

— За что боролись, на то напоролись. На эту самую обеспеченность сейчас напоролись. Раньше рвали жилы, чтобы выжить, построить, победить. Выжили. Построили. Победили. Надо теперь учиться пользоваться благополучием. Вот говорят, что после голодания нельзя сразу много есть. А нынешние болваны навалились, набивают свои животы, свои квартиры набивают, чтоб мяса побольше, чтоб тряпки пофирменнее!

Ира весело рассмеялась:

— А у самой джинсы «Паррис».

Вита развела руками: что поделаешь, так нынче принято. Без такой фирменной тряпки гиблое дело, идешь вторым сортом. Папа, правда, месяц работал, чтобы купить ей джинсы. Вика канючит, тоже просит такие. Ветка пятый класс закончила, уже знает разницу между всеми импортными юбками. Где прошивка, какие молнии, формы карманов... Ира оглядела подругу, потом понимающе вздохнула:

— Не переживай, может, пример решила правильно.

— Да нет, такого наколбасила, никаких надежд! И ни капельки не расстраиваюсь... Ты заметила, какие студентки ходят моднячие? Я с ума сойду выглядеть беднее других.

Дима задумчиво сказал:

— Не это сейчас главное!

— Не главное, вообще вздорная мелочь. Но не могу себя переломить! — Вита впервые улыбнулась, отчего смуглое лицо стало удивительно привлекательным. — А ты молоток! На этих экзаменах человек человеку не друг, не товарищ и не брат. Да еще после той дурацкой стычки... Ирка теперь навек тебе должна!

— Мне это ничего не стоило.

— Гляди, какой благородный! Мы из одного класса, она математику всегда едва тянула... В общем, если начал, тяни девку дальше. Ее по тригонометрии надо подковать, особенно повторить функции двойного аргумента. — Вита немного помолчала, потом удивленно спросила: — А ты, если так знаешь математику, чего сунулся сюда? Ведь институт захудалый, девичий монастырь, потом никаких перспектив.

Димка поправил очки, собираясь обстоятельно объяснить. По его мнению, экономика сейчас становится важным, наверняка можно сказать, главным государственным делом. Год назад случайно прочитал статью про один комбинат, который изготавливал строительные бетонные блоки. Инженеры разработали новую технологию, блоки сильно подешевели, получилась огромная экономия. Вот только дешевизна оказалась невыгодной: при фактическом увеличении выпуска блоков план комбината остался невыполненным. Мало того, экономия крепко ударила строителей. Они измеряют свои планы освоением капиталовложений, работать пришлось более дешевыми блоками, поэтому денежные показатели упали. Сплошное недоразумение: комбинат сэкономил миллионы рублей, выпустил больше доброкачественной продукции, строители вовремя сдали объекты, однако дело оказалось невыгодным. Словом, возникла необходимость создавать научно обоснованный хозяйственный механизм, разрабатывать качественно новую систему натуральных, стоимостных показателей, учитывающих особенности современного уровня производства...

Закончить рассказ помешал крупный толстый парень. Дима узнал его: тогда, тринадцатого июля, тоже приезжал купаться, выносил хозяйственные сумки. Сейчас заботливо принес девушкам пакет, полный румяных пирожков. Лицо добродушное, розовые щеки, приветливая улыбка, сложен вполне нормально. Девушки оживились, взяли пирожки, аппетитно захрустели поджаристыми корочками. Диме парень тоже протянул пакет, приятным низким голосом спросил:

— Ты что как неродной?

Вита перевела:

— Костя говорит, тут всем хватит.

Разговорились.

Дима узнал, что все эти ребята живут рядом, давно дружат.

Бармин, изящный молодой человек, который управлял машиной, студент, окончил первый курс санитарно-технического факультета. Костя два года назад окончил железнодорожное училище, стал помощником машиниста. Отслужил срочную, этой весной вернулся, вполне зрелый самостоятельный человек. Вовчик после девятого класса бросил школу, год болтается неизвестно где. Ему родители попались совсем никудышные. Отец, как говорится, пожелал остаться неизвестным. Мать после горькой ошибки молодости начала крепко выпивать, всю жизнь

выбирает женихов путем естественного отбора, дома вечно веселые гулянки.

Дима вздохнул, вспомнив, как мама рассказывала: она уже оканчивала университет, когда напротив студенческого общежития произошла авария. Какой-то раззява забыл закрыть на дороге люк, туда передним колесом угодила совсем новенькая легковушка. Потом автогеном разрезали заклинившиеся дверцы, вытащили погибшего водителя, а за ним — мертвую молодую женщину, которая безжизненными руками прижимали к груди двух годовалых малышей. Одного уберегла, другому осколок стекла повредил вену, требовалась донорская кровь. Студенты начали закатывать рукава, каждый доказывал силу именно своей крови. Однако врачи искали нужную, когда наконец нашли, сделали прямое переливание.

Мама говорила, что именно тогда впервые испытала сложное чувство, словно отдавала часть своей жизни, которая медленно перетекала в пугающе неподвижное детское тельце, заставляла розоветь синюшное детское личико. Чувство оказалось неожиданно сильным, потом вынуждало провожать глазами машины «скорой помощи», неведомая сила толкала кинуться вслед. Ночами мучило жалостливое желание дыханием отогреть тонкие, почти игрушечные пальчики. Через несколько дней нашла больницу. Открыла дверь палаты... Мальчик, будто узнал, сразу протянул ладошки сквозь сетку кроватки, оживленно залопотал. У нее тогда зашлось дыхание, сами собой хлынули слезы, почти вслепую ловила губами маленькие пальчики, вдыхала запах детского тельца. Потом узнала, что мальчики остались круглыми сиротами. Стала добиваться права воспитать обоих. Убеждала, писала, просила, уговаривала... Нет такого закона, чтобы давать детей одиноким молодым женщинам. Диму наконец удалось усыновить. Второго мальчика раньше, пока тянулось оформление документов, взяли другие добрые люди.

Так что сначала жили неполной семьей, в комнате университетского общежития. Мама работала на кафедре аналитической химии. Читала студентам лекции, все свободное время занималась научной работой.

Подруги осуждали ее. Дескать, некогда даже взглянуть на женихов, которые, как известно, на улице не валяются. Димке нужен отец. Годы берут свое, если упустить момент, потом всю жизнь можно кусать локти. Мама же говорила, что замужество только ради замужества, без настоящего чувства, хуже любого одиночества. Самые хо-

рошие женихи тоже задумываются, когда видят перспективу воспитывать чужого ребенка. Дима помнил, как последним летом перед школой произошло вроде бы обыкновенное пляжное знакомство... Когда приходили загорать, рядом всегда оказывался рослый молодой мужчина: веселый симпатяга, черная волосатая грудь, твердые выпуклые мускулы. Димку учил плавать, угощал мороженым, помогал строить песочные крепости. Мама тоже поначалу беззаботно строила крепости. Потом стала рассеянной, часто невпопад смеялась.

* * *

Ира принесла спортивную сумку, брошенную возле пляжного топчана. Дима благодарно кивнул, оглядел легкое светлое платье, залитое тогда, однако даже после стирки сохранившее яркость красок причудливого рисунка. Ира пояснила, что это такой хороший материал, который маде ин за границей. Она называет такие материалы одним словом. Мадеин. Этот мадеин насквозь просвечивался утренним августовским солнцем, пробивавшимся через занавеску открытой балконной двери. Под разноцветными полосами рисунка четко обозначилась стройная ладная фигурка. Дима вдруг учуял пряный запах дорогих духов... Глубоко вздохнул, скрывая неожиданное смущение, начал торопливо перебирать учебники, чтобы скорее подковать новую знакомую. Наконец раскрыл тригонометрию.

Без лишних разговоров начали заниматься. Ира сначала сидела, напряженно выпрямившись, внимательно слушала. Потом удобнее устроилась внутри мягкого кресла. Ее коричневые глаза затуманились, она крепко сжала губы, подавляя неудержимую зевоту. Долго оглядывала комнату, наконец задумчиво сказала, что поперечные линии на обоях вроде понижают высокие потолки, а стены северных комнат должны быть желтыми или розовыми, и вообще необходимо, чтобы интерьер имел свой стиль, гармонично сочетал световую гамму, соответствовал ритмам современной жизни.

Дима поправил очки, тоже оглядел комнату. Вроде ничего особенного, комната, обыкновенной городской квартиры: стол, диван, шифоньер, торшер, палас... Книжные полки, набитые комплектами маминых «Коллоидных журналов», «Журналов физической химии», учебниками, подписными изданиями. Спальня родителей рядом, эта же

комната его, Димы, поэтому обои повыше письменного стола густо обклеены цветными картинками, которые давно слились, образовали причудливый коллаж, отражавший частую смену возрастных интересов. Ира открыла сумочку, достала пеструю пачку импортных сигарет, досадливо поморщилась: эти функции двойного аргумента сильно утомляют, голова словно наполнилась живыми мухами. Раскрыла, протянула пачку. Дима махнул рукой:

— Не курю... — После короткой паузы насмешливо добавил: — И тебя, значит, империализм соблазнил яркой оберткой. А между прочим, целовать курящую женщину удовольствие хуже среднего, будто пепельницу облизывать!

Ира оскорбленно выпрямилась, коричневые глаза гневно блеснули. Сдерживая себя, закусила нижнюю губу, потом деланно спокойным голосом сказала... Подумать только, какой нашелся блюститель нравственности! Вот только напрасно волнуется: она пришла сюда заниматься математикой, для поцелуев придется поискать другую. Неумело чиркнула спичкой, осторожно затянулась дымом.

— Ну вот, все поплыло, поплыло. Так всегда бывает, если редко курить... — Оглядела сигарету, которую манерно держала двумя пальцами, потом разочарованно добавила: — А ты совсем мамин бяшка! Не скажешь даже, вроде такой спортивный парень. Ведь скучно, тоска зеленая таким послушным мальчиком быть.

Дима недоуменно оглядел девушку:

— При чем тут скука, если сейчас необходимо добиться главного. Надо поступить, потом можно идти веселиться куда угодно. Тем более конкурс всего ничего... — Начал подсчитывать, загибая пальцы. — На одно место вчера было около пяти человек. На математике как пить дать трое срежутся. За письменные работы ручаюсь, там все правильно решено, дома перепроверял, сейчас важно свалить устный экзамен!

Ира выпустила стройку дыма, задумчиво сказала:

— А я не знаю, что для меня сейчас главное. Этот диплом так себе, как приданое нужен. «Любимый» говорит, сейчас ценятся только образованные невесты. Жизнь такая, знаешь, ритмы, стрессы, смертельно надоедает долго гулять, узнавать душевные, другие внутренние качества друг друга. Второпях тоже можно подцепить круглую идиотку. Вот поэтому ребята хотят наверняка, чтоб бац — сразу десятка!

— До чего умный твой «любимый»!

— Что есть, то есть, ума палата.

Дима выхватил сигарету, выкинул через балконную дверь:

— Все, хватит дымить, дышать нечем!

Ира удивленно замерла:

— Ты что, дурак?

— Еще какой, столько времени впустую потратил... — Он раздраженно захлопнул учебник. — Знаешь, поищи себе другого репетитора. Пусть тебя «любимый» подковывает! Вот там сколько угодно курите, что душе угодно делайте!

Ира вдруг понимающе улыбнулась:

— Да ты, оказывается, такой ужасный ревнивец! Это зря... Вы по внешности здорово похожи, тут говорить нечего. Если ему сбрить бородку, тебе снять очки, как две капли будете! Но ты крупнее. И в смысле математики лучше соображаешь. Так что успокойся, совершенно незачем устраивать сцены!

Дима подивился такому неожиданному повороту событий. Хрипловатым голосом выдавил:

— Ладно. Давай... Начнем сначала!

Ира сморщила носик, покрытый мелкими веснушками:

— Ну вот, другое дело. Ты почему выбрал этот институт? Я так и не поняла тогда, у фонтана.

Дима, быстро забывая недавнее раздражение, увлеченно заговорил... Время сейчас такое. Главным фронтом становится экономика.

Он вновь рассказал о комбинате, который выпускал дешевые строительные блоки. Ира молча слушала, потом восхищенно глянула, торжественно произнесла:

— Ты прямо научно-технический революционер!

Дима польщенно приосанился. Потом сник, уныло сознался: только пересказал статью. Все эти дела его здорово заинтересовали, начал читать экономические журналы, там много теорий, ведутся интересные дискуссии. Суть уловил, необходимо совершенствовать систему планирования. Это, правда, дело серьезное, надо знать много всяких специальных понятий. Нет, чтобы сегодня двигать прогресс, необходимо серьезно учиться! И не только экономике, но и этике, культуре.

Ира искренне призналась:

— А я, бестолочь этакая, сначала думала, хочешь

приткнуться наверняка. На планово-экономический идут одни девчонки, значит, ребят здесь берут охотнее. А ты — двигать! Это мне положительно нравится. — После долгой паузы вздохнула: — Но мир такой большой, чтоб одному двигать... С себя, наверное, надо начинать, как говорится, с укрепления тылов. Ведь зарплата после института известно какая, при нынешних ценах порядочная юбка стоит почти вдвое дороже.

Дима впервые подумал, сколько будет зарабатывать после института. Цель была слишком большой, чтобы сейчас заниматься мелкими житейскими вопросами. Немного озадаченно помолчал, потом снова увлекся, начал загибать пальцы, излагая жизненные планы... Так сам себе установил: после института — аспирантура, потом сразу докторская диссертация. Все трудности будут оправданы результатом. Станет человеком, обеспечит любые тылы, тут никаких проблем! Ира насмешливо сказала:

— По дереву надо постучать... Мой любимый такой деловой, старается изображать преуспевающего джентльмена. Мне его уверенность всегда ужасно нравилась. А теперь вижу... Ты герой нашего времени!

Дима смущенно подумал, что ему приятно слышать такое, хотя деланно томный вид девушки немного настораживал.

— Я самый обыкновенный... — Дима поправил очки, развел руками. — Без особых душевных противоречий. Знаю, чего хочу, жизнь заранее распланировал. Но думаю, если все станут такими, будет очень неплохо!

Ира покачала головой:

— От скромности ты тоже не умрешь. Но аплодисментов не будет! И вообще жарко, спасу нет... Давай поедем купаться. А уж потом снова начнем мусолить функции, век бы их не видеть!

И когда уходила, снова оглядела комнату, тихо сказала, что тут премиленько. Или, вернее, просто уютно, это верный признак нормальной полноценной семьи. Ее родители давно разошлись, поэтому трудно представляются семьи, где есть надежные сильные мужчины. И не надо вызывать электрика, если сломается выключатель... Диму тронул ее тоскливый тон. Подумал, что девушка только прикрывается показным манерничаньем, как тонким полупрозрачным мадеином, если сумела понять, что здесь действительно живет нормальная семья.

* * *

Саша, рослый мужчина, мамин пляжный знакомый, объявился поздней осенью.

В потертой кожаной куртке, под которой виднелась тельняшка, решительно прошел через длинный коридор университетского общежития. Постучал, переступил порог комнаты, поставил обмотанную сверху тряпкой корзину. Потом громко выдохнул:

— Не могу больше... Хотите — гоните, хотите — берите!

Мама замерла, заливаясь румянцем. Вдруг ужасным голосом охнула, помертвелыми глазами разглядывая корзину: тряпка шевелилась, медленно сдвигалась. Обнажилась голова толстой белой змеи. Дима помнил, какой поднялся переполох, послышались странные гортанные звуки... Потом мама нервно смеялась: посреди стола стоял большой белый гусь, изредка взмахивал широкими крыльями, словно разминался после корзинной тесноты, вытягивал длинную шею, громко недовольно гоготал.

— Вы оч-ч-чень неудачно шутите... — наконец выговорила мама, вновь заливаясь краской. — Не нужно все это! У меня ребенок. Дима, сынуля, иди сюда! И готовлю плохо, вам нужна совершенно другая женщина.

Саша заговорил громким сдавленным шепотом:

— Светлана Андреевна, это не шутки! Какие шутки, если все время про вас только думаю. Без вас мне теперь никакой жизни. Я из рейса сейчас, четверо суток вместо дороги ваше лицо перед глазами, как наваждение какое. А что ребенок? Это даже хорошо, что уже готовый ребенок! Я вас не то что с одним, с тремя возьму, только слово скажите... — Махнул рукой, устало опустил тяжелые плечи. — Я, конечно, понимаю, чего там! Вы вся така... Такая! В университете работаете, вокруг одни ученые мужики формулами разговаривают. А я со своим суконным рылом... Как сейчас скажете, так навек будет!

Мама торопливо возразила:

— Ну почему, как раз лицо ваше... — Она нервно одергивала оборки домашнего фартука. — Да при чем здесь лицо? И какая разница, кто где работает? Все это просто очень неожиданно... Три месяца молча ходили следом, вдруг влетели, такие слова! А не нужна мне эта птица. Я не умею жарить гусей. Если хотите, накормлю перловым супом.

Саша обрадованно закричал:

— Светлана Андр... Света! Я его, стервеца, для профилактики купил. В моторах приходится зимой копаться, поэтому смазываю руки гусиным жиром, чтоб не коченели на морозе. А насчет поджарить раз плюнуть! Тега-тега-тега-тега!

Он сбросил кожанку, начал закатывать рукава тельняшки. От протянутых рук гусь увернулся, угрожающе зашипел, опустил концы крыльев. Правым зацепил блюдце, оно упало, брызнули белые фаянсовые осколки, мама испуганно взвизгнула. Саша пригнулся, бросился к гусю. Тот вывернулся, захлопал крыльями, грудью распахнул неплотно притворенную дверь. Саша проворно метнулся следом. Коридор ожил, послышался топот, возбужденные голоса, упало железное корыто... Саша вернулся возбужденным, глаза азартно блестели. На стол положил гуся, ремешком перетянул лапы, концы крыльев.

— Тут все понятно! — вздохнул. — На голосование ставлю два вопроса. На днях снова рейс, могу отвезти гуся обратно. Или что хотите делайте. Но есть этого парня не будем!

* * *

В густом кустарнике, нарушая жаркую тишину полянки, свистела невидимая птичья мелочь. Вдали слышалось басовитое жужжание вертких скутеров. Ира предложила позаниматься здесь. Как только пришли, сразу расстегнула боковую молнию, принялась через голову снимать платье, извиваясь всем телом, словно танцевала восточный танец. Дима конфузливо отвел глаза, смущенный зрелой женственностью девушки, раньше странно скрытой одеждой, сейчас подчеркнутой немыслимо малыми размерами купальника. Вдруг раздраженно спросил:

— Ты, значит, знала, что пойдем купаться?

Она смешливо сморщила веснушчатый носик:

— Ужас какой догадливый! И глаз ватерпас, все насквозь видит. А что такого! От жары сегодня можно просто обалдеть... А правда, купальник фирмовый? Настоящий бикини! — Не увидев ожидаемого восторга, ковырнула песок босой ногой. — Ты не думай! Я не тряпичница... Даже, наверное, совсем наоборот. В школе смотрю, девочки собрались. О чем это они, думаю, так увлеченно болтают! А они там про джинсы, диски, косметику. И от этих пустых разговоров скучно становится... —

Она снова оглядела свой купальник, развела руками, словно оправдывалась. — Но от этого тоже никуда! Уже возраст такой, знаю себе цену, умею красиво одеваться. Ну для этого, чтобы внешнее оформление гармонично отражало внутреннее содержание современной девушки, серьезно обдумывающей житье... — Выжидательно помолчала, потом сникла. — Ну вот, опять надулся. Не пойму никак тебя, весь такой закомплексованный! Сам говорил, письменные работы решены правильно. Списки вывесят сегодня вечером. До устного экзамена еще три дня свободы. — Она вдруг замерла, глаза испуганно округлились. — Не шевелись! А то ка-а-ак цапнет, потом пойдут клочки по закоулочкам!

Дима подумал, что девушка увидела осу, шмеля, другое кусачее насекомое. Но когда оглянулся, Ира сильно толкнула, обрадованно взвизгнула, довольная удавшимся розыгрышем. Дима, подыгрывая, кулем повалился, перед самой землей успел сгруппироваться, сделал мостик. С мостика встал на руки, затем кувыркнулся. Ира заразилась веселостью, тоже попробовала кувыркнуться. Неуклюже завалилась набок, вскинув ногами песок. Дима протер очки, когда снова надел, удивленно увидел: девушка сидела, скрестив ноги, выпрямив спину, и отрешенно смотрела прямо перед собой. Дима осторожно тронул плечо, оно было твердым, словно вдруг закаменело. Ира только после настойчивого оклика обмякла, расплела ноги. Довольная произведенным эффектом, забавно важничая, стала пояснять, что это падмасана, поза лотоса. Способствует успокоению нервной системы, стоит немного посидеть так, все волнения как рукой снимает. Дома полно описаний йоги. Неплохая штука, укрепляет здоровье, учит владеть собой.

Ира задумчиво помолчала, потом тяжело вздохнула: вот только нет силы воли заниматься регулярно. Такая трудная штука! Гнуть ноги можно, насчет воздержаний хорошо поесть или там повеселиться, это прямо беда! Плохо отрабатываются воздержания. Так что освоила пока только несколько поз... Вот матсиасана, поза рыбы, это для укрепления груди, спины, живота. Ира опять скрестила ноги, медленно замерла, отрешенно глядя перед собой. Согнула локти, стала откидываться назад, коснулась головой песка.

Затем медленно поднялась, расплела ноги, глаза снова приняли осмысленное выражение. Помотала головой, потом разочарованно сказала, что в общем-то чушь вся

эта йога. Не избавит от желания гоняться за тряпками... Совсем растерялась, запуталась.

Дима неопределенно пожал плечами. Сам давно чувствовал, что вроде понятная, раньше легко объяснимая жизнь становилась сложнее. Тут мало тренированных мускулов, способности смело идти навстречу противнику, все чаще возникали ситуации, когда отточенное умение проводить приемы плохо помогает сохранять спокойную душевную уверенность. Это потому, что противник теперь особый. Способы борьбы тоже изменились, отстаивать приходится убеждения, чувства, правоту, достоинство, которые можно сохранить даже проиграв схватку, можно навсегда утерять победив... После короткого молчания спросил:

— В чем же запуталась?

Ира коротко глянула, словно сказала много лишнего, теперь пыталась угадать, как истолкована нечаянная откровенность. Потом обняла колени, положила сверху голову, рыжие разлохмаченные волосы свесились, закрыли половину лица. Дима полулежал рядом, испытывая странное чувство полной освобожденности, совсем исчезла скованность, какая обыкновенно раньше охватывала, когда он находился рядом с девушкой. Уже казалось, что давно знакомы, доверили друг другу самые сокровенные тайны, поэтому непонятная боязнь откровенности вызвала досадную обиду. Ира чутко уловила перемену настроения, кивком откинула волосы, немного снисходительным тоном сказала:

— Ну какой бестолковый! В собственных чувствах запуталась, в чем еще... Все время приходится выбирать. Вот, например, взять сигареты. Все давно знают, что никотин наповал убивает лошадей, учиться курить противно, горько, тошнит. Но вид, вид — просто туши свет! Или две девушки: одна скромная, морально устойчивая, имеет массу душевных качеств, богатый внутренний мир, носит дешевенькое ситцевое платье; другая колода безмозглая, вся обклеена «лэйблами», как чемодан интуриста, там обтянуто, тут открыто, такая герл — нет слов! И не сойти мне с этого места, ты первый затопчешь скромницу, когда кинешься догонять модную колоду! И я, видимо, будь на твоем месте.

— Я не кинусь. Большое дело «лэйблы»!

— Так другой побежит подпрыгивая.

— Ничего, потом раскусит.

Ира оживилась, словно ждала такой ответ.

— Пока будет кусать, хорошая девушка увянет, медленно состарится, вставит фарфоровые зубы. И все, поезд ушел, душевные качества протухли... — Она прислушалась, настороженно замерла. — Тс-с-с, кажется, едет. Ну вот, сейчас здесь будет веселая комедия!

Дима подумал, что она его снова разыгрывает. Потом оглянулся: между кустов почти бесшумно появилась знакомая машина цвета морской волны. Плавно остановилась, мягко просели амортизаторы. Открылась левая передняя дверца. Бармин выбрался, пригладил свою бородку, наигранно вскинул руки:

— Леди энд джентльмены! Друзья встречаются вновь... — Потом сквозь зубы прочитал, словно выплюнул, короткий стишок. — Так перед праздною толпой и с балалайкою народной сидит в тени певец простой, и бескорыстный, и свободный!

ИРА

Пробили настенные часы. Круглый желтый маятник уходит вправо, размеренно возвращается влево. Опять вправо... Стрелки показывают половину восьмого. Утро сегодня ясное, славное, солнечное. Проснувшись, немного полежала, наслаждаясь нежным августовским теплом.

Сегодня сдаем устную математику. Надо было хорошо продумать, что надеть, чтобы выглядеть вполне современной девушкой. Поэтому, когда встала, переворошила весь свой гардероб. В этом сезоне носят комбинезоны, сафари, туники, отделанные ярким орнаментом. Линия плеча прямая, рукава втачные, талия отрезная. Юбки прямые, немного расклешенные. В моду снова входит мини, это уже для молоденьких девочек, которые могут невинно сверкать голыми коленками. Для меня мини закончились: после шестнадцати лет стала замечать оценивающие, ощупывающие взгляды мужчин, они поначалу страшно смущали, было впору сквозь землю проваливаться. Потом привыкла, даже иногда испытываю тщеславное удовлетворение оттого, что пользуюсь капризным вниманием слишком разборчивого мужского пола.

Да чего говорить, каждая девочка тайно считает себя красивой. А я не хуже других без всякого самовосхваления: ноги на уровне мировых стандартов, все прочее

как у царицы Савской, о лице прочитала в одном журнале. Не о моем лично, о таком типе: «Оно поражает не красотой черт и линий, а чем-то другим, что мы называем обаянием, пленительностью. И чем больше мы смотрим, тем очевиднее представляется, что эта женщина знакома нам или напоминает кого-то, кого мы хорошо знаем». Мама тоже всегда говорит, что душа душой, однако внешние данные женщине нужнее. Мужчины подряд круглые дураки, видят только яркую внешность, хотя поясами, грациями можно сделать любую фигуру. Лошадь подкрасить, припудрить, подклеить ресницы, получится красотка. Маме, если честно, грех обижаться, почти молодая женщина, почти натуральная блондинка, занятия йогой помогают держать хорошую форму. Это она после развода считает всех мужчин малость дефективными.

Впрочем, может, действительно... Если вспомнить моего отца, сильная половина человечества, мягко говоря, имеет много странностей. Он по профессии химик, хотя его больше интересовала рыбалка. Редко приходил домой один, всегда приводил друзей, наскоро разделывал селедочку. С лучком, уксусом... И начинались бесконечные рыбацкие разговоры: где лучше клюет, как запаривать жмых, какая леска прочнее. После рыбалок возвращался пропахший дымом, непременно навеселе, сразу ложился спать. Утром виновато выслушивал мамины укоры. Краны подтекают, починить некому, обои повсюду отклеиваются, надо делать капитальный ремонт. Вообще пора становиться серьезным человеком. Друзья давно кандидаты наук, делают докторские диссертации, занимают высокие должности, имеют служебные машины. В конце концов зрелому мужчине просто стыдно оставаться младшим научным сотрудником, зарплаты которого хватает только для покупки наживки. И дочка подрастает, становится девушкой, надо получать минимум двухкомнатную квартиру. Отец согласно кивал головой, клятвенно обещал сделать ремонт, начать новую жизнь, вплотную заняться диссертацией. Вечером, правда, снова приводил приятелей, наскоро разделывал селедочку.

Мама всегда обеспечивала отца самым ходовым дефицитом. Даже складные удочки, катушки спиннингов, другую рыбацкую ерунду доставала, исключительно импортную. Любила, наверное, поэтому баловала... Он был веселым легким человеком, пропускал мимо ушей час-

тые разносы, даже когда мама особенно расходилась. Она работала продавцом, умела профессионально скандалить, эту вредную привычку выработали ежедневные словесные схватки, постоянная ругань вечно недовольных покупателей. Мне сейчас вспоминается только веселая отцовская беззаботность. Еще, пожалуй, недоуменные взгляды, словно всегда удивлялся моему появлению, эдакому живому досадному недоразумению, нелепыми вопросами отнимавшему дорогое время на подготовку к рыбалке. После развода мама ходила вконец убитая горем. Ночами рыдала, грызла подушку, днем надолго беспричинно задумывалась. Потом наняла рабочих, они сделали ремонт. Купила польскую мебель. «Мистер». Две тысячи рублей. Вот она какая сильная женщина!

Я безболезненно пережила развал семьи. Мне тогда было десять лет, известно, какие понятия, особенно когда нечего терять, жалеть тоже особенно нечего. Наша однокомнатная квартира сразу стала просторнее, исчез тяжелый табачный запах, полупьяный азарт рыбацких разговоров. Вдвоем жили дружно, без мелких ссор, глупых конфликтов поколений. В самом деле, всего хватает, родные люди, какие могут быть конфликты! Вот только редко удается душевно поговорить. Живем торопливо, постоянно спешим неизвестно куда! Утром перекинемся двумя словами насчет отметок, обновок, прачечной. Вечером тоже поговорить некогда. Мне надо уроки делать, потом погулять хочется, дома сидеть скучно. Мама готовит на завтра обед, перед сном занимается йогой. В эти занятия втягивает и меня.

Мама молодец, просто железная женщина. Каждый вечер расстилает жесткий коврик, раздевается, настежь раскрывает форточку, а затем старательно выполняет вакрасаны, ширшасаны, хастападасаны... Она начала заниматься этим делом после развода, когда появилось свободное время, чтобы серьезно заняться собой. Быстро прогрессирующая полнота — трагедия всех блондинок. В молодости мама была, как говорится, пухленькой девушкой, после родов неудержимо пошла вширь. Сейчас можно только гадать, что больше помогло: диета или асаны, однако полнота постепенно сошла, пропали жировые складки, даже появилась талия. Упражнения заканчиваются бодрым прохладным душем. Потом мама лежит, полностью расслабившись, мысленными заклинаниями снимает дневное напряжение, вызванное вздорными придирками покупателей.

* * *

В этом сезоне брюки немного короче, кюлоты повыше лодыжек, бермуды чуточку ниже колен. Джинсы менее расклешены или совсем прямые. Вот оно, нечего попусту изобретать туалет: надену джинсы, что надо получится! Мама недавно принесла вельветовые «Техасы». Это вещь! Но любая такая вещь нам достается даром... В конце каждого месяца универмаг торопливо выполняет план самым ходовым дефицитом. Мама приносит домой итальянские кожаные пальто, югославские меховые куртки, австрийские велюровые костюмы. Самой хлопотно искать покупателей, поэтому отдает товар оптом одной бойкой дамочке. На вид она прямо актриса, эталон женского обаяния, хотя профессиональная спекулянтка.

Вот она впервые вызвала у меня серьезные размышления насчет человеческой натуры. А может, наступил такой возраст, когда приходит умение видеть, способность думать. Все свои семнадцать лет усваивала собранные учебниками правила, формулы, теоремы. Тупо зубрила, как положительные образы побеждают отрицательных. Или оптимистически погибают, утверждая своей смертью торжество добра, любви, справедливости. Нет, тут все правильно, насчет добра, любви... Мучает другое: у меня, например, жизнь заранее предопределена: детсад — школа — институт — замужество — семья. Получу диплом, сто двадцать рублей гарантированного оклада. Видимо, сказывается выработанная привычка бездумно катиться: все тропинки проторены, куда какая выведет, потом будем разбираться!

Вита называет такие рассуждения бредом сивой кобылы, истерическими воплями глупой девчонки. Нет, она действительно умная девушка, правда, немного задуренная домашним хозяйством. Это вполне понятно, старшая дочка, невольно приходится помогать маме, знает базарные цены, стоимость стиральных порошков, разной бытовой мелочовки. В институт поступала, как все... Все после школы пробуют приткнуться хоть куда, чтобы получить еще пять лет беззаботной жизни. Наверное, поэтому спокойно пережила провал письменной математики. Хватит, говорить, гнать спешку, надо наконец спокойно оглядеться, выбрать настоящую цель. Нас, значит, как учили: труд — естественная потребность! Вот только забыли добавить, что эта потребность пока сильно определяется необходимостью обеспечивать себе нормальное

ежедневное существование. Нас приучили считать, что высшее образование автоматически решает сложные житейские проблемы, обеспечивает духовным богатством, хотя институты штампуют потенциальных специалистов, которые станут личностями, когда начнут творчески работать, приносить пользу обществу. Вита твердо убеждена, что нормальный человек просто обязан иметь большую цель, приносить больше пользы семье, стране, человечеству.

Прошлой осенью мама принесла несколько свертков. Кажется, замшевые мужские пиджаки. Прибежала вертлявая перекупщица, пересмотрела вещи, начала при мне отсчитывать новенькие красные десятки. Вот тогда меня словно током ударило! Они ведь на пару промышляют, одна достает нужный товар, другая умело сбывает, навар делят между собой... Обо всем этом заговорила вечером, когда мама лежала расслабившись, мысленно заклинала свои внутренности хорошо работать. Рассеянно выслушала мои рассуждения насчет того, что некрасиво наживаться нечестным путем, потом спокойно сказала:

— Не твое дело, учи свои уроки! — Она полежала неподвижно, потом тихим голосом спросила: — Ты знаешь, какую зарплату получает продавец?

— Ну какую?.. Какую положено!

— Ах, как все это некстати... — Она привстала, словно переломилась. — Может, немного подождем? Пусть пока все остается, как есть, когда немного повзрослеешь, серьезно поговорим. Выясним, что почем, куда клюет жареный петушок!

— Я уже взрослая, паспорт получила!

Мама резко села, принялась подбирать распущенные волосы. Ладно, если очень хочется... Она при разводе отказалась от алиментов: там выходила несчастная тридцатка, если подумать, чисто символическая сумма, которая давала отцу право навещать меня. Мама лишила его этого права. Такой характер, все или ничего, чтобы никаких половинок! Она говорила, придерживая губами шпильки, которыми закалывала собранные узлом волосы... В неудавшейся семейной жизни сама виновата, как говорится, полюбила сокола, оказался сатана. За это одна десять лет тянула семейную телегу, как ломовая кобыла. Тоска! Она употребляла это слово, когда начинала волноваться. Господи, столько лет мучилась, чтобы после всего остаться среди голых стен возле разбитого корыта! Ведь вместо квартиры сарай был, краны подтекали, полы

прогнили. Есть-пить каждый день надо, старые обноски стыдно перелицовывать.

Она накинула теплый венгерский халат, медленно прошлась через комнату, словно проверяла прочность паркетного пола.

— У тебя никаких забот, только учись! Захотела поесть — открывай холодильник... И не знаешь, что значит перелицовывать. А я все свои пальто раньше перелицовывала. Для тебя, между прочим, дикость даже отпустить подол прошлогоднего платья. Вроде нищенские привычки!

Я смутилась, хотя действительно думала именно так.

— Время такое, стыдно носить старье!

Мама досадливо всплеснула руками. Какое, какое сейчас особенное время? Отец тоже любил говорить, что нынешнее время поднимает человека выше бытовщины, поэтому считал семейные заботы мещанской возней. Ему можно было возвышаться, если обед всегда готов, жена принесет новый костюм вместо устаревшего. Самому остается только повязывать галстуки. Закидывать спиннинг, любоваться природой, чувствовать себя вольным современным казаком! Нет, дорогие, чтобы создавать нормальную семейную жизнь, надо работать, вкалывать, шевелиться. Его мать тоже перепутала время... Возомнила себя светской дамой, считала невестку слишком простых кровей, виновницей всех неудач своего утонченно чувствующего мальчика. Словом, докаркалась, аристократка перелицованная, мальчик бросил семью, нашел себе поэтессу. Она намного старше, тоже шестидесятого размера, полна запазуха грудей, полна юбка бедер. Верхняя челюсть вставная. Сочиняла сумрачные вирши насчет слепой жестокости судьбы, готовность припять удар кинжала, чтоб услыхать крик петуха, который означает начало вечного райского блаженства. Дама, правда, очень богатая, люди говорили, извела трех старых мужей, каждый оставил наследство. Имея средства, можно содержать мужей, пописывать стишки, слушать райского петушка!

Мама замолчала, словно опамятовалась, порывисто обняла меня. Хлюпнув носом, попросила забыть вздорную болтовню, просто немного распустила нервы. Сколько себя помнит, постоянно приходилось крутиться, давно надоело ловчить, доставать фирменное барахло. Ведь тоже живой человек, хочет спать спокойно, чувствовать себя женщиной! Она раньше, если припомнить, нечасто баловала меня нежностями, некогда было. Поэтому этот по-

рыв нежности, почти забытой ласки вызвал желание сладко пореветь. Едва смогла выговорить:

— Ты, мам, женщина кругом двести!

Она смахнула слезу, удивленно спросила:

— Чего двести, господи? Такие странные размеры!

— Мы так говорим... Это значит, что кругом фирма.

Мама сквозь слезы благодарно улыбнулась. Села около журнального столика, быстро успокаиваясь, щелкнула выключателем торшера. Наконец, продолжая начатый разговор, совершенно спокойно сказала:

— Ты, значит, очень хочешь, чтобы все было честно. Я тоже этого хочу. Но сначала давай посчитаем... Моя зарплата, плюс прогрессивка, иногда премиальные, минус подоходный. То да се, округляем, выходит примерно сто двадцать чистыми. За квартиру платить надо? Надо! Мыло, зубная паста, туда рубчик, сюда полтинник, как вода сквозь пальцы. А мы женщины! Ты сама знаешь, как чулки рвутся, будь они неладны! Мы как живем? Хорошо, плохо, бедно, богато?

Я озадаченно оглядела привычную обстановку. Паркет, польская мебель. Особой роскоши нет, вроде самое необходимое! Мама выслушала мой невнятный лепет, покачала головой. Мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевое, поэтому живем лучше, лучше многих... Красная рыбка, парная телятинка, фрукты круглый год обходятся значительно дороже свеклы, капусты, картошки для кастрюли обыкновенного борща. А прибавь верхнюю одежду, зимние сапоги, летнюю обувь. Ста двадцати рублей хватит, чтобы сошлись ответы всей этой житейской арифметики? И теперь мне решать, что делать дальше, как сейчас скажу, так будем жить! Я растерянно заерзала, впервые оказавшись перед необходимостью доказывать принципиальные слова поступками. Жила только ожиданием интересных встреч, высоких чувств, приятных ощущений. Словом, витала... Поэтому тогда меня больно ударила скучная необходимость узнавать цену мыла, пудры, туалетной бумаги.

— Не знаю, мам. А как другие?

Она неопределенно пожала плечами.

— Кто умеет работать, тот сам всего добивается честным трудом. Слабаки, неудачники вроде меня, убежденные подлецы душат совесть, делают левые деньги. Не время виновато, доча! Люди сами усложняют себе жизнь ленью, глупостью, жадностью, потом ищут причины оправдаться. Или без всяких оправданий считают

изворотливость достоинством, делают мелкие подлости привычными неписаными правилами. Вот смотри... Чтобы купить банку икры, надо оставить для девочек соседнего универсама бельгийские сапоги. Мы им, они нам, выгодно, удобно. Между собой иногда шутим, что покупатели только мешают работать.

— И что, везде так?

— Да кто его знает...

Вот тогда началась маета. Меня мучает беспомощность перед сложной маминой правотой. Житейски рассуждая, ясное дело, одной трудно тянуть семью, тут можно понять тряпичные махинации. Совесть настойчиво утверждает, что нечестность остается нечестностью, даже если вроде находятся, как говорится, смягчающие вину обстоятельства. Разум осторожно уговаривает погодить, расчетливо сравнить выгоды, неизбежные потери. Стоит только начать подсчитывать, тут как тут скользкие мысли: другие спокойно делают нечестную «прибавочную стоимость», выкинули дурацкий стыд, живут лучше многих. Внутри появился невидимый маятник, туда качнется — жалко удобств, сюда качнется — совесть мучает. Томит постоянная настороженность. Если тайна маминых махинаций раскроется, какой позор тогда будет, батюшки, люди станут пальцами показывать! С друзьями, наверное, можно обсудить этот сложный вопрос, но всегда останавливает одна веская причина... Я со стороны довольно бойкая девушка, но сама-то знаю: одно дело просто поболтать, другое дело говорить откровенно. Даже лучшей подруге нельзя открыться. Вита такая, сразу уважать перестанет.

Сама начала искать ответ.

* * *

Я училась, откровенно говоря, мало утруждая себя. Не хватало терпения долго листать учебники, когда вокруг шумел, манил большой интересный мир. В концертных залах выступали инструментальные ансамбли, картавили, шепелявили перед микрофонами эстрадные дипломанты неизвестно каких конкурсов. Ребята втихую доставали кассеты скандально популярных исполнителей местного масштаба, которые несли похабщину. Девочки приносили журналы, обсуждали фасоны платьев, костюмов, кофточек, юбок, брюк... Все это хотелось увидеть, услышать, прочитать, пощупать, прочувствовать!

Подходящий институт начала выбирать перед самым окончанием десятилетки. От школьного порога разбегалось множество дорог, цель человеческого существования четко определили уроки обществоведения: жить честно, упорно трудиться, приносить пользу стране. В общем, все это предельно понятно, хотя плохо представлялось конкретно. Тут еще весна, лопались почки деревьев, запах молодой листвы сладко кружил голову, сердце торопилось отсчитывать мгновения, взволнованное вечным чудом пробуждения природы, томительным ожиданием неведомого счастья. В день три раза перелистывала справочник, пересматривала названия факультетов наших городских институтов: химико-технологический, планово-экономический, санитарно-технический... Сколько было сомнений, переживаний, капризов!

Створка платяного шкафа, протяжно скрипнув, медленно раскрывается. На внутренней стороне дверцы прикреплено большое зеркало, там появляется отражение стройной девушки. Ну да, мое собственное... Умеренное питание, простенькие асаны сделали свое дело: фигура стала почти скульптурная. Желтая фирменная маечка, как положено, немного тесновата, чтобы плотнее прилегала, спереди красная надпись на английском, прочитать можно только пользуясь словарем. Красные буквы — красная сумочка, желтая маечка — джинсы песочного цвета, золотая цепочка — позолоченные ремешки чешских босоножек. Все сочетается, каждая деталь продумана, теперь полный порядок, хотя видимая простота такого хорошего вкуса нынче очень дорого стоит. Дима увидит, сразу упадет... Вот только веснушки, сквозь любую пудру проступают!

Я была гадким утенком, ребята дразнили рыжей, конопатой, убившей дедушку лопатой. Потом вообще запрыщавилась, начались всякие беспокойства. Мама успокоила, запретила давить угри, посоветовала освоить сарвангасану: лежа на спине поднимать ноги, поддерживая ладонями поясницу, ставить туловище вертикально. Эта асана успокаивает нервную систему, нормализует обмен веществ. Сейчас трудно сказать, помогли эти упражнения или наконец сами собой закончились возрастные изменения, но после шестнадцати лет гадкий утенок стал лебедем. Мне так кажется... Во всяком случае, именно тогда впервые почувствовала пристальное мужское внима-

ние. Бармин, помнится, первый этак непривычно оглядел меня всю, потом восхищенно скривился: «Ну ты даешь! Выросла... Врубенс!»

Он на год старше. Если откровенно, раньше дружили, вернее сказать, были знакомы только потому, что жили рядом. Бармин оканчивал спецшколу с преподаванием на английском языке, среди ребят нашей дворовой компании выглядел ужасным интеллектуалом: при любых разговорах всегда старался ввернуть заумные словечки, после которых невольно чувствуешь себя совсем темной идиоткой. Начитается стихов, потом цитирует их, насмотрится толстенных томов «Всеобщей истории искусств», потом восхищается работами старых мастеров. Нас, девочек, оценивающе оглядывал сверху вниз, снизу вверх, словно раздевал глазами, собираясь покупать, высматривал достоинства, отмечал недостатки. Парень средних физических данных, однако всегда хорошо одевается, затертым демократическим джинсам предпочитает строгие элегантные костюмы. Галстук обязательно, держит такой стиль. В волосах четкий пробор, изысканно непринужденные манеры, словно воспитывался французскими гувернерами. Четкость суждений, холодная ироничность, небольшая мушкетерская бородка скрывает постоянную насмешливую улыбку, словом, полный комплекс полноценности! Удивляться нечему: единственный наследник директора комбината, обеспечен полностью, поведение соответственное. Была, правда, всего одна странность... Совершенно неожиданно выбрал профессию санитарного врача. Нет, конечно, любой труд почетен, однако непонятно, почему такой перспективный парень решил, что рожден для проверок санитарного состояния улиц, рынков, магазинов!

Не было, откровенно говоря, между нами никаких отношений, кроме дружеских. Причина предельно ясна: студент даже первого курса — почти взрослый человек, школьница даже выпускного класса везде считается наполовину ребенком. Просто после его комплиментов стала шутливо называть парня «любимым». И, конечно, каждой девушке моего возраста хочется иметь своего личного «любимого». Бармин, во всяком случае, взрослее, интереснее грубоватых, с ломкими голосами и намеками на усы одноклассников, которые, как и я, обо всем судят в пределах школьной программы, туманно представляют свое будущее. Бармин, видимо, всерьез принял шутливое обращение, игривые взгляды посчитал проявлением силь-

ной сердечной страсти, поэтому прошлой осенью снизошел, обратил снисходительное внимание на меня, словно одаривал щедрой милостыней.

Помню, впервые пригласил меня домой послушать модные записи... Сразу ошеломили стены прихожей, отделанные красным деревом, дорогой узорчатый паркет, этакой настоящей, респектабельной состоятельностью повеяло. Лика Тимофеевна, мать Бармина, внешностью соответствовала обстановке: холеная моложавая дама в роскошном домашнем халате. Она любезно улыбалась яркими, накрашенными блестящей импортной помадой губами, некоторое время примеряла выражения, наконец выбрала сюсюкающее умиление, как при виде забавной непородистой собачки, неизвестно почему понравившейся сыну. И говорила, говорила... О том, что молодость, только молодость главное богатство женщины. Восхитилась моими жесткими разлохмаченными волосами, дескать невесть какими красителями добиваются такого модного рыжего цвета, посоветовала вместо шампуни употреблять яйца — волосы потом становятся блестящими, послушными, эластичными.

Бармин тогда купил японскую двухкассетную магнитолу высшего класса, страшно гордился, будто этот аппарат добавлял ему значительности. Нет, чего говорить, вещь стоящая. Мать потом пригласила нас пить вечерний чай... В гостиной невиданная белая мебель, желтым золотым блеском отливали резные ручки, отделка ящичков, разных шкафчиков, стены оклеены под шелк. Лика Тимофеевна осторожно расставляла чайный сервиз, благоговейно оглядывала каждую чашку, восторгалась свойствами фарфора: какая нежная белизна, изящная законченность форм, синяя кобальтовая роспись создает праздничное настроение. Надо, значит, заметить, что дорогие красивые вещи особым образом служат человеку, воспитывают, формируют, облагораживают вкус. Я не знала, куда девать руки, боялась тронуть чашку, про себя мучительно соображала, что надо зарабатывать кучу денег, чтобы иметь такой хороший вкус. Поэтому, наверное, сначала рассеянно пропустила мимо ушей вопрос насчет моих дальнейших планов, про это обыкновенно спрашивают всех десятиклассников. Смущенно заерзала: дело было осенью, учебный год только начинался. Лика Тимофеевна заметила мое смущение, успокаивающе сказала, что для видненькой девушки это, как говорится, второй вопрос. Люди, кажется, наконец начали понимать, что женщине

достаточно прожить заботливой женой, доброй матерью, только этим существование полностью оправдывается. Я подумала, что, имея средства, большую четырехкомнатную квартиру, заботливой жене действительно вполне хватает хлопот, чтобы доставать роскошную мебель, узорчатый паркет, хрустальные люстры, редкой красоты чайные сервизы, самой выглядеть молодой прелестной женщиной. Она словно прочитала мои мысли, довольно оглядела гостиную, утвердительно кивнула головой:

— Так сейчас можно жить только при хорошем муже. У тебя неплохие внешние данные, мужчинам нравятся такие стройненькие девушки. Не промахнись, сразу выбирай выгодную партию... Или, как некоторые молоденькие дурочки, завистливо ненавидишь деньги, комфорт, благополучие?

Я не сразу сообразила, как лучше ответить.

— Не хочу, чтоб такой ценой!

— А ты думала, все само собой достается, как манна небесная падает! Нет... — Она снисходительно вздохнула, словно прощала детскую наивность. — Так устроена жизнь; одна мама любит тебя бескорыстно, только за то, что ты есть. Со всеми остальными приходится расплачиваться дружбой, деньгами, вниманием, услугами.

Тут вошел отец «любимого». Крупное бесстрастное лицо, холодные уверенные глаза, сильные покатые плечи обтягивала домашняя стеганая куртка, подпоясанная витым шнуром. Сурово осмотрел меня, словно взвесил взглядом, молча развернул газету. Лика Тимофеевна тут же стала рассказывать, что они тоже простые люди. Она вообще деревенская, часто вспоминает трудное босоногое детство. Отца, колхозного конюха, запах дегтя, свежего навоза, скрип снега под полозьями розвальней, овчинные полушубки, которые теперь называются дубленками. Отец приучал детей честно выполнять самую черную работу, приходя вечером домой, сразу спрашивал старшего сына, как тот почистил гнедую кобылу, если плохо почистил, брал вожжи, начинал пороть всех подряд... Это, сейчас можно определенно сказать, было самое хорошее, самое светлое время жизни. После легкой беспечности молодости неизбежно приходят откровения зрелого возраста, когда приходится открывать горькие истины: годы безвозвратно уходят, люди вокруг становятся расчетливее, все больше надо платить, чтобы обеспечивать надежное семейное счастье. Отец, опустив газету, досадливо помор-

щился, словно слышал все это сто раз, только сейчас решил наконец ответить:

— А тебе все мало... Змею тебе надо!

Бармин часто приглашал меня покататься на машине. Ему совсем недавно исполнилось восемнадцать, без водительских прав раньше ездил. Гаишники редко останавливали, если иногда задерживали, тоже ничего страшного, отец быстро улаживал такие мелкие неприятности. Бармин любил загородные поездки, там чувствовал себя полным хозяином: гнал почти посередине дороги, легко обгонял попутные грузовики, встречные сами услужливо теснились. Как говорится, автомобиль давно стал привычным средством передвижения, вроде ничего особенного. Но меня этот широкий, приземистый лимузин цвета морской волны сразу делал совсем другим человеком: стоило только открыть дверцу, возникало сладостное ощущение собственной значительности, улетучивались мелкие переживания, сомнения, неуверенность. Движения делались элегантно небрежными, этак высокомерно поднимались брови, особенно когда прохожие останавливались, изумленно разглядывали невиданную ненашенскую машину. Потом изумленно глазели вслед, пальцами показывали друг другу заднее стекло, там наклейки такие, будто пулевые пробоины: четыре дырочки, вокруг веером расходятся тонкие трещинки.

И на даче вместе проводили свободные майские денечки. В сосновом бору высоким бетонным забором огорожен большой участок, между высоких стройных сосен шикарный двухэтажный особняк. Внутри отделан пластиком, деревом, вместо ванной небольшой бассейн. Наверху спальни, обставленные югославской мебелью, комната «любимого» оборудована скромным польским набором, который игриво называется уголком отдыха, хотя стоит восемьсот семьдесят рублей. Лес, тепло, запах нагретой хвои, высокие удобные кресла, обитые мягкой замшей, хорошая музыка, дорогие сигареты... Я, откровенно говоря, плохо переношу табачный дым, курила больше для вида, упиваясь жутковатым восторгом, какой обыкновенно сопутствует запретным радостям. Приближались выпускные экзамены, возникала необходимость выбирать профессию, справочник помогал плохо, поэтому однажды незаметно разговорились. Вот, дескать, какая несправедливость: определять жизненную дорогу приходится, когда еще нет ума. Или тут наследственность сказывается, поэтому сейчас, скажем, артистами становятся дети попу-

лярных актеров, режиссеров, других деятелей искусств, одинокие продавщицы могут вырастить только несерьезных растреп вроде меня.. Под настроение меня неудержимо понесло, все свои переживания выложила начистоту, про мамины тряпичные махинации откровенно рассказала.

Бармин тогда сидел возле открытого окна, лицо пятном выделялось посреди заголовника высокого кресла. Молча слушал, пуская аккуратные дымные колечки. Потом расслабил узел галстука, поглаживая свою бородку, немного снисходительно заговорил... Это, значит, возрастное, скоро пройдет. Сам раньше тоже пытался отыскивать разумные логические объяснения, убежденно считал: что понятно ему, всем тоже понятно, черное — черное, белое — белое, нужно совершать только хорошие поступки. На самом деле жизнь вроде сборной солянки, намешано всего понемногу: бесчисленные комбинации взглядов, вкусов, желаний, пороков, слабостей, характеров, нервных систем. Хотелось думать, что все недостатки имеют объективные причины, или неизвестные нам, или недоступные простому пониманию, так как при простом житейском объяснении возникает слишком много странных противоречий. В спецшколе достаточно хорошо убедился, что прошло время, когда гордились пролетарским происхождением, всеми благами нынешней жизни пользуются мясники, завбазами, работники автосервиса, «короли» мелких бытовых услуг. Три четверти одноклассников были детьми таких господ, имели самые модные импортные тряпки, карманных денег тратили больше, чем зарабатывали учителя. Они все сейчас студенты университетов, самых разных институтов, хотя учились, как говорится, ниже среднего, понятное дело, опять денежные предки помогли устроиться. Инженерами станут, дипломированными специалистами... Вот, значит, такой получается расклад: пробивные родители воруют, занимаются спекуляцией, делают другие подлости, потом получившие образование дети займут доходные места, будут большими руководителями, заведующими, директорами. Бармин обвел глазами обставленный польской мебелью уголок отдыха. Красиво... Выразительно похлопал подлокотник кресла. Удобно... Показал пачку фирменных сигарет, которые стоили полтора рубля пачка. Приятно... Надоело искать всему разумные объяснения, усложнять существование ненужными волнениями, бесполезными попытками сделать жизнь честной, правильной, принципиальной. Как

нормальному современному человеку, который немного умеет думать, ему для полного счастья вполне хватит трех ключей. От своей дачи, личной машины и трехкомнатной квартиры.

* * *

За густым, аккуратно подстриженным кустарником гудят автомобильные моторы, изредка повизгивают тормоза, приглушенно шумит скрытый деревьями фонтан перед институтом. Дима молча сидит рядом, скорбно опустив сильные плечи, давит локтями свои колени. Мне сбоку видна крепкая шея, крутой твердый подбородок, широкая дужка очков. Ему хорошо, никаких проблем! А тут сплошные неудачи... Все утро собиралась, в приподнятом, радостном настроении побежала сдавать устную математику, но возле самого подъезда проглядела глубокую трещину в асфальте, которую раньше всегда переступала, и сломала каблук. Делать нечего, пришлось возвращаться, менять босоножки, хотя всем известно, что возвращаться — плохая примета!

Этот институт выбрала смешно сказать почему: близко находится, всего несколько троллейбусных остановок проехать. Мама одобрила выбор — работа спокойная, сейчас экономисты почти повсюду женщины. Первый экзамен поехала сдавать смело, тогда терять было совершенно нечего. После пятерки появилась надежда поступить, поэтому плохая примета тайно взволновала. Потом настроение окончательно испортила молодая экзаменаторша. Вроде строгая, прямо синий чулок, взгляд такой ощутимо холодный, однако когда увидела меня, вдруг громко протяжно прыснула, словно неосторожно хватила горячего. Этот смех снова всколыхнул недобрые предчувствия, растерянность окончательно распрямила мозговые извилины, формулы сразу забылись, правила беспорядочно перепутались. Дима сдавал экзамен передо мной, вдвое быстрее отчитался, чем другие ребята, как говорящий автомат уверенно отбарабанил теоремы. После такого ответа, понятное дело, мой жалкий лепет только расстроил экзаменатора, она для приличия задала несколько дополнительных вопросов, потом поставила оценку, соответствующую моим знаниям. Или, вернее сказать, соответственно незнанию...

Дима поправил очки, трагическим шепотом сказал:

— Я во всем виноват!

— Ты ни при чем... — Хочется отчаянно зареветь, сдерживает только боязнь размочить краску на ресницах. — Я еще письменную математику должна была провалить, так что мне обижаться нечего. — Прописные истины плохо успокаивают, нужно настоящее веское оправдание, поэтому решительно говорю: — Главное, совесть теперь чиста! Стоит, наверное, однажды дуриком пролезть, потом только держись. Это как зубная паста... Выдавить просто, обратно вдавить никак. Что — нет?

— Это точно, насчет совести. Лучше, когда честно.

— Вот! Сам говоришь... А на что меня толкал?

Дима часто недоуменно заморгал:

— Я?.. Тебя?.. Когда?..

— На письменной математике, когда взялся помогать, свое джентльменство начал показывать. Да, да! Теперь понимаешь, какую делал медвежью услугу... — Хорошо понимаю, что все наоборот, напрасно обвиняю парня, поэтому меняю тон: — Да ладно! Мне ведь билет попался совсем легкий. Это экзаменаторша расстроила своим хиханьем. А в самом деле, что она так развеселилась?

Дима раздраженно пожал плечами:

— У нее надо спросить... — Поправил свои массивные квадратные очки, потом внимательно оглядел меня. — Слышь, как будет по-английски... Точно! У тебя на груди написано: «Хочу мужчину!»

Сразу показалось, будто красные буквы медленно раскалились, прожгли тонкий трикотаж, больно припекли тело клеймом дремучей дурости. Ведь было, утром некоторые прохожие удивленно оглядывали надпись, потом покачивали головами. Так нет, тогда думала, что они завидуют или восхищаются моим тонким вкусом. Стыд выдавил давно сдерживаемые слезы, кустарник стал расплываться, заколыхался зелеными волнами. Дима вздохнул, растерянно зачастил:

— Ира, погоди, успокойся... Ну ты рева-корова, честное слово! Так хорошо держалась, и на тебе. На будущий год поступим, вместе будем готовиться. От зубов эти функции двойного аргумента отскакивать будут!

Нет, мама права, мужчины странный народ! Дима думает, что слезы вызваны провалом экзамена. Чего говорить, глупо срезалась... Правда, сейчас мучает, даже злит другое. Для него целое утро чепурилась, ему хотела понравиться, теперь глаза щиплет, растекаются ресницы. Щеки покрываются полосами, словно вместо слез катятся, катятся синие чернила. Зеркальце прыгает перед глаза-

ми, видны плаксиво искривленные губы, усыпанный веснушками припухший нос. Дима достает носовой платок.

— Сиди смирно, плакса!

Ласковые нотки вызывают новый поток слез, становится сильным желание похныкать. Дима совсем растерялся, неумело погладил мое плечо. Потом осторожно коснулся губами глаз, словно таким образом хотел осушить. Какой милый парень... И сильный, просто ужас! Обнял, словно обручем сдавил, сладко закружилась голова, тело податливо расслабилось. Вспомнилось ощущение первого нечаянного поцелуя, тогда тоже быстро сомлела, ноги сразу сделались ватными.

— Ира, пусти, люди ходят!

Я вздрогнула, быстро оглянулась.

— Нет тут никого, это фонтан шумит.

Дима снял очки, начал протирать стекла. Я тоже почувствовала досадливое отрезвление, необходимость снова подкрашивать ресницы, говорить всякие ненужные слова. Вот что странно: самые мелкие неприятности, словно острые занозы, надолго портят настроение, самое хорошее быстро заканчивается, оставляет горькое ощущение потери. Опять хлюпнула носом... Дима снова обнял меня, принялся высушивать слезы губами, приятным проверенным способом. Очень милый парень, хотя поначалу выглядел затурканным примерным поведением.

Впервые приятно удивил, когда начали вместе заниматься.

С ним легко, не то что с Барминым. Тот считает меня глупой девчонкой, которую стоит только пальцем поманить, побежит вприпрыжку. И мне хотелось позлить его. Вот и дождалась момента. Тогда, на пляже, после моего поцелуя с Димой, он страшно обиделся, даже разговаривать перестал, прямо семейная ссора!

Второго августа, после письменной математики застал нас вдвоем посреди пляжной полянки. Бог знает как пронюхал, куда надо ехать. Сначала показывал благородство, достал сигареты. Дима отказался. Бармин пожал плечами:

— Ну как хочешь. А то как раз для тебя, вот тут написано: «Вени, веди...» Пришел, значит, увидел... И не куришь! А у меня одно успокоение, что травлюсь патриотически. Покупаю «Мальборо» только кишиневского производства.

Вовчик, ерничая, долго обнюхивал пачку.

— Ты гляди, точно, маде ин Кишинэу! А на вид как

настоящие... — начал дурачиться. — Эх, да кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет. И давайте договоримся, чтоб сегодня все культурно. А то прошлый раз раздухарились, посуду начали бить, которая тоже денег стоит!

Для него деньги больной вопрос. Всегда стеснялся своей неустроенности, бедной одежды, пустых карманов. Потом научился выкручиваться. Нам говорил, перебивается случайными заработками. Мне всегда казалось, занимается темными делишками: часто ходил избитый, надолго исчезал, потом домой милиция доставляла.

Вита попыталась оценить прошлую стычку на пляже:

— Ирка виновата, первая тогда стала приставать. — Оценивающе оглядела мой купальник, удовлетворенно кивнула. — Класс! Только совсем бесстыжий, как голая стоишь, срам смотреть!

Нет, она добрая. Просто такой характер: привыкла воспитывать сестренок, поэтому незаметно выработались замашки классной дамы. Костю совсем затуркала... Он здесь самый старший, взрослый самостоятельный парень. Раньше ужасно тяготился своей полнотой, перед армией даже голодал. Может, поэтому характер такой, немного замкнутый, слово клещами вытянуть невозможно. Виту провожает глазами преданного пуделя, постоянно ожидающего, когда хозяйка швырнет палку, чтобы тотчас принести обратно. Для него, вполне вероятно, большое счастье получать строгие замечания сбрить под мышками, чтобы меньше потело, потуже затягивать ремень брюк, иначе живот обрывает пуговицы рубашек. Меня такая бесцеремонная простота раздражает, сразу чувствую себя котенком перед нечаянной лужицей, куда ткнули носом. Если одни, можно перетерпеть, когда вокруг люди, это просто невыносимо! Словом, купальник бесстыжий, срам смотреть... Сквозь навернувшиеся слезы увидела «любимого»: мстительно отвернулся. Дима один понял меня, накрыл своей рубашкой. Коротко буркнул, что солнце сегодня горячее, можно и обгореть.

Снова почувствовала себя человеком.

Бармин был растерян, на Диму поглядывал как на соперника. Я его уже видела однажды таким, это было, когда вдвоем возвращались домой после дачного отдыха... Как обычно, обгоняли фургоны, грузовики, заставляли шарахаться к обочине встречные серийные легковушки. Мотор неожиданно заглох, сразу стало непривычно тихо, внутри салона нервно билась рваная мелодия джаза,

словно магнитофону увеличили громкость. По инерции машина немного прокатилась, потом неподвижно, словно неживая, замерла. Бармин, досадливо морщась, вертел ключ зажигания, давил ногой педаль, под капотом раздавалось нудно визгливое металлическое завывание. Потом раздраженно приглушил магнитофон, пощипывая свою бородку, унылым голосом сказал, что влипли капитально, для него техника темный лес, умеет только управлять. Выбрался наружу, оставив дверцу раскрытой, нервно закурил... Мимо пролетел, басовито прорычал мотором грузовик, остановился впереди, будто после недолгого раздумья задним ходом приблизился. К нам подошел высокий худой парень, весело поблескивающими светлыми глазами заинтересованно оглядел заморскую машину, элегантный костюм, бородку «любимого». Как солдат гимнастерку, одернул брезентовую, видом напоминавшую штормовку рабочую куртку, хрипловато выговорил, приветливо вскинув крупную темную ладонь:

— Гуд бай, мистер, хау ду ю ду!

Бармин коротко кивнул:

— Привет!

— А я подумал, иностранец загорает. — Парень хохотнул. — Такая мировая тачка! Ну давай поглядим, может, на пару найдем искру... — Привычно пнул переднее колесо, жестом попросил открыть капот, подмигнул мне. — Ты, любочка, тоже помогай, заверни музыку погромче, все сейчас будет тип-топ!

— Это рок... — с неожиданной угодливостью подсказал «любимый», растерянно наблюдая, как шофер склонился над мотором, темными пальцами трогал проводки. — Ансамбль «Роллинг Стоунз».

Парень охотно отозвался:

— А по мне так один хрен, лишь бы громко было. Этих «роллингов» сейчас столько развелось, всех упомнить невозможно. И наши бараны тоже туда, все поют на один манер бабскими голосами и дрыгаются, как микробы под микроскопом... — Задумчиво осмотрел мотор, словно проверял свою работу, тыльной стороной ладони вытер щеку. — Ну вот, шеф, полный порядок, жми дальше. А мне дай-ка в зубы, чтоб дым пошел. Закурить, говорю, дай, мои кончились.

Бармин, протягивая сигареты, спросил:

— Сколько должен?

— Чего сколько? — спросил шофер, жадно затянувшись дымом, потом вдруг насупился. — Ты что, действи-

тельно нерусский? Трасса здесь, понимаешь, мы за помощь деньги не берем. Ну будь здоров, «Роллинг», не кашляй! Ам сори, гуд найт, арривидерчи, Рома!

Мотор сразу завелся, наша машина снова понеслась почти посередине широкой трассы. «Любимый» сидел развалясь, небрежно держал оплетенный руль, но уже не казался мне прежним уверенным хозяином дороги.

И на этот раз ему не хватило хладнокровия.

— Нет, гляди, какой молодец, — кивнул в сторону Димы, — ловко увел девочку. Она, понимаешь, накупалась его духовной пищи, сразу забыла, как он недавно срывался отсюда... — Прищурившись, оглядел меня, сквозь зубы процедил: — Прочь, прочь, слеза позорная, кипи, душа моя! Твоя измена черная понятна мне, змея. Я знаю, чем, утешенный, по звонкой мостовой вчера скакал, как бешеный, татарин молодой.

Дима спокойно принял этот подлый выпад:

— Против троих заводиться бессмысленно. Себе дороже выйдет, это даже верблюду понятно. А вот честно побороться можно попробовать. Со всеми сразу, могу прямо сейчас... Если один круг продержусь, ты извинишься перед девушкой, возьмешь свои слова обратно.

* * *

Я поздно пришла домой. Мама заканчивала обычные вечерние упражнения. Наконец села, скрестив ноги, назвала меня бессовестной. Она изволновалась, давление почти трансформаторное, верхнее двести двадцать, нижнее сто двадцать семь. Не спрашивая, чем закончился экзамен, молча встала, открыла ящик серванта, где хранились семейные документы, достала тонкую синюю книжечку. Она говорила, что окончила химический факультет университета, диплом показывала впервые. Поправила волосы, непривычно взволнованно заговорила... Могла получить красный диплом, совсем немного не дотянула. При беременности другие брали академические отпуска, она считала себя двужильной, продолжала учиться, тогда нахватала четверок. Подружки вечерами бегали танцевать, она как гусыня: едва ходила, тяжело переваливалась, смех поглядеть! Вот только зачем? Когда была молоденькой, тоже считала диплом гарантией полного счастья, однако жизнь оказалась значительно сложнее. Девочки, университетские подруги, и сейчас дру-

жат, регулярно собираются... Она усмехнулась: были девочки.

Настенные часы мелодично пробили, отсчитали десять ударов. Мама молча проследила, как раскачивался круглый желтый маятник. Вправо, влево, снова вправо... Потом вздохнула: только одной подруге можно позавидовать. Это про нее пословица: не родись красивой, а родись счастливой! На кафедре аналитической химии сразу оставили стажером, потом начала преподавать. Наверное, давно защитила кандидатскую диссертацию, а это сейчас просто делается там, где своя рука владыка. Сыночек взялся неизвестно откуда. Кто отец, осталось тайной, одна воспитывала мальчика. Потом удачно вышла замуж. Он, правда, шофер междугородных перевозок, зато крепкий, надежный мужчина. На нее богу молится, вот какой дорогой подарок судьбы! Остальные обыкновенные толстые тетки, замороченные магазинными очередями, семейными заботами. Мама обеими руками огладила талию, тяжело вздохнула:

— А в молодости все убежденно верили, что рождены для большего, чем эта нудная житейская канитель. Так что тебе нечего расстраиваться. И иди умойся, взрослой девушке неприлично ходить такой чумазурой!

В зеркале действительно отразилось невесть какое страшилище: щеки разрисованы синими потеками туши, рыжие волосы беспорядочно растрепаны. Как ведьма, честное слово, после экзамена потащилась развлекаться, наверное, своим видом пугала отдыхавших граждан возле «американских горок». Диме теперь будет что вспомнить, чтобы весело посмеяться! Невольно шмыгнула носом:

— Да, не расстраивайся, легко сказать!

Мама закрыла диплом.

— Нет, доча, нелегко... — Снова оглядела синие твердые корочки. — Это моя молодость, мечты, надежды. Все чистое, искреннее, если хочешь, все самое настоящее. Вот сижу здесь сытая, довольная, могу иметь все, чего только душа пожелает. Даже вроде жалею бывших однокурсниц: инженерши несчастные, задерганные кандидатши наук! А если разобраться, сама достойна жалости. На девичниках, откровенно говоря, боюсь показываться, чувствую себя там как посреди горячей сковородки. Они, господи, друг перед другом: кто как живет, где что куплено. А мне приходится юлить, выкручиваться. Голгофа! Иногда хочется вывернуть душу наизнанку, хорошо пропылесосить,

начать жизнь сначала. Вот только возраст мешает, привычки стали устойчивыми, мучает боязнь наделать новых ошибок.

Мне удалось невпопад вставить:

— Все, мам, вдвоем начнем новую жизнь!

Она невидяще глянула, затеребила отвороты халата.

— Мое время прошло, под уклон теперь катится. Часто мысленно перетряхиваю прошлое, хочу наконец отыскать прореху, сквозь которую незаметно растеряла себя прежнюю. Я ведь деревенская, огонь была девка, под руками все горело, под ногами асфальт плавился. Вот рок нынче почти классика. А мы за него, господи, сколько всего переслушали! На костях музыку записывали... Из рентгеновских снимков делали пластинки. За узкие юбки получали комсомольские взыскания. Но мы не только танцевали! Мы еще думали. Искренне клеймили позором тунеядцев. Горячо защищали абстракционистов, пытались понять шизофреническую цветную мазню. Безумно радовались первым космическим полетам, организовывали первые студенческие строительные отряды... Словом, искали пути самоутверждения, интересное было время. Наши ребята сейчас остепенились. Одни двигают науку, другие руководят большими предприятиями, третьи стали крупными партийными работниками.

— А давай начнем сначала. Я уже взрослая. Значит, на пару пробьемся... Создадим новый этот, как его, семейный хозяйственный механизм. Прогоним перекупщицу. Тебя устроим работать химиком.

Мама скорбно поджала губы:

— Я уже химик только пробирки мыть. Все уже перезабыла, слишком много прошло времени, мне сейчас проще выучиться фигурному катанию. Ты тоже, хотя выросла, еще глаза врастопырку. Для тебя сегодня детство закончилось, взрослой станешь неизвестно когда. Ведь экзамены завалила... — Она махнула рукой, упреждая ненужные объяснения. — Я сердцем чувствовала, что провалишься. Вроде неглупая девочка, только голова забита всякой всячиной: хиханьки, хаханьки, мальчики, танцульки. Я в этом тоже виновата, при такой нервной суете какое воспитание! Ну да ладно... Иди пей свой кефир, будем укладывать чемоданы. Мне тут повезло, удалось сделать парочку путевок. Для нас действительно наступает новая жизнь, обеим необходимо хорошенько отдохнуть!

Как можно спокойнее говорю:

— А вот честно побороться можно попробовать. Со всеми сразу, могу прямо сейчас... Если один круг продержусь, ты извинишься перед девушкой, возьмешь свои слова обратно.

Бармин пригладил бородку:

— Что такое круг?

— Одна схватка, четыре минуты.

С троими бороться почти бессмысленно, здравый смысл осторожно нашептывает, что все еще можно переиграть, просто сменить тему разговора. Бармин, распаленный ревностью, меня попутно зацепил колким стишком. Поделом дураку: надо было сидеть дома, спокойно повторять тригонометрические правила. Так нет, девчонка вильнула подолом мадеинового платья, — бросил учебники, вприпрыжку побежал следом. Они сами между собой разберутся, хотя этот студент здорово перегнул палку. Как это? «Твоя измена черная понятна мне, змея. Вчера скакал, как бешеный, татарин молодой!» Зло берет, честное слово, отношения начинены обиходным хамством, против которого нечем бороться. Увещевать прописными истинами бесполезно, отвечать хамством противно, доказывать правоту кулаками вообще нехорошо. Тут такая странность: если задирается злостный хулиган, вроде вполне естественно, что воспитанный человек должен терпеть, хотя этот стишок стоит того, чтобы бросить парня через бедро, потом наказать болевым приемом. Ира восхищенно охнула, коричневые глаза заблестели в ожидании зрелища. Она нас, если разобраться, столкнула лбами, теперь беззаботно радовалась. Бармин странно посмотрел, словно давно ожидал предложения побороться, медленно расслабил узел галстука. Костя поднялся. Вовчик длинно снисходительно сплюнул:

— Ты, начальник, сильно зарываешься!

Вита громко осуждающе заговорила:

— Вы что, совсем чокнулись? Костя, уймись, серьезно говорю! Такой медведь, машину поднимаешь... — Она возмущенно притопнула длинной ногой. — Ты же просто покалечишь этого борца!

Я осторожно уточнил:

— Как это машину поднимает?

— А так... За бампер, вместо домкрата однажды держал, пока ребята меняли колесо! — Вита оглядела меня,

потом жалостливо вздохнула. — Эта глупая борьба, между прочим, тебе может дорого обойтись. Если зубы сейчас стоят рядочком, потом будешь держать кучкой!

Вовчик азартно хохотнул, предвкушая веселое развлечение, узлом завязал спереди полы своей оранжевой рубашки. Костя вздохнул, согласно кивнул большой лобастой головой, признавая полнейшую глупость предстоящей схватки. Этот парень здесь самый крупный, внешне выглядит самым старшим, все время молчит. Бармин заметил этот жест приятеля, презрительно скривился, расценивая нежелание бороться откровенной трусостью, вполголоса значительно сказал:

— Тут уже дело принципа!

Он упорно, сознательно добивался этой схватки, поэтому ударил наверняка: при девушках любому парню стоит только намекнуть насчет трусости, сразу пойдет вразнос, чтобы доказать обратное. Костя торопливо снял часы. Вита устало махнула рукой:

— Это дело ваше. Да мне что, больше всех надо нервы себе трепать! Вы тут хоть совсем раздеритесь. Ирка, чего молчишь? Скажи, может, тебя послушают.

— А что, пусть... Но чтоб честно!

Это все, отступать поздно. Тянуть нечего, пора начинать... Снимаю, отдаю девушкам очки, слегка пригибаюсь. Борцовская стойка сразу вызывает знакомое нервное возбуждение, обыкновенное перед началом схватки. Иду навстречу ребятам, делаю ложный выпад, показываю нетерпеливое желание бороться. Этот психологический маневр подействовал, парни дрогнули, нерешительно попятились. Костя, видимо, показывая свою смелость, раздвинул опешивших приятелей, словно соломенные снопы, проворно метнулся понизу. Замысел понятен: решил стреножить, чтобы остальные потом повалили. Ловлю вытянутые руки парня, сильно дергаю на себя. Костя пролетает мимо, вспахивая сухой песок. Вовчик пригладил серые усишки, воинственно подпрыгнул, цепко ухватил мою левую руку, но удобно подставил ноги для подсечки, и я бью его под колено. Ну что, пока порядок, как говорится, нормальный ход!

Вовчик быстро вскакивает, словно внутри разжалась стальная пружинка, снова резко кидается. Совсем близко вижу злые бесстрашные глаза, самую малость паренек не дотянулся, чтобы ударить лбом. Это известный подлый приемчик, таким можно сразу разбить нос. За подлость надо наказывать! Вовчик легкий, после сильного броска

через бедро улетает далеко. Пусть остынет, немного одумается... Костя сидит, недоуменно вертит головой, машинально отряхивает голубой батник.

Бармин остается один. Без поддержки приятелей сразу сник, начал беспомощно оглядываться. Глаза забегали, куда только подевалась недавняя насмешливая снисходительность. Ведь вроде сильно хотел побороться. Этого парня классически бросаю через грудь, как учебный тряпичный манекен. Кажется, малость переусердствовал: мелькнули модные мокасины, громко хрустнули ветки. Даже немного жалко стало, будто незаслуженно обидел человека.

Тут сильные руки сзади обхватывают плечи, тяжело тянут вниз, хватка действительно медвежья. Резко нагибаюсь... Костя, одышливо хэкнув, упал передо мной. Брызнули, отскакивая, пуговицы, батник распахнулся, открыл волосатый живот. Вовчик успел подняться, выставил руки, словно хочет схватить горло. Его перебрасываю через себя, оранжевая рубашка ярким пятном распластывается возле крайнего топчана.

Вот так возиться надоело, тщеславное удовлетворение, возникшее после первых бросков, сменяется сожалением. Вместо борьбы получается суетливая свалка, поведение ребят заметно меняется, игривый азарт становится угрюмой мстительностью. Невинная затея потешить дурацкое самолюбие медленно становится драчливыми выходками... Бармин озлоблен, ожесточенно пытается ударить ногой, едва успеваю поймать замшевый мокасин, резко дернуть вверх. Парень нелепо кувыркнулся через голову. Порываюсь рассудительно вразумить других:

— Не дело, ребята... Психовать начинаете!

Вита беспокойно выкрикнула:

— Время, время вышло!

Бармин поднялся, пригладил волосы:

— Леди энд джентльмены! Надо признаваться: этот атлантид нас всех победил. Будем поздравлять... — Приветливо раскинул руки, хотя глаза оставались взбешенно холодными. — Как сказал поэт, приди ко мне, любезный друг, под сень черемух и акаций, чтоб разделить святой досуг в объятьях мира, мух и граций!

* * *

Громкий треск, пугающе усиливаясь, становился грохотом. Сон, конечно, отлетает... Резко вскакиваю, распа-

хиваю балконную дверь. По дороге мчится гоночный мотоцикл. За рулем парень, затянутый блестящей кожей, под световыми пятнами фонарей мелькает белый фасонистый шлем. Мотоцикл басовито ревет, пенными брызгами раскидывает мелкие лужицы, быстро удаляется, грохот эхом бьется между домами. Облегченно вдыхаю свежий, влажный после недавнего дождя ночной воздух. Светящиеся стрелки циферблата показывают половину второго. Проспал, выходит, около трех часов... Снилась всякая беспокойная ерунда, глупая пляжная возня трехдневной давности. Мама, наверное, накрыла одеялом, пожалела вконец измотанного экзаменами сынулю. Хотя жалеть меня теперь нечего. Сам сломал свою судьбу, бесповоротно провалил вступительные экзамены, потом полдня осваивал аттракционы городского парка культуры. Словом, истерически веселился, такое состояние бывает, когда уже все потеряно, можно только показной бесшабашностью отгонять удушливые приступы отчаяния. Сейчас возбуждение прошло, нервы успокоились, голова остыла, хочется снова заснуть, чтобы проснуться вчера, исправить нелепые ошибки.

Ира пришла сдавать устную математику расстроенной. Оказалось, сломала каблук. Большое дело, когда решается судьба! Вообще трудно понять этих девчонок. Я, откровенно говоря, здорово волновался, хотя суеверный абитуриентский страх давно прошел: после первого экзамена конкурс заметно уменьшился, шансы поступить возросли. И ведь мог, мог вчера получить свою вторую пятерку. Надо было всего ничего, только откровенно сказать правду, когда экзаменатор положила передо мной две письменные работы, выполненные одним почерком. Она молодая миловидная женщина, участливо смотрели темные продолговатые глаза, высокие брови вопросительно выгнуты, голос звучал доверительно, даже немного растерянно. Сама поступила только после третьего захода, тогда считала всех экзаменаторов мрачными людоедами, мечтающими несправедливо занизить абитуриенту оценку. Поэтому сейчас боится сделать ошибку. Хотела показать работы коллегам, потом передумала, вокруг вступительных экзаменов всегда столько нездорового ажиотажа! Осуждающе покачала головой:

— Вы, надо сказать, тоже хороши! С одной стороны, здесь явная нечестность. С другой — понятное желание выручить друга. Или подругу... У вас что, разделение труда: один решает, другой пишет?

Ее откровенность заставила сознаться:

— Да нет, все один делал.

— Вы или она? — женщина понимающе улыбнулась. — Я не собираюсь проводить расследование. Достаточно попросить вас написать несколько слов и сравнить почерк. Мне важно знать, кто решал. Хочу сохранить объективность. Тот, кто выполнил обе работы, математику знает, ему можно сразу ставить пять баллов. И поставлю, верьте моему слову! Но второго придется опрашивать пристрастно, определять фактический уровень знаний.

Я уныло оглянулся. Ира сидела неподалеку, невидяще смотрела перед собой, закусив нижнюю губу. Вот так, когда готовились, всегда безуспешно пыталась вспомнить забытые формулы. Если сейчас сказать правду, значит, наверняка подвести девушку, для нее пристрастный опрос закончится полным провалом. Она способная при наших совместных занятиях, быстро усваивала материал, надо было только вразумительно растолковать, потом самую малость настоять, чтобы сосредоточилась, запомнила главное. Если поступит, будет вполне нормальной студенткой... Экзаменатор, привлекая внимание, громко постучала наманикюренными ноготками. Постукивание подействовало, словно судейский свисток, после которого ненужные чувства отключаются, остается только желание победить. Я немного помолчал, сознательно подавляя инстинктивное нежелание говорить неправду, потом решительно кивнул головой:

— Это она решала!

Женщина взяла мой билет, бегло прочитала, начала задавать вопросы... Слышал только вопросы, отвечал почти машинально, самые сложные теоремы выдавал, будто между делом листал учебники. Сначала экзаменатор слушала беспристрастно, потом стала поглядывать изумленно, наконец уверенно сказала:

— Вы меня опять обманываете!

В темных продолговатых глазах женщины появилась откровенная брезгливость, словно увидела вместо меня большое насекомое. Тихо сказала, что теперь точно отнесет работы председателю комиссии, пусть окончательное решение выносят более опытные товарищи. Но, по всей видимости, обоим придется забирать документы. Она расстроенно вздохнула, уголки резко очерченного рта обидчиво опустились.

Вот так, сам кругом виноват... Дураки сильны задним числом, особенно когда душит стыд, позднее раскаяние

заставляет мучительно думать, как доказать собственную порядочность. Решение пришло неожиданно: разорвал свой экзаменационный лист. Потом жалко дрожащим голосом попросил:

— Не относите работы председателю. Я сам тогда предложил помочь. Это честно, сами видите, мне уже нет смысла врать. И прошу вас, если можно... Пусть она сдает, как все, без пристрастного опроса. Она все знает, только сильно волнуется, поэтому такая растерянная.

Женщина собрала обрывки листа, словно вещественные доказательства того, что мне снова можно верить. Пристально, испытующе оглядела меня, после долгого молчания утвердительно кивнула. Выходя, спиной чувствовал ее озадаченный взгляд.

Ира, конечно, экзамен провалила.

Появилось возмущение: ради кого, спрашивается, пришлось врать, выкручиваться! Ради этой рыжей фитюльки сломал свою жизненную программу.

В скверике напротив института сидел после экзамена рядом с ней, искал повод уйти навсегда, выслушав рассуждения, что все, оказывается, правильно: она должна была завалить еще письменную математику, поэтому огорчаться особенно нечего. И некрасиво начинать самостоятельную жизнь с подлога, совесть штука нежная, наподобие зубной пасты, выдавить просто, обратно вдавить невозможно. Уже хотел встать, когда она вдруг неудержимо расплакалась, тремя ручьями хлынули крашеные слезы. Пришлось остаться, успокаивать.

По себе знаю, что проигрывать всегда стыдно, больно, обидно. Ира впервые крупно проигрывала, поэтому залилась такими безудержными слезами. Мне же впервые довелось близко увидеть женские слезы, впервые испытал необходимость защищать, успокаивать близкого человека, хотя у самого на душе было совсем, совсем скверно. Но, кажется, перестарался. Когда начал соображать, руками почувствовал податливо расслабленную спину девушки, она тоже крепко обнимала меня.

— Ира, пусти, люди ходят!

Она вздрогнула, быстро оглянулась:

— Нет тут никого, это фонтан шумит.

Возникла минутная неловкость, словно сделали неприличное, теперь обоим стыдно. Я вообще чувствовал себя злодеем, подло воспользовавшимся слабостью девушки. Но Ира вновь закрыла глаза и, кажется, чуть качнулась ко мне... Вот тогда исчезли глупые сомнения, дневные

неудачи показались чепухой. Самое важное происходило посреди институтского скверика: доверчивая девушка становилась дороже всего, нужнее самых высоких оценок. Вот ведь какое странное дело! Живешь, живешь себе один, никаких особых проблем, вдруг неожиданно оказывается, что без этого милого взбалмошного существа никакой радости.

Знакомы всего ничего, три дня вместе готовились сдавать математику. Но за это время обо всем успели переговорить, незаметно возникло чувство полной взаимной откровенности. Без кокетливого, между прочим, желания понравиться, стремления выглядеть лучше, умнее, содержательнее... Ира удивляла начитанностью, неожиданной взрослостью суждений. Своим окончательно стала считать второго августа, после глупой борьбы посреди пляжной полянки.

Бармин тогда вроде признал мою победу. Веселеньким стишком сквозь зубы пригласил разделить святой досуг под сенью черемух, акаций. Потом подмигнул Вовчику. Тот, словно получив разрешение, тотчас швырнул горсть песка, запорошил мне глаза. Бармин обрадованно, наускающе закричал:

— А ну, ребята, валите этого бычка!

Вовчик обхватил мои колени. Костя тоже приложил свои медвежьи лапы. Втроем тяжело упали... В партере при таком неравном раскладе делать нечего, особенно когда песок щиплет глаза, тут любая техника побоку. Но парни, оказывается, мешали друг другу, и мне удалось сгруппироваться, рывком привстать, потом быстро вскочить. Начал протирать глаза. Ира подбежала ко мне, надушенным платочком коснулась лица.

— В кино видела красивые драки, когда один другому — р-р-раз, другой третьему — хряс-сь, и всем хоть бы хны! А сейчас вроде глупая возня, но нельзя же так коварно... — Она подала мне очки. — За что мне такое наказание, батюшки! С тобой совершенно никуда нельзя выйти. Просто дикий человек, сразу кидаешься драться, выяснять отношения. Но мне это положительно нравится!

Вита рассерженно воскликнула:

— Ну да, ей нравится сталкивать кавалеров лбами, как безмозглых баранов. До чего дошли, гладиаторы несчастные, смотреть противно. Костя, заправь наконец рубашку, опять весь живот наружу!

Серая пелена перед моими глазами рассеялась. Надел

очки, сразу отчетливо увидел полянку, фигуры ребят, которые недавно расплывались, как под водой.

Вита продолжала ругаться, возмущенно притопывая ногой:

— Вовчик, уйди отсюда, гадость такая! От тебя вечно одни неприятности. В глаза песком, какая подлость... Бармин, между прочим, тоже хорош! Как настоящий провокатор!

* * *

На улице влажная прохладная тишина. Вымытая недавним дождем зелень выглядит жесткой, жестяной. Высокие уличные фонари освещают нижние этажи дома напротив: раскрытые окна белеют тюлевыми занавесками, балконы расцвечены стираными рейтузами, сорочками, словно боевые корабли праздничными флагами. Глухо рыкнул мотор, фары высветили дорогу, перед нашим домом медленно проползла длинная коробка автофургона. Громко зашипели тормоза, будто машина, наконец остановившись, устало выдохнула. Это отец вернулся из рейса, и мне сразу стало на душе спокойно.

А ведь, кажется, еще совсем недавно он пришел к нам... После вольных нравов мужских компаний трудно осваивал спокойную семейную жизнь. Мама терпеливо учила его хорошим манерам. Читать заставляла, водила на театральные спектакли, в музеи. Отец оказался способным, покладистым человеком, весело выслушивал мамины наставления, научился ловко повязывать галстуки, которые поначалу называл удавками. Была причина — они его долгое время конфузили перед гостями: стоило неловко привстать, повернуться, конец галстука оказывался посреди тарелки, часто соседской. Это все, конечно, мелкая, несущественная ерунда... Мама всегда говорила, что считает истинной интеллигентностью прежде всего высокую нравственность. Не мне судить, достигли ли родители этой высоты. Главное, у них прекрасные отношения, при встречах после отцовских дальних рейсов родители даже сейчас, после десяти лет семейной жизни, тайком целуются, словно после невесть какой долгой разлуки! Да что там говорить: отец есть отец, сильный надежный человек.

Наша жизнь сразу переменилась, стала устроеннее, появился достаток, мы въехали в отдельную квартиру. Помню гулкие пустые комнаты, поначалу казавшиеся

просто огромными, помню мамины восторги. Через несколько дней купили новую мебель. Тогда же к нам пришел гость — крепкий парень. Вроде ничего особенного, одет прилично, густые черные бакенбарды. Потрогал стену коридора, словно проверял прочность, потом направился осматривать кухню. Маме объяснил, что строил этот дом, теперь хочет посмотреть, кто здесь будет жить. Хочется, чтоб жили только хорошие люди, для плохих строить неохота. Мама иронично спросила:

— Это какие люди хорошие?

Парень серьезно ответил:

— Вроде меня!

Знал, видно, цену себе, своим словам, своим делам. Мама сразу засуетилась, готовно распахнула двери комнат, просила извинить временный беспорядок. Мне этот строитель тогда ужасно понравился. Потом себя взрослого представлял именно таким, имеющим чувство собственного достоинства.

В ванной глухо пошумела вода, потом скрипнула дверь кухни, звякнула крышка чайника. У меня свело скулы, так вдруг захотелось есть. Утром наскоро позавтракал, потом началась сплошная карусель.

Отец, увидев меня, удивленно спросил:

— Ты чего не спишь?

— Экзамен завалил, страдаю.

— А мама была уверена... — Он достал еще одну чашку, жестом пригласил сесть. — Многие болтают, что нынче, дескать, поступить могут только блатные. По блату, значит, которые идут.

— Сам виноват!

Отец нарезал колбасы, начал намазывать хлеб маслом. В крупной ладони нож выглядел игрушечным, под белой майкой шевелились выпуклые мышцы. Серьезный мужчина, один поднимает автомобильное колесо весом почти двести килограммов. Спокойно сказал: если некого виноватить, тогда легче переживать. Меня, откровенно говоря, заранее раздражало возможное сострадание, успокоительные разговоры, поэтому обрадовался, когда разговор принял другое направление. Отец вспомнил, что прошлой осенью сбил человека. Ноябрь, гололед. Около перехода притормозил, машину понесло юзом, бампером задело мужчину, который опрометчиво вышел уже на проезжую часть. Началось следствие. Мама нашла адвоката, тот определенно сказал, что дело можно закрыть, если даст согласие пострадавший, который отделался лег-

кими ушибами. Тот охотно согласился, но при условии, что получит наличными полторы тысячи рублей. Для шофера междугородных перевозок сумма небольшая... Мама, конечно, сначала возмутилась. Потом трезво оценила ситуацию. Вроде низко таким образом покупать свободу. Правда, житейски рассуждая, выгоднее отбросить принципиальность, отдать любые деньги, чтобы избежать срока. Друзья тоже обсуждали варианты. Одни советовали откупиться, другие — взять монтировку, еще добавить пострадавшему.

Отец рассказывал, прихлебывая горячий чай... Вот так метались, даже деньги приготовили. Потом надоело изворачиваться: свобода свободой, однако чистая совесть дороже. Для нормального человека нет ничего дороже чистой совести. Товарищи помогли: дирекция представила положительную характеристику, парторг написал поручительное письмо. Суд тоже разобрался: происшествие произошло на проезжей части, пострадавший нарушил правила дорожного движения, преждевременно покинув тротуар. Словом, отделался тогда отец легким испугом, полгода слесарил, весной снова получил права. Вот только невидимые пружинки внутри лопнули, начал бояться перекрестков, ездил только ночами, когда городские улицы пусты, трассы почти свободны. Все чаще вспоминает Север, где работал в молодости.

Отец невесело усмехнулся, взъерошил седеющие черные волосы...

— Есть такая болезнь, ностальгией называется. Как она поначалу изводила, это одна наша мама знает. Бывало, среди ночи такая тоска накатит, впору бегом бежать туда, откуда когда-то приехал. Теперь поостыл немного, освоил городские удобства, мягкое кресло перед телевизором. Стареть, наверное, начал... Там как каторжный вкалывал, сутками подряд крутил баранку. Заработки, конечно, приличные, хотя это второй вопрос. Главное, нужным человеком себя чувствовал: привозишь вовремя мощный генератор, всему поселку электрический свет! Не то, что здесь — барахло развозить. Вот поэтому утюжишь, утюжишь промерзший зимник, только скаты звенят. Люди тоже другие, отношения почище. Там условия такие, что просто нельзя быть сволочью. Нельзя, скажем, проехать мимо остановившейся машины, когда мороз минус сорок, пурга заметает колею. Самого потом ребята будут обходить, словно зачумленного. Там вообще шофер считается почти главной фигурой, вся жизнь обеспечи-

вается зимними перевозками, весной тундра раскисает, снабжение только вертолетами. Так что есть ради чего жить!

Я отставил пустую чашку.

— Здесь, поди, тоже есть ради чего жить!

Отец задумчиво помолчал, потом тяжело вздохнул:

— Там полностью выкладываться заставляет чувство незаменимости. Мне теперь часто хочется почувствовать именно такую незаменимую нужность. А здесь климат умеренный... И в смысле погоды, и требования помягче, и люди расчетливее. Везде дорожные знаки, ограничения скорости, охрана труда. На автобазе неплохие ребята, опытные шофера, страну вдоль и поперек изъездили. Вот только без разницы, что куда везти, для чего работать, это дело десятое. И редкая удача, если есть обратный груз, обычно обратно приходится идти порожняком. Сегодня снова пришел пустым, трое суток даром бензин прожигал, сердце кровью обливается! Сейчас половина рейсов получается пустых, осенью придется загружаться чугунными чушками, как можно дальше везти, накручивать недостающие плановые тонно-километры. План этого года будет выполнен, план будущего возрастет. Это понятно: надо расти, изыскивать резервы, повышать производительность труда. Но от достигнутого планы увеличиваются, вот тут какая досадная закавыка. От фонаря, проще говоря, идет увеличение, дальше катится телега, рейсы ради галочек, красивых праздничных рапортов! На Севере знал, для чего работал. Был уверен, делаю нужное дело. Сейчас постепенно перестаю уважать себя. Ведь человека больше всего унижает вынужденное вранье, сознательные приписки, бессмысленная работа. День начинается, получаем путевки, едем изнашивать моторы, впустую сжигать бензин. Вот тут невольно задумаешься...

Меня осенила дельная мысль:

— Надо менять плановые показатели!

— Не показатели виноваты, наше собственное головотяпство. Пусть начальство обеспечит нас обратными грузами. Пусть составляет такие планы, чтоб можно было выполнять нужной работой. С этого надо начинать, человек должен прочувствовать вкус честной работы! Сразу станет меньше приписок, леваки оставят дармовой промысел... — Отец достал сигарету, рассеянно почиркал спичкой, потом задумчиво сказал: — Вот раньше был лозунг: «Кадры решают все!» А сейчас кто что решает? Для новых показателей тоже понадобятся надежные кадры. Ина-

че ловкие водилы, как пить дать, найдут новые возможности левачить, все труды пойдут насмарку!

* * *

Ира, видимо, сначала открыла дверь, только потом окончательно проснулась. Стыдливо охнула, кинулась бежать от порога — она была в ночной рубашке. Из глубины квартиры попросила меня войти, подождать в кухне... Я сам, откровенно говоря, сегодня проснулся позднее обычного. Немного повалялся, испытывая непривычное состояние, когда нечего делать, совершенно некуда спешить. Нет, конечно, борьба научила принимать поражения, даже помогла вывести успокоительное правило: неудачники имеют немалые перспективы, каждый может начать жизнь сначала, чтобы снова ловить, ловить ускользающую удачу. Словом, наконец убедил себя, что глупо считать провал экзаменов невесть какой трагедией. Тем более время терпит, суетиться нечего. Я на год старше одноклассников, мне уже исполнилось восемнадцать, сверстники осенью пойдут служить, меня зрение крупно подвело, призывная комиссия военкомата признала негодным. Родился тринадцатого числа, поэтому сплошные неудачи: при слабом зрении некоторых ребят берут, мой случай медицинская комиссия посчитала особым.

Ира открыла дверь кухни. Мне кажется, дома люди одеваются проще... Она надела джинсовую юбку, спереди медные пуговицы, под глубоким вырезом светлой блузки золотится тонкая цепочка. Вот только волосы небрежно заплетены в толстую короткую косу, которая придает круглому лицу детскую наивность. Это выражение усиливается мелкими, усыпавшими аккуратный носик веснушками, припухшими спросонья губами. Мне вдруг стало жарко: вспомнилось долгое вчерашнее прощание, разнеженно полуприкрытые ресницы девушки, гибкая податливая спина, обтянутая трикотажной маечкой. Ира тоже смущенно потупилась, машинально поправила волосы, потом негромко сказала... Недавно показывали телеспектакль, там одна бедненькая несчастная девочка сдвинулась умом только потому, что однажды утром все забыли сказать, как любят ее. Я тут растерянно замер, не понимая, к чему эти слова, после неловкой паузы пробормотал:

— Тебе, допустим, незачем сдвигаться.

Ира громким шепотом приказала:

— Тогда говори!

Вот так, чистая победа, дергаться бессмысленно! Тут раздался долгий настойчивый звонок. Ира, досадливо вздохнув, пошла открывать входную дверь. Щелкнул замок, раздались радостные девчачьи возгласы. Вошла Вита, села возле кухонного стола, умоляюще сказала:

— Люди, дайте попить! На улице жара, асфальт плавится... — Оглядела меня, насмешливо сощурила черные глаза. — Ты чего красный, как рак, который свистнул? Так усиленно готовитесь сдавать экзамены?

Ира, опустив глаза, густо покраснела. Мне тоже стало неловко: вчера не нашел смелости признаться, что завалили экзамен. Ира первая одолела смущение, начала смешливо рассказывать подруге про неудачу. Теперь месяц отдохнет, потом пойдет работать. Мама нашла вроде неплохое местечко: оклад сто, каждый месяц сорок — премиальных, выходит больше инженерной зарплаты, даже незачем институт оканчивать. Открыла холодильник, предложила позавтракать. Или уже пообедать, сил нет никаких, как сильно есть хочется... Вита кивком отбросила назад распущенные волосы. Она, значит, пришла посоветоваться: началась рабочая эксплуатация бамовского пути, туда срочно потребовались железнодорожники, обком комсомола набирает добровольцев. Костя записался, вчера принес новость, словно пыльным мешком трахнул. Сам, значит, уедет, оставит одну, как хочешь, так тут живи! Ира растерянно всплеснула руками:

— Витка, неужели... Ты же вся такая фригидная, только ругаться хорошо умеешь. Нет, это конец света! Ты ведь фирма, можешь выбрать любого принца.

— Не нужен мне любой. Костя меня всю жизнь любит. Пока служил, каждый день писал, дома полная антресоль писем... — Голос девушки стал непривычно ласковым. — Он на руках меня носит, представляешь?

Ира быстро кивнула:

— Как волк овцу!

— И пусть, пусть... Зато приятно! Он решил поехать, чтобы заработать на кооператив. Не хочет после женитьбы ютиться где попало, задумал купить сразу трехкомнатную квартиру. Ну скажи, какие нынешние принцы делают такое?

Ира, вздохнув, согласно сказала: это так, нынешних принцев обеспечивают богатые родители! Вита осуждающе вздохнула... Вот именно, богатые родители освободили своих детей от необходимости трудиться, пусть другие

вкалывают, защищают страну. Не воспитывают, просто выкармливают потомство, как беззаботных веселых поросят. Ира внимательно оглядела подругу.

— Ты подумай! Костя, конечно, молодец... Но не по зову души едет или, как пишут, своей комсомольской совести. Ему тоже нужна только удобная квартира, вот где его добровольный героизм!

Вита едва заметно улыбнулась:

— Еще как нам нужно свое жилье! А насчет его совести будь спокойна. Там, между прочим, летом жара, как здесь сегодня, зато зимой минус сорок. Костя свое честно отработает, без всякого героизма будет полезным общему делу человеком!

Мне последние слова девушки показались странно знакомыми. Пока пытался вспомнить, где слыхал подобное, послышался звонок. Ира взглядом попросила меня открыть входную дверь... Когда открыл, удивленно замер: Вовчик! Он стоял, горделиво напыжившись, отчего сильно напоминал мальчугана, который пришел похвастаться отцовской фирменной фуражкой. Парень приоделся: адидасовские кроссовки, вельветовые джинсы песочного цвета, желтый батник. Большие черные очки, на стеклах — фирменные бумажные ромбики. Увидел меня, громко вздохнул, словно вхолостую выпустил заранее заготовленную фразу. Ира заинтересованно выглянула, сразу восторженно закричала:

— Ну ты посмотри, прямо иностранец, шпрехен зи дойч... — Оглядела зардевшегося парня, повела в глубь квартиры. — Вита, бросай колбасу, встречай интуриста!

Вовчик откашлялся, прочищая горло, махнул рукой:

— Не надо пышных встреч, гадость такая обойдется!

Я не понял сначала, зачем это было сказано, потом дошло... Вита недавно, после глупой пляжной возни, сгоряча обозвала парня такими словами. Вовчик тогда униженно сник, весь день потом молча курил, пощипывая усишки. Сейчас старался придать самоуничижительной фразе непонятно какие сложные акценты, смотрел вроде поверх девушки, однако равнодушие было дутым.... Жадно, ласково, взволнованно оглядывал распущенные, крупными кольцами вьющиеся черные волосы, стройную фигуру, длинные ноги. Вита, очищая палку салями, досадливо поморщилась, потом извинительным тоном сказала:

— Ну прости, нечаянно тогда вырвалось. Сам виноват, если подумать. Бармин только моргнул, ты человеку глаза песком... — Она подняла голову, изумленно ахну-

ла: — Мирово! Только весь желтый, прямо банан. А ну, честно, где взял столько денег?

Вовчик подошел к окну.

— А мне незачем врать. Я теперь начал новую жизнь. Как говорится, встал, проклятьем заклейменный... — Важничая, неторопливо поправил очки. — Нашел одну халтуру, только успевай оттаскивать. Не оттаскивать даже, целыми грузовиками отвозить! Тут некоторые студенты говорили насчет трех ключей. От квартиры, значит, машины и дачи... Так мне теперь плевать! Все это буду иметь, обо мне мелкая босота песни потом будет петь: «Был он клевый чудак, жевал резинку, пил коньяк сквозь соломину...» Первым делом куплю себе мотоцикл, для начала сойдет вместо машины. И если кто хорошо попросит, могу покатать, обозреть ландшафты.

Ира, накладывая на хлеб икру, присвистнула:

— Вот трепло, честное слово! Но можно поверить: пришел весь такой кругом двести. Вовчик, где это такая работа? Мы никому... Считай, здесь сберкасса, тайна вклада гарантирована!

Вовчик закурил, снисходительно усмехаясь, начал объяснять... Есть такое место, отстойник поездов дальнего следования. Оттуда проводники уходят отдыхать, кидаются проверять магазины, чтобы здесь дешево купить, дома дорого продать. Дальше дело техники, надо прикинуться тимуровцем, предложить вымыть вагоны. За бесплатно, при одном условии — забрать потом пустые бутылки, оставленные пассажирами. По восемьсот, тысяче штук иногда набирается. Каждая стоит двугривенный, кто еще помнит арифметику, пусть подсчитает общую сумму. Но не надо думать, что все деньги достаются одному: надо дать шоферу, чтобы отвез бутылки, приемщик посуды тоже берет свою долю. Все хотят жить! Около отстойника, если честно сказать, отирается много охотников подразжиться. Чуть зевнул, состав занят. Начнешь права качать, могут бока намять, зубы выставить, сплошная поэма экстаза! Вовчик глубоко затянулся, выпустил под потолок голубоватую струйку дыма. Ему повезло, повстречал хорошего напарника: здоровый амбал, если хорошо заплатят, рельсу свободно согнет. Инженер, между прочим, дело знает туго.

Вита нахмурилась, вполголоса произнесла:

— Мой отец тоже инженер.

Вовчик уважительно скривился:

— Твой... Твой настоящий. Я как раньше считал?

Если человек закончил институт, это настоящий культурный чудак, умом повыше простых смертных. Потом увидел, что бывает наоборот... Хуже любой шпаны, даже хуже отпетых блатняков! Так все рассчитывают, так все законы знают, что голыми руками не возьмешь. Милиция рядом стоит, еще под козырек честь отдает!

Вита настойчиво спросила:

— Так кто это они?

Парень громко сглотнул, кадык дернулся снизу вверх. Немного помолчал, пощипывая редкие серые усишки. Черные очки делали глаза большими незрячими пятнами. Потом махнул рукой. Ладно... Сами выпросили, теперь пожалуйста, кушать подано! Бармин, этот ученый студент, прикидывается джентльменом, изображает белую кость. Сам сейчас зашибает живую деньгу, грамотно чистит городской рынок. Там техника такая: привозит мужик продавать свиную тушу, без лишних разговоров сразу отрезает для контроля пару килограммов чистого мяса, чтобы задобрить санслужбу. Опять простая арифметика. Если каждый мужик выделит пару кило, под вечер санитарная служба столько этого мяса набирает, тачками можно вывозить. Они его делят между собой, одни нанимают людей, чтоб продавали, другие оптом отдают перекупщикам, кто как может устраивается, только чтобы текли дармовые рубли. Ира, бледная, отчего явственно проступили мелкие веснушки, выдохнула:

— Ты ему завидуешь, поэтому сейчас наговариваешь!

Вовчик странно усмехнулся, отчего худое лицо, покрытое синеватыми оспинами после угрей, приняло озлобленно хищное выражение. Словно хотел досадить всем, вполголоса мстительно заговорил... Ясное дело, такую правду знать неохота, незачем марать свои чистые ручки. Куда приятнее выпендриваться друг перед другом: один вроде собирается бороться против заразных микробов, другой мечтает перестроить экономику. Это все только снаружи, внутри совсем другие соображения. Ирку каждый хочет охмурить правильными словами, мудрыми мыслями, вот где собака зарыта!

Меня поразил такой неожиданный поворот ситуации, поэтому некоторое время растерянно соображал, как лучше ответить. Когда успокоился, тема разговора сменилась, было поздно встревать, невразумительными объяснениями отстаивать болезненно зашибленное самолюбие.

В кухне установилась душная, напряженная тишина, которую нарушал только злорадный голос парня. Вовчик

словно наконец получил разрешение выплеснуть все, что давно копилось, сильно томило... Бармин его всегда считал третьим сортом, мелкой шестеркой. Поэтому выболтал свою жизненную программу насчет трех ключей. После института будет проверять санитарное состояние рынков, магазинов, других торговых точек, предприятий пищевой промышленности. Где торгуют, там, Бармин считает, имеются ловкачи, которые недовесом-недомером делают немалые деньги.

— Я так понял... Бармин собирается выгодно трясти ловких дельцов, как ворон ворону глаза выклевывать.

Вовчик напоследок глубоко затянулся дымом, ловким щелчком выкинул окурок сигареты через открытую форточку, оглядел разложенные бутерброды, тонко нарезанную колбасу, довольно потер руки, предвкушая удовольствие полакомиться вкусной едой. Потом заметил натянутое молчание, медленно сник, развел руками. Вот такая незадача: человек пришел, хотел похвастаться импортными шмотками, всю жизнь мечтал иметь такие, но снова всем испортил настроение. После долгой томительной паузы глухо сказал:

— У меня ведь, кроме нашей компании, никого. Там, где мелкая шушера добывает дармовые рубли, совсем другая жизнь. Там слабым вырывают глотки, потом говорят, что так всегда было... — Тяжело вздохнул, раздраженно поправил очки. — Я там самый слабый, здесь вроде самый убогий, все делаю невпопад. Везде душа болит, хоть под поезд... Ладно, бывайте... Общий привет!

Ира остановила направившегося было через кухню парня, неожиданно осуждающе сказала... Нет, только посмотрите, какой страдалец нашелся! Она, может, тоже давно страдает. Кто скажет, почему жизнь такая сложная? Кто скажет, почему тревожно начинать долгожданную самостоятельную жизнь? Как только научилась думать, видеть, делать выводы, одни вопросы возникают, никаких вразумительных ответов. Мучает растерянность, странная такая раздвоенность, будто сейчас существуют две совершенно разные жизни... Про одну пишут книги, газеты, там сильные положительные герои, добро всегда побеждает, справедливость торжествует. Другая жизнь вокруг, руками можно потрогать, собственными глазами увидеть, что подлые неписаные правила сильнее законов, совесть считается эдаким досадливым недоразумением, ради мелкой собственной выгоды можно совершать любые преступления.

А где же истинная жизнь?

Я нарушил вновь повисшее тягостное молчание, горькая правота девушки прозвучала слишком утвердительно, хотелось немедленно доказать обратное, чтобы успокоить прежде всего себя. Ира, дескать, усложняет обстановку, женщины вообще имеют склонность преувеличивать. Сейчас социализм, борьба нового против отжившего, которое так просто не уступает — оно осваивает любые перемены, перестройки, подстраивается к ним, поэтому такое живучее. Вовчик тяжело вздохнул, стал скучнеть лицом. Мне без того было понятно, что говорю всем известные слова, будто понарошку устроил здесь школьный урок обществоведения. Начал мысленно подбирать другие, более веские доводы... Ира помешала выговориться, вызывающе вскинула подбородок:

— Ох-ох-ох! Пошли волны высоких материй... Это все прописные истины. Про-пис-ные! А ты, если такой умник нашелся, скажи нам... Почему, например, честность создает людям только трудности.

— Потому что нужны усилия. Легче, конечно, жить нечестно. Подчиняться врожденным инстинктам. При Советской власти родиться заслуга невелика, а вот стать полностью советским человеком — нужны целенаправленные усилия.

Вовчик снял очки, подогнул левую дужку:

— А что, есть которые не полностью?

— Твой напарник именно такой!

Вита задумчиво спросила:

— Откуда только такие берутся?

Я, шутливо сдаваясь, высоко поднял руки.

— Вы, наверное, думаете, мне самому все понятно. Ну не знаю, откуда сейчас берутся всякие... Отец говорит, климат здесь мягкий, незаметно расслабляет, люди теряют чувство собственной нужности большому общему делу.

Ира напряженно выпрямила спину:

— Вот именно, отец говорил... — Она отчужденно прищурилась. — Тебе хорошо, нормальная полноценная семья, никаких проблем насчет одеться, прокормиться. Можно высоко воспарять духом, обсуждать разные материи.

Вита резко осадила подругу:

— Не расходись! Ты тоже, между прочим, домашний ребенок, мамина дочка, поэтому нечего попусту огрызаться.

Она тоже вспомнила своего отца, тот строитель, умный, честный человек, имеет свою четкую жизненную позицию. Вчера дома решался вопрос насчет БАМа, мама плакала, была против этой поездки. Но папа поддержал ее, Виту.

Вовчик озабоченно вскинулся:

— Не понял, что за поездка?

Вита охотно пояснила:

— Обком комсомола набирает отряд железнодорожников осваивать бамовский путь... — Вдруг резко замолчала, задумчиво оглядела парня. — Вовчик, должна тебе сказать, хочешь — обижайся, хочешь — нет! Понимаю, охота пожить красиво. Так иди работать, получай хорошую специальность. Хватит отираться среди вагонной публики, такой промысел рано или поздно плохо кончится. Давай вместе поедем.

Вовчик недоверчиво улыбнулся:

— Что — вдвоем?

Потом сразу сник, уныло мотнул головой. Пустой номер: школу бросил, комсомольская учетная карточка задевалась неизвестно куда, платить членские взносы было некому. При такой собачьей жизни человеком интересуется только милиция, после приводов разговор известный, какие могут быть путевки! Уже пробовал махнуть туда своим ходом... Тоже пустое дело, всех таких бичей, неорганизованных шабашников, оттуда сразу выметают. Потом растерянно помолчал, вполголоса осторожно спросил: она это серьезно, ради Кости тоже решила поехать, чтоб увлечь личным примером, заставить начать новую жизнь? Вита улыбнулась, отчего стала удивительно привлекательной, смуглое лицо просветлело. Она ради другого... Костя только внешне такой сильный, на деле же доверчивый простофиля, его любой проходимец вокруг пальца проведет, никак нельзя отпускать одного. Вот поэтому приходила посоветоваться, после всех этих разговоров только убедилась: если жизнь сейчас такая сложная, для двоих как минимум нужна одна трезвая холодная голова. Костя пусть водит свои поезда, все остальные житейские вопросы будет решать она!

Тут над самым домом раскатисто шарахнул гром, будто пальнула пушка большого калибра. Вита испуганно охнула, побежала снимать вывешенное утром белье. Она жила здесь неподалеку... Вовчик, расстроенно вздыхая, снова надел свои фирменные очки, пошел помогать ей.

Хлопнула, закрываясь, дверь. Ира облегченно вздох-

нула, громко взволнованно заговорила. Весь день ожидала этого момента, когда нас наконец оставят вдвоем. Как только вчера расстались, сразу захотелось встретиться снова, даже снилась всякая тревожная чепуха...

— А между прочим, — она неожиданно изменила тему, — ты на пляже, когда предложил побороться, всех обманул. Один против троих пошел только потому, что знаешь разные приемчики. Да, да! Без приемов один против троих ноль без палочки, мне это уже потом стало понятно. Что — нет? А Бармин, между прочим, честно говорит, чего хочет, что делает... Ему нужны квартира, машина, дача. И не рассуждает о высоких материях.

Я снял очки, начиная злиться, негромко сказал:

— Ну вот что! Мне самому многое непонятно, много сложных вопросов, мало нахожу вразумительных ответов. Вот учителей, честное слово, считал святыми людьми, очень сильно переживал, когда впервые увидел, как ставятся липовые оценки ради процента успеваемости. Про комсомол читал одно, видел только скуку школьных собраний, регулярно платил членские взносы, две копейки в месяц. Нет, еще собирал макулатуру, которую потом сжигали около школьной помойки. И металлолом... Гора железа зимой ржавела, весной машины увозили сплошную труху. Так меня теперь никакими словами не убедят, что этот металлолом — действительно нужное сырье. Или, может, школа только первая маленькая ступенька жизни, поэтому сейчас нечего по-щенячьи повизгивать, все серьезное будет впереди. Хотя четыре комсомольских года, если разобраться, прошли даром, вот что особенно обидно!

Ира машинально уточнила:

— Не четыре, три.

— Мне уже восемнадцать. В детстве пришлось лечить глаза, поэтому учиться пошел позднее. Знаешь, возле нашего дома ювелирный магазин. Там недавно продавался браслет. Вроде ничего особенного, только цена семьдесят тысяч пятьсот восемьдесят четыре рубля. Месяц, наверное, лежал, потом пропал.

Ира заинтересованно переспросила:

— Как это пропал?

— Вот так, нет его там. Может, камни выковырнули, остальное переплавили, наделали браслетов подешевле. Или нашелся все же покупатель. Словом, если появились люди, которые могут свободно покупать подобные драгоценные побрякушки, дальше ехать некуда. Надо, значит,

такую жизнь переделывать, как устаревший хозяйственный механизм.

Ира насмешливым тоном спросила:

— Ты ее будешь переделывать?

— Я. Мы. Больше некому!

Ответил решительно, потом сник, вспомнив проваленный экзамен, крушение своих жизненных планов. Надо было сознаться, дальнейшее молчание становилось просто неприличным... Девушки ценят только силу, успех, победителей, при них вроде стыдно плакаться, выглядеть слабаком, последним неудачником. Поэтому старался смешнее рассказать, как вчера экзаменатор положила передо мной две работы, выполненные одним почерком, как потом раскусила мою наивную попытку прикинуться простачком, после чего мне оставалось только разорвать экзаменационный лист. Ира сначала весело смеялась... Вдруг резко осеклась, прикрыв губы ладошкой, пристально глянула удивленно распахнувшимися, подкрашенными синей тушью глазами. Наконец, словно выдохнула, шепотом произнесла:

— Дима, милый, прости меня, бестолочь этакую!

Мне стало приятно: она все поняла.

— Да чего там, сам тоже наделал глупостей!

— Ты все делал правильно, как самый настоящий мужчина. — Она послушала, как пробили настенные часы, после задумчивой паузы спросила: — Это правда, только честно скажи, что разговорами насчет экономики хотел произвести хорошее впечатление?

Я облегченно рассмеялся, мотнул головой. За окном усиливались порывы ветра. Ира зябко повела плечами, жестом пригласила меня сесть, поставила передо мной тарелку, положила несколько бутербродов.

Туча накрыла улицу, стало почти темно. После короткого, тревожного затишья сорвался, загудел ветер. В комнате громко хлопнула, раскрываясь, балконная дверь... Я кинулся туда, увидел вздувшуюся тугим парусом тюлевую занавеску, подсвеченную снаружи синеватым светом долгой нервной вспышки молнии. Гром прокатился над городом. По стеклам резко ударили первые крупные капли дождя, белыми горошинами запрыгали, усыпая широкий подоконник, аккуратные блестящие градины. Так тихо, что слышалось прерывистое дыхание стоявшей рядом девушки.

Теплыми тонкими руками она обвила мою шею, взволнованно задыхаясь, зашептала:

— Дима, родной, я тоже ждала нашей встречи. Нам ведь придется расстаться. Мама достала путевки, завтра уезжаем на отдых. Ты придешь провожать?

* * *

Из дому я выехал рано. Немного задержался в дороге, покупая цветы. Как жених, открыл дверь знакомого подъезда. Поднялся, позвонил... Испытывая безысходное отчаяние, нажал кнопку звонка и не отпускал с минуту. Так и ушел. Во дворе встретил Виту. Она доходчиво растолковала: надо было вчера лучше договариваться! Ира с матерью уехала минут сорок назад. Она так плакала, будто уезжала невесть куда. А разобраться, смех один: вроде навек насильно разлучили любимых, теперь жизнь навсегда остановилась, остался один выход — утопиться! Словом, хватит распускать слюни, надо заняться делом — принести картошки. Она, Вита, собирается за комсомольской путевкой, а на обратном пути планировала зайти в овощной, и я, дескать могу ей помочь.

Длинный коридор обкома комсомола был заполнен молодыми людьми. Девушек немного, они стояли пестрыми группами, вполголоса переговаривались, тихо смеялись. Ребята помоложе дурачились, отпускали натянуто бесшабашные шуточки, парни постарше молча курили. Видимо, серьезно взвешивали, оценивали ситуацию, чтобы окончательно решиться ехать.

Вита бесцеремонно прошла сквозь толпу, решительно открыла высокую дверь кабинета. Странное дело, девушку беспрепятственно пропустили, меня наоборот, тотчас затерли, сдавили твердыми плечами, крепкими локтями быстро вытолкали, остановился только возле широкого подоконника. Увидел нижний шпингалет, видимо, после весеннего ремонта заляпанный свежей белой краской. Вдруг явственно услышал хорошо поставленный, излишне строгий голос молодой миловидной преподавательницы, которой совсем недавно сдавал вступительные экзамены:

«Я вам говорю, молодой человек!»

Вот ведь как круто может повернуть судьба, сломать тщательно рассчитанную наперед жизненную программу. Или нет, глупо считать первую неудачу непоправимой катастрофой. Засыпался сейчас, обязательно поступлю будущим летом. Время терпит, суетиться нечего. Вот только пропала былая вера, что людей можно изменить, под-

няв экономику на новую высоту. Что-то, видимо, еще надо поднимать. Мучает странная растерянность, вызванная полным неумением сформулировать сущность современной жизни, как говорится, того самого бытия, которое определяет сознание. Но ясно одно: нужны новые надежные приемы борьбы против всего, что тянет назад.

Вот эти ребята, заполнившие коридор обкома, вместо самых громких слов, вместо умозрительно верных выводов насчет необходимости делать жизнь лучше, бороться против всевозможных пережитков, поступают просто, но верно: едут своими руками строить самый настоящий сегодняшний социализм. Может, такие стройки для нас — возможность делом подтверждать честные, правильные, суровые истины нормального человеческого существования, прочувствовать свою нужность общему делу.

Вита наконец вышла, громко хлопнула дверью:

— Не на ту напал! Он воображает, здесь самая большая шишка, перелезть через него невозможно. — Она возбужденно дышала, невидяще глядя перед собой. — А я перешагну, повыше сейчас пойду, там люди поумнее, они там меня поймут правильно. Вот тогда посмотрим, есть смысл давать путевку или нет смысла!

Я не успел ничего сказать, взглядом проводил девушку, быстро скрывшуюся среди пестрой толпы парней. Потом неожиданно, безотчетно толкнул тяжелую высокую дверь кабинета...

Инструктор обкома, молодой светловолосый человек, беззвучно шевелил губами. Тоже, видимо, продолжал беседу. Наконец громко выдохнул, осмысленно оглядел меня, жестом пригласил сесть. Криво усмехнувшись, доверительно сказал, что эти зеленые романтические малолетки здорово дергают нервы. Чего еще хочет девочка, которая сейчас отсюда вышла, кроме желания острых ощущений? Есть разрешение брать семнадцатилетних, тут вроде демографическая политика. Но эти, как говорится, потенциальные невесты должны владеть нужным ремеслом, сейчас везде мало самого пламенного энтузиазма. Там, конечно, девушки могут получить такие профессии, оканчивают трехмесячные курсы штукатурщиц, потом становятся незаменимыми специалистками. Тем более самый трудный организационный период позади, вовсю развернуто жилищное строительство, возводятся объекты соцкультбыта. Эта красавица совсем другое дело. Тут, понимаешь, пальчики, волосы, ногти, маникюрчик, педикюрчик. Пару месяцев покрасуется, потом даст оттуда деру,

будет рассказывать здесь всякие ужасы про сильные морозы, невыносимые условия, тяжелую работу. Нет, чего говорить, красивые девушки, это хорошо! Эстетика! Но толку от них мало на стройках.

ТРИНАДЦАТОЕ ИЮЛЯ

По стеклянной стене аэровокзала скатываются тонкие струйки дождя, призрачно размывают серый свет пасмурного июльского дня. Мокрые бетонные плиты аэродрома тускло блестят, словно огромные зеркальные плоскости, отчего невольно кажется, что белые лайнеры, уныло опустив крылья, молча разглядывают свои отражения.

Рейсы западного направления отменили вчера вечером: за Уральский хребет зацепился обширный антициклон, перекрыл грозами трассы, поэтому аэровокзал переполнен транзитными пассажирами.

Дима удобно уселся на диванчике, поднял воротник кожаного пиджака, рассчитывая немного подремать. Накануне быстро оформили отпуск, кассирша виртуозно отсчитала пачечку коричневых купюр, добавила красненьких, одну трешку, сорок копеек мелочью. Сразу поехал искать подарки, чисто бамовские сувениры. Тындинский торговый центр вечером набит народом, пока купил, что хотел, пришлось отстоять несколько очередей.

Отцу купил теплую рабочую куртку: сверху брезент, внутри овчина, такой одежде самые лютые холода нипочем. Маме взял пуховый платок, долго разглядывал финское платье, женщины охотно брали такие. Мысленно ругал себя последними словами: надо было заранее узнать размер...

Потом долго прохаживался возле прилавков, заваленных сумками, обувью, зонтами, туфлями, фотоаппаратами, бельем. Приглядывался, приценивался, испытывая странное чувство — равнодушие. Уже хотел уйти, когда открылась распродажа рогов: эти ветвистые, обработанные местными умельцами оленьи рога ребята считали самым главным бамовским сувениром, без которого дома вроде стыдно показываться.

Словом, торговый центр отнял немало времени. Когда полностью отоварился, последний самолет местной воздушной линии махнул серебряным крылом. Пришлось ждать утра.

Тынду Дима знал неплохо, часто приезжал сюда по-

смотреть новые фильмы, навестить Костю и Виту, подышать воздухом городских улиц, и поэтому быстро нашел в сумерках общежитие железнодорожников. Если невезение начинается утром, оно заканчивается только поздним вечером... Костя был на работе. Знакомые ребята выделили койку, накрылся шерстяным одеялом и мгновенно заснул.

Проснулся рано, словно внутри щелкнул невидимый выключатель: тринадцатое июля, день рождения, девятнадцать исполнилось!

Костя после работы задерживался, пришлось оставить ему записку.

Тындинский аэропорт небольшой, ранних пассажиров собралось немного, поэтому спокойно взял билет на первый рейс. Иркутск встретил дождем, хмурая нелетная погода быстро испортила приподнятое праздничное настроение.

Дима вздрогнул, почувствовав прикосновение холодных ладоней, закрывших глаза. Пальцы тонкие, определенно девичьи, явственно чувствовались твердые бугорки мозолей. Иркутск вроде перевалочной, вернее сказать, пересадочной базы, мимо пролететь бамовцу никак нельзя, после вчерашней отмены рейсов западного направления народу скопилось немало, сейчас нетрудно встретить знакомых. Так обыкновенно шутят только хорошо знакомые люди. Наконец ладони разжались... Вита вышла сбоку, сняла влажную цветастую косынку, кивком откинула назад черные распущенные волосы. Спокойно сказала, будто только вчера расстались:

— В самом деле поверишь, что мир стал тесен. — Села рядом, прошелестев длинными полами кожаного плаща, губами простецки коснулась щеки. — Костя сразу после работы пришел помогать мне. Потом быстренько забежал домой, нашел твою короткую записку. Страшно расстроился... Там погода хорошая, летели тоже хорошо, здесь едва пробились сквозь облака. До сих пор ноги трясутся, голова кругом идет. Или это потому, что под ногами снова Большая земля. Я, честно тебе скажу, сразу даже немного растерялась: после нашего деревянненького аэровокзальчика здесь такая бетонная громадина аэропорта! Разгуливала здесь, вижу рога! Веришь — нет, даже сердце зашлось. Кожаный пиджак, фирменные джинсы, везет домой рога, это наш человек... — Она ухватила костяной от-

росток, пробивший плотную оберточную бумагу. — Ух ты, какие тяжелые! Костя запретил брать, сам обещал привезти, теперь понятно почему. Впрочем, без этой тяжести сумка набита всякой всячиной, все руки оттянула. Дома девчонки совсем изнылись. В каждом письме пишут, какие нынче моды, вроде невзначай сообщают свои размеры. Пришлось обеим взять джинсы, фирмовые юбки, импортных курточек, всякой ерунды. Вике шестнадцать исполнилось, Ветка закончила шестой класс. По себе знаю этот ужасный девчоночий возраст, когда делаешься девушкой, сильно хочется выглядеть красивой, современной, размоднячей! — Раскрыла сумочку, достала пудреницу, вдруг ахнула: — Димочка, миленький, выручай. Костя меня совсем испортил. Не давал самой шагу ступить, поэтому сейчас болтаю тут, хотя надо оформлять билет. В общем, спасай бедную девушку... — Подала свой билет, вслед приказным тоном добавила: — Да на один самолет, чтоб лететь вместе!

* * *

Дима только усмехнулся, поражаясь решительному умению этой девушки быстро добиваться своего. Невольно вспомнил прошлогодний август, когда получали комсомольские путевки. Вита принесла разрешение первого секретаря быстро, светловолосый инструктор обкома тогда горячо осуждал явный вред, какой приносят человеку длинные ногти жены. Молча выписал девушке путевку. Диме, видимо, выписал путевку заодно, хотя недавно искренне поносил романтических малолеток, без профессий прорывавшихся обустраивать и обживать великую магистраль.

Началась суета сборов, душу выматывали мамины слезы. Вроде умная женщина, студентам лекции читала, почти кандидат наук, однако отговаривала ехать. Незачем, значит, тащиться неизвестно куда, чтобы переболеть возрастной болезнью самоутверждения, возле дома имеется немало промышленных предприятий. Зрение слабое, здоровье — тоже, достаточно сквозняка, чтобы сынуля заболел, стакан воды подать мальчику будет некому. Отец согласно кивал головой, терпеливо выслушивая мамины рассуждения, потом принес поллитровую банку гусиного жира. Это значит, что он одобряет мое решение.

Поезд пришел в Тынду, ребята начали выпрыгивать, вытаскивать чемоданы, подавать друг другу сумки. После короткой беспорядочной толкотни сопровождавший группу инструктор обкома комсомола командирским голосом приказал построиться. Впереди поставил путейцев, надевших новые форменные мундиры: блестели серебряные нашивки, молодцевато торчали высокие тульи фуражек. Сзади пристроил пестро одетую группу остальных добровольцев. Начался митинг... Дима хорошо слышал маршевую музыку духового оркестра. Речи встречавших товарищей относил теплый ветерок, слышались отдельные несвязные фразы.

Вита стояла рядом, сначала внимательно вслушивалась, потом стала вертеть головой. Долго рассматривала высоченную кирпичную трубу, поверху серым флажком бился полупрозрачный дымок. Слева обитые серым шифером складские помещения крышами загораживали часть автомобильного моста над железнодорожными путями. Между решетчатыми перилами моста ревел моторами сплошной поток тяжелых грузовиков, непривычными формами кабин выделялись яркие оранжевые «Магирусы». Дальше виднелась разгрузочная площадка, стояли нагруженные бетонными блоками платформы, краны снимали панели, готовые строительные конструкции. Справа вдали поднимались высокие, наподобие заводских, недостроенные корпуса; как скоро выяснилось, там строилось новое депо, где предстояло работать прибывшим железнодорожникам.

Путейцев здесь ждали, это хорошо чувствовалось. После обмена речами, казенными словами приветствий митинг незаметно свернулся, стал напоминать производственное собрание. Местные товарищи начали деловито разъяснять особенности эксплуатации одноколейного пути, непредсказуемое коварство вечной мерзлоты, которая вспучивала полотно, кружевами заплетала стальные рельсы. Вот поэтому новичкам придется разрабатывать особые правила, методику вождения скоростных большегрузных составов, изучать особенности сложных местных перегонов. Дима плохо понимал терминологию, но усвоил самое главное: позади первые трудности строительства, впереди не менее тяжелая работа по освоению дороги, всем хватит испытывать, обкатывать, рисковать, начинать, пробовать.

Группу ожидал автобус. Ранее бывавший здесь инструктор обкома тоном экскурсовода объяснил, что здесь

одноэтажный, так называемый старый город, вынужденно поставленный первостроителями. Потом, конечно, одноэтажные неказистые постройки снесут, уберут маленькие котельные, тогда исчезнет частокол этих тонких черных труб. Дима сидел сзади, под сиденьем завывал мотор, заглушал слова инструктора, пришлось довольствоваться личными впечатлениями. Вдоль дороги деревянные домики, штакетниковые оградки, небольшие палисаднички. Обыкновенная тихая окраина любого города, где высокие заборы прячут крытые пленкой парники с овощами, которые рыночными ценами вызывают легкий столбняк. Справа появился длинный деревянный барак гостиницы «Север». Слева белое трехэтажное кирпичное здание главпочтамта... Проплыла автостанция: возле десятка автобусов деловито сновал молодой поджарый народ.

По законам бамовского гостеприимства или распоряжению железнодорожного начальства группу завезли в столовую. После обеда поехали дальше, мимо окон автобуса снова замелькали серые времянки старого города. Вдруг впереди сплошной стеной встали громады девятиэтажных домов, благородно блестевшие белой облицовочной плиткой. Глухие торцевые стены украшали черные четкие надписи. «КРАСНАЯ ПРЕСНЯ». Инструктор объяснил, что жилье здесь строят только москвичи. Автобус остановился возле пятиэтажного общежития, здесь ребят тоже ждали.

Дима оглядел обстановку большой светлой комнаты: деревянные спинки четырех кроватей, застеленных цветастыми шерстяными одеялами, возле окна тонконогий стол, вокруг несколько простеньких стульев. Костя бросил рюкзак возле кровати, отдуваясь после сытного обеда, тяжело развалился поверх одеяла. Другие ребята вынули бритвы, мыльницы... Все знали — жить здесь недолго, после окончательного устройства придется переезжать. Через некоторое время послышался громкий решительный стук. Костя быстро вскочил, начал поправлять смятое одеяло, будто через дверь видел, кто это так стучал. Вита вошла, втянула носом воздух, сразу погнала одного парня стирать носки. Предложила пойти погулять: спать вроде рано, даже силой заснуть сейчас невозможно, сказывается большая разница часовых поясов. Втроем пошли в город. Дневная жара вечером спала, воздух стал приятно прохладным. Совсем недавно, когда ехали сюда, тротуары были почти пусты, сейчас вечерние улицы заполнялись молодыми веселыми людьми, которые почти все

были с детскими колясками, где забавлялось побрякушками коренное население.

Женщины везде женщины, первым делом интересуются магазинами. Вита сразу предложила осмотреть торговый центр, про который знакомые девушки сказали, что там можно купить все! Когда прошли мимо кинотеатра, услышали, как совсем недалеко громко скрежетнуло. Людской поток увлек, неудержимо потащил ребят по улице. Фары, прожектор автокрана едва пробивали густое пыльное облако, внутри которого медленно раскачивалась большая бочка, размером напоминавшая цистерну. Эта бочка раньше была жилым домиком, выпуклые бока темнели прямоугольниками распахнутых настежь окон. Стрела крана повернулась, этот странный домик поплыл вниз, занял длинную платформу трейлера. Автокран неторопливо развернулся, прожектор желтым лучом высветил целую улицу таких железных домиков. Поверху покатой крыши крайнего выплясывал бородатый парень и веселым басом кричал:

— Смотрите, славяне! Ловите исторический момент. Увозим последние остатки романтики. Зовите фотографа! Пусть потомки узнают, как начинался этот город!

* * *

Вита пристегнула привязной ремень, уселась поудобней. Когда сзади утробно заурчали двигатели, девушка побледнела, напряженно выпрямилась, крепко сжала подлокотники кресла. Дима увидел испуганно расширенные черные глаза, едва услыхал тихий прерывистый шепот... Она летит всего второй раз в жизни, это гудение вызывает безотчетный ужас, душа холодеет, будто совсем обрывается. Умом понимает, бояться нечего, здесь целых четыре мотора, вот только пересилить себя не может.

Рев двигателей усилился, самолет начал разбег. Мимо иллюминатора промелькнуло здание аэровокзала, хозяйственные постройки, потом мокрая зеленая земля стала медленно опускаться. Вита опять напряженно замерла, сжала подлокотники, даже побелели кончики пальцев. Самолет накренился, длинным блестящим крылом словно ножом вспорол нижнюю кромку облака, вошел внутрь сплошной серой мути. Дима успокаивающе сказал Вите:

— Ну все, расслабляйся. Как говорится, дальше посуху. Сейчас четыре часа, это значит... в четыре и прилетим. Выходит, продлеваем себе жизнь!

Она натянуто, одними губами усмехнулась. Осторожно тронула пальцем толстое стекло иллюминатора. Видимо, пилот набрал нужную высоту, двигатели приглушенно ревели, далеко внизу раскинулась бескрайняя белая равнина, отчего создавалось странное впечатление, что самолет неподвижно висит. Вита наконец успокоенно вздохнула, расстегнула боковой карман сумки, достала журнал мод. Смущенно улыбнулась, отчего тонкое смуглое лицо удивительно похорошело: надо изучить вкусы Большой земли, глупо сваливаться сверху белой таежной вороной. Перелистывая страницы, вслух говорила... Носят прямые, приталенные, полуприлегающие платья. Остается модным атлас, репс, шифон, эпонж. Потом зевнула, закрываясь ладошкой, досадливо захлопнула журнал.

— Ирку надо спросить, она все это хорошо знает. Мне всегда было некогда заниматься такой ерундой. Старшая дочка, пришлось маме помогать. Нет, чего греха таить, иногда завидовала обеспеченным девочкам, которые красиво одевались. Ирке твоей тоже завидовала, она всю жизнь носит только импортный мадеин. И насчет института... Ведь могла поступить. Я видела: ребята стараются поступить, девочки совершенно искренне переживают. Мне одной только было безразлично... Вот этого собственного безразличия испугалась. Поэтому решила, хватит гнать спешку, надо внимательно оглядеться, выбрать себе настоящую цель.

Дима осторожно спросил:

— Сейчас выбрала?

Она утвердительно кивнула:

— Уже выслала документы, вот еду поступать на заочное. Не век же мне там работать штукатуром. Пока окончу, наш город отстроится, понадобятся разные специалисты. — Увидев непонимающий взгляд, пояснила: — Тында теперь будет нашим городом. Косте нравится осваивать новую дорогу, мне хорошо возле него, поэтому твердо решили остаться. Осенью поженимся, года через два получим квартиру. Костя железнодорожник, министерство ведет большое жилищное строительство, так что срок вполне реальный. И все, будем жить! В сущности, полное человеческое счастье имеет всего три составные части: чистую совесть, взаимную любовь, интересную работу. Плюс трое здоровеньких ребятишек, чтоб дома всегда было весело.

Дима неопределенно пожал плечами. Вита упрямо мотнула головой. Она где угодно готова утверждать, что

это единственно верная формула счастья. Нормальный, порядочный человек просто обязан приносить пользу семье, стране, человечеству. Может, слишком просто, слишком прямо, давно известно... Остальные самые заумные высказывания только пытаются хитроумно оправдать нечестность, подлость, изворотливость, которые делают неписаные правила сильнее законов, считают совесть досадным недоразумением. Бармин тоже убежденно считает, что счастье имеет три составные части, только иные: квартира, машина, дача. Вовчик судорожно пытался ухватить хвост легкой красивой жизни. Вита замолчала, яркие губы нервно дернулись, глаза медленно наполнились слезами... Дима тяжело вздохнул. Вовчик промышлял около отстойника поездов дальнего следования, сбывал пустые бутылки. Этой весной наконец купил мотоцикл, всего неделю гонял, потом насмерть разбился. Дима после долгого молчания задумчиво сказал:

— Ты ему как будто сильно нравилась.

Вита прерывисто вздохнула: она это всегда знала. Они ведь жили рядом. Вовчик добрый малый.

* * *

Дима вспоминал свое первое утро на стройке. Путейцев увез ведомственный автобус, остальные добровольцы остались предоставленными инструктору обкома. До Тындинского горкома добирались своим ходом. В фойе первого этажа инструктор оставил ребят, сам пошел договариваться, кого куда можно устроить. Он поднялся на второй этаж, где располагался горком партии. Дима вдруг увидел мужчину со странно знакомым лицом, обрамленным густыми черными бакенбардами, и попытался вспомнить, где мог его видеть. Тут вернулся инструктор, показал ребятам ворох бумаг, расстроенным голосом сказал:

— Плохи дела, ребята! Все хорошие места заняты. Так что кто хотел устроиться директором треста, может поворачивать оглобли. Место министра землетрясений тоже занято... — После деланно тяжелого вздоха рассмеялся. — Кто тут бульдозерист, два шага вперед! Бамстроймеханизация занимается отсыпкой полотна, там бульдозеристы сейчас нарасхват. Бамстройпуть берет шоферов.

Инструктор выдал направления двум поварихам, молоденьким учительницам начальных классов, определил медицинскую сестру. Вите предложил совершенно дефицитную работу санитаркой нового родильного дома. По-

том предложил ей курсы штукатуров... Дима наконец остался один. Инструктор вполголоса помянул романтических малолеток, вяло перечислил несколько нужных сейчас профессий: любому автохозяйству требуются слесари, депо набирает ремонтников тепловозов, железнодорожная станция просит грузчиков. Потом понимающе кивнул головой. Хочется костров, палаточного неуюта, таежной глухомани, где романтики невпроворот, еще медведь хозяин! Есть такие места. Тындатрансстрой готовит большой десант в Алекму, отсюда километров четыреста. Но рубка просеки — каторжный труд, туда берут только надежных проверенных парней. Можно, конечно, самому сходить, попробовать уговорить трестовское начальство, хотя вероятность успеха очень мала. Имеется более подходящий вариант. Степанищеву сейчас требуются рабочие. Его бригада укладывает дренажные трубы на трассе, отсюда километров триста пятьдесят. Инструктор выжидательно помолчал, потом искренне удивился: тут даже думать нечего, это почти самая известная бригада магистрали. Здесь фамилии бригадиров вроде названий фирм каждый бамовец знает. Потом предложил подумать... Профессия вроде жены. Если правильно выберешь, это крупное везение, всю жизнь будешь доволен. Если попадется эдакая, которая потом отрастит длинные ногти, значит начнется вечная мука: бросить сил нет — терпеть тоже невозможно!

Дима думал весь день, заодно знакомился с городом.

В общежитие вернулся вечером. Ноги устало гудели, хотелось спать. Только разобрал постель — вернулись веселые путейцы, заполнили комнату ворохами спецодежды. Черные дубленые полушубки пахли свежей овчиной, унты напоминали спящих под кроватями собак. Ребята сегодня заключили договоры, получили подъемные, оформили необходимые документы. Костя повертел, беззаботно кинул под подушку пачку денег. Принялся примерять телогрейку, безразмерные ватные брюки. Вита пообещала ушить просторную мотню. Она тоже почти устроилась, оставались мелкие формальности... Дима вполуха слушал приглушенный разговор друзей, потом незаметно заснул, мучаясь собственной неустроенностью.

Инструктор обкома с утра помогал устраиваться молоденьким учительницам, утрясал мелкие организационные вопросы, которые неизбежно возникают, если школа только строится. Диме пришлось одному ехать уговаривать начальство, чтобы направили рубить просеку.

Возле треста Дима встретил того самого мужчину с бакенбардами и узнал его — это он приходил смотреть их новую квартиру, после женитьбы родителей.

— А я вас знаю! — тихо сказал ему Дима.

* * *

Дима почувствовал, как кто-то коснулся его плеча. После неглубокого сна протер глаза. Вита откинула столики, помогла стюардессе устанавливать на них пластмассовые подносы... Аэрофлотовский скромный завтрак вызвал просто неприличный аппетит. Дима одним махом обглодал холодную куриную ножку. Впору было жадно обсасывать целлофановую упаковку, покрытую желтенькими кругляшками жира. Последний раз хорошо поел два дня назад, после смены. Вита понимающе вздохнула, достала целлофановый пакет, полный румяных пирожков, эдаких радующих глаз сдобных пирожунчиков, осуждающим тоном сказала:

— Ешь! Никакого соображения. Ведь всем известно: едешь на день, еды бери на неделю! Вам тут без нас один путь — помирать голодной смертью. Костя тоже, даже говорить смешно... Такой простодыра, сил никаких нет! Я однажды решила постирать, пришла забрать белье. Ты представляешь, открыла чемодан — там деньги пачками вразброс между рубашками, носками, кальсонами.

Дима, поедая пирожки, пожал плечами:

— А что, что тут такого?

Вита покачала головой, откровенно поражаясь такой недогадливости. Дима работает далеко, вокруг глухая тайга, там одна бригада, все друг друга хорошо знают. А вот в общежитии железнодорожников полно народа, ребята работают посменно, одни уходят, другие приходят, забегают гости, еще бог знает кого заносит переночевать. Нет, обижаться грешно, ребята вроде хорошие... Но всякое случается.

— Ирка пишет? Как она там? — Вита вдруг резко изменила тему разговора.

— Лучше всех! — Дима показал большой палец, чтобы слова прозвучали более убедительно. Это потому, что забыл название завода, где работала девушка. Кажется, завод средств автоматизации пищевой промышленности, Ира там работала копировальщицей. Она писала, как прошлой осенью осваивала нехитрые тонкости этого ремесла. Сама работа несложная! Поверх чертежа крепит-

ся лист кальки, для прозрачности слегка протирается растительным маслом, потом тушью осторожно копируется чертеж. Ира писала, что ждет, очень тоскует, живет сейчас одна, мама зимой вышла замуж, таким образом просто решился самый больной вопрос — квартирный.

* * *

Вита снова достала журнал мод. Дима после сдобных пирожков закрыл глаза, пытаясь задремать, чтобы обмануть медленно ползущее время... Тында вдруг вспомнилась, автобусная остановка возле треста. Вспомнился молодой мужчина с темными бакенбардами.

— А я вас знаю! Вы восемь лет назад построили наш дом. А потом приходили смотреть, кто там будет жить. Еще, помню, говорили, для плохих людей строить дома неохота.

После удивленного молчания мужчина кивнул:

— Это точно, факты моей биографии. А ты, выходит, земляк. — Присмотрелся. — Не помню такого, хоть убей! Ну ладно, земеля, давай лапу. И рассказывай, как там и что? Я дома был три года назад:

Дима восхищенно спросил:

— Вы здесь три года?

На вид мужчине немного больше тридцати лет. Лицо открытое, белозубая искренняя улыбка...

— Уже шесть годков здесь. Среди первых сюда приехал. На мари ставили тогда первые жилые вагончики.

Увидел непонимающий взгляд, начал охотно разъяснять: марь хуже любого болота, это слой всякой гнили, которая покрывает вечную мерзлоту. Высадились здесь зимой, начали пошустрее обстраиваться. Весной мерзлота раскисла, строения стали разваливаться, будто карточные домики. С начала пришлось начинать, ставить особые сваи. Два года так вертелись, потом пошли рубить просеку.

Дима вслух позавидовал:

— Это — жизнь.

Земляк утвердительно кивнул. Есть чего вспомнить... Два года рубили просеку. Потом всей бригадой решили уложить путевую решетку. Самим, как говорится, под ключ хотелось сдать свой кусок трассы. Чтобы пропустить первый рабочий поезд, потом спокойно снова строить дома. Вот тогда сразу взяли такой темп, что даже сейчас остановиться невозможно. Это своими глазами на-

до видеть, как рождается железная дорога, где теперь вечно будут стучать колеса тяжело груженных составов. Вечно!

Мужчина замолчал, носком тяжелого рабочего ботинка тронул свой обшарпанный чемоданчик, потом неторопливо закурил. Затягиваясь дымом, задумчиво заговорил: восемь лет назад действительно строил. Был совсем молодым, после армейской службы только начиналась самостоятельная жизнь. Когда стоял возле своими руками построенного, обжитого незнакомыми людьми дома, сильно уважал себя. Потом вспоминал, какие оставались недоделки, и гордость быстро улетучилась, возникал тяжелый стыд. А потом решил поехать сюда, где все только начиналось, закладывался нулевой цикл всей жизни. Мерзли поначалу, зарабатывали всего ничего, однако жили и работали предельно честно. Нельзя было иначе: строили надежные теплые домики, котельные. Стоило только некоторым сработать спустя рукава, холод всех подряд наказывал так, что под одеялами инеем покрывались, это похуже самого строгого выговора. Трудное, хорошее время было, добрым чувством сейчас вспоминается. Весь мусор сразу всплыл, случайный народец отсеялся, любители дармовщинки быстро уехали, остались только золотые ребята.

Дима восхищенно спросил:

— И сейчас здесь такие?

Земляк вздохнул, потом неопределенно пожал широкими тяжелыми плечами. Где десанты рубят просеки, бригады отсыпают полотно, укладывают путевую решетку, там все такие, можно сказать наверняка. Там видна работа каждого, почти везде бригадный подряд, если один товарищ начинает дурить, потом всем приходится расхлебывать. Что еще: общие заботы, хорошие заработки, просто выгодно оставаться человеком! Бывает, конечно, попадает случайный человек, начинает исподтишка воду мутить, норовит урвать лишнего. Его обычно ребята выгоняют, потом можно жаловаться кому угодно, решение бригады сильнее любых законов. Сам только недавно отчетливо понял... Громкими словами, зажигательными призывами, правильными лозунгами невозможно сейчас переделывать жизнь, людей, понятия. Это все выполнимо, если взяться всем вместе. Для этого, между прочим, надо очень мало: достаточно каждому стать честным, порядочным человеком, посильно добиваться, чтобы живущие, работающие рядом люди тоже были такими.

Тогда непременно начинается этакая цепная реакция честности, которая сметает путающуюся под ногами подлость.

Неуверенным голосом Дима спросил у него:

— А к вам можно устроиться?

* * *

Бетонные плиты аэродрома быстро прожгли подошвы ботинок. Сухой горячий воздух поднимался дрожащими волнами, смазывая четкие линии аэропорта, словно предвечерняя июльская духота медленно плавила серое квадратное здание.

Вита сняла плащ, теплую шерстяную кофточку, налегке бойко выстукивала каблучками туфель, Дима потел, нагруженный сумками, оленьими рогами. Городской автобус ушел, следующий отправлялся через полчаса. Вита предложила взять такси.

Шофер, молодой худощавый парень, раскрыв передние дверцы машины, лениво дремал возле руля. Не глядя, хрипловатым тенорком назначил цену: двадцать пять рублей, можно одной бумажкой. Дима онемел — всегда немного терялся перед откровенным хамством. Вита торопливо кивнула, села около шофера. Дима раскрыл заднюю дверцу, поставил сумку девушки, свою сумку, бросил рога, потом забрался сам. Вдохнул душного, раскаленного воздуха салона, наконец спокойно сказал, что расчет будет согласно показаниям счетчика. Шофер приподнял низко надвинутый козырек форменной фуражки, светлыми насмешливыми глазами оглядел пассажиров, после протяжного зевка буркнул:

— Идите пешочком, вообще бесплатно будет.

Вита заторопилась, расстегивая сумочку:

— Дима, успокойся. Я сама заплачу!

— Нет, это уже дело принципа.

— А этот принцип видал?

Шофер резко опустил правую руку, поднял короткую металлическую монтировку. Дима цепко поймал, крепко сжал запястье, монтировка упала между передними сиденьями. Парень, морщась, высвободил руку. Осторожно выбрался, держа голову пригнутой, будто опасался удара сзади. Потом прытко побежал вдоль стоянки, остановился возле группы куривших шоферов. Вита проводила парня глазами, раздраженно распахнула дверцу. Дима вышел, аккуратно застегнул кожаный пид-

жак, хотя вдоль спины скатывались противно липкие потные струйки. Услыхал досадливый голос девушки:

— Вот, доигрались, сейчас начнется!

— Ничего страшного... Вспомним самбо. Я этому водиле, если только сунется, постараюсь помассировать суставчики, долго будет помнить. Зло берет, честно говорю! Я что, там эти деньги рисовал, чтобы здесь швырять куда попало? Ты тоже, миллионерша нашлась, закрой свою сумочку!

Вита покраснела, смущенно опустила глаза:

— Я хотела, чтоб побыстрее.

Дима махнул рукой: нечего теперь оправдываться. Попросил девушку отойти, здесь сейчас начнется мерзкая ругань. Шоферы подходили неторопливо... Пять рослых мужчин хорошо чувствовали свою силу. Тут одному делать нечего, против пятерых мужиков подходящих приемов нет. Диме сильно хотелось пойти навстречу этим людям, спокойно разъяснить создавшуюся ситуацию, однако трезвую рассудительность перехлестывало жаркое безрассудное озлобление. Шоферы остановились напротив, хрипловатый басок издевательски посоветовал:

— Эй, сосун, выгребай свои шмотки, отваливай пошустрее. А то мы сами вытряхнем, потом замучаешься собирать лифчики своей...

Дима плохо помнил, как поднял монтировку. Когда почувствовал прохладный металл, вспомнил свою врожденную невезучесть. Теперь придется вместо вступительных экзаменов отвечать следователю, почему превысил дозволенную самооборону... Сильная рука сзади выхватила монтировку. Дима быстро оглянулся, увидел милиционера, а рядом — Виту. Девушка, понятное дело, привела подмогу, теперь возмущенно, несвязно объясняла:

— Мы там... Они тут... Нашли дураков!

* * *

Потом шофер, низко надвинув форменную фуражку, гнал машину. Стрелка спидометра заваливалась вправо; коротко взревывая моторами, мимо проносились встречные грузовики. Через открытые окна врывался теплый упругий ветер, трепал волосы сидевшей впереди девушки. Дима сидел сзади, старался потихоньку расслабиться, вернуть хорошее настроение. Верный способ — вспомнить приятное... Представил неторопливый тындинский

автобус, моложавое лицо земляка, который тогда вполголоса рассудительно говорил:

— На укладку попасть тоже нелегко, некоторые сначала звенья собирают. На стендах крепят рельсы к шпалам, вроде проходят испытательный срок. Ты парень крепкий, могу оказать протекцию. В смысле, могу поручиться, остальное будет бригада решать. Нам как раз сейчас нужен такелажник. Наш три дня назад пошел ловить хариусов. Как водится, полез купаться. Вода здесь даже летом ледяная, подхватил парень воспаление легких, отвезли лечиться... Так что бери вещички, дуй завтра за Лопчу. Это недалеко, километров двести отсюда.

Дима махнул рукой:

— Да какие там вещи! Как говорится, омниа меа макум порто. Раньше так говорили: все мое при мне. И могу поехать прямо сейчас, незачем терять день.

— Ну до чего грамотный земеля встретился! Как это: меа мека... В общем, правильно кумекаешь, для нас время дорого. Если ребята дадут «добро», сразу оформишься, заключишь договор.

Автобус остановился. Конечная остановка... Тот самый поселок, где ребята ставили первые жилые вагончики. Дима огляделся: вроде обыкновенный старый город, торчат тонкие черные трубы котельных. Домики, бараки, коттеджи. Тихо, пыльно, жарко. Было трудно представить, что здесь вечная мерзлота, зимой стоят лютые морозы, летом — гнус. Насчет гнуса земляк пояснил: эту гадость вокруг города потравили химией, возле путеукладчика отпугивает запах креозота, только дальняя тайга может предоставить такую экзотику. На автобазе быстро нашли попутную машину. Степанищеву, знаменитому бригадиру, тяжелый грузовик отвозил кольца для труб. Дима сел возле окна, рассеянно слушал разговор шофера, своего нового знакомого. Хорошо укатанная щебеночная дорога тянулась вдоль железнодорожного полотна, навстречу сплошным ревущим потоком двигались грузовики, самосвалы, фургоны. Они поднимали густую пыль, которая накрывала дорогу, желтая полупрозрачная полоса вилась между лесистыми сопками, повторяла изгибы магистрали.

Шофер умело управлял машиной, держал высокую скорость, чувствовалась уверенная хватка профессионала. Кабина, плавно покачиваясь, вызывала сладкое желание поспать, сказывалась большая разница часовых поясов. Вечером невозможно заснуть, утром трудно проснуться.

Кувыкта, большая станция, запомнилась белыми четырехэтажными домами. Хорогочи проскочили быстро, едва удалось рассмотреть строящийся новый вокзал. Потом неожиданно хлынул проливной дождь, словно начался потоп. Дождь перестал резко, через несколько минут, только лужи радужно разлетались под колесами встречных машин, лощины между сопками засинели густой влажной испариной. Ларба была заполнена груженными щебенкой платформами. После этой станции перегоны странно опустели, только изредка проплывали мимо оранжевые жилеты студентов, которые занимались подсыпкой полотна. Дима немного придремнул, усыпленный плавным покачиванием кабины. Его разбудило осторожное прикосновение к плечу... Земляк показывал пальцем: у просеки стоял олень, уныло опустив мохнатые рога, словно устал слушать давно опостылевший рокот автомобильных моторов.

— От стада, наверное, отбился, диких оленей тут нет. И вообще вся крупная живность далеко ушла отсюда. Так что встретить здесь сейчас можно только домашнее зверье.

Шофер, переключив скорость, мотнул головой:

— Ну не скажи! Недавно ребята из Усть-Нюкжи устроили в тайге веселый пикничок. И что ты думаешь, нашли двух малых медвежат. То да се, покормили, поиграли, привезли в поселок. А ночью туда пришла медведица, такая здоровая, что твой «катерпиллер». И ведь нашла, подумать только, развалила сарайчик, увела своих детей. Дай срок, зверье пообвыкнет, медведи здесь будут заместо регулировщика!

В половине первого приехали. На небольшом разъезде стояли пять зеленых пассажирских вагонов. На одном бледно алел уже примелькавшийся лозунг: «Мы строим БАМ, БАМ строит нас!» С ароматом прогретой хвои, резким запахом свежих шпал смешивался аппетитный запах жареного мяса, слышались женские голоса, звяканье кастрюльных крышек. В просвете между вагонными колесами была видна полянка, натянутая между березовыми жердями волейбольная сетка, там ловко гасили мячи дочерна загорелые крепкие парни... В своем купе земляк снял кожанку. Потянулся, наслаждаясь привычной обстановкой. Дима оглядел обстановку: одна нижняя полка свободна, другая аккуратно застелена зеленым шерстяным одеялом. Вдоль стен схемы, графики, карты магистрали, красной полоской отмечено уложен-

ное бригадой полотно. Верхние полки откинуты, завалены рулонами ватманской бумаги, коробками гуаши. Мужчина весело пояснил:

— Я тут парторгом, здесь мой рабочий кабинет. Ты пока тоже здесь поживешь. Будь спокоен, кормежкой обеспечим. Наши девочки так кашеварят — пальчики оближешь. Завхоз приедет вечером, выдаст постельное белье, что там еще положено... До вечера походи, присмотрись, обдумай свою биографию. Мне после обеда придется уехать, надо подменить механика крана, без передыху парень вторые сутки вкалывает. Тут дело такое, бригада рассчитана для односменной работы. Зимние деньки короткие, оно так выходит, летом жалко зазря упускать светлое время. Мы малость пошевелили мозгами насчет своих внутренних резервов, сделали двухсменку. Так что теперь каждый двоих стоит. Или нет... Нет цены моим ребятам!

Диме вдруг очень захотелось работать здесь.

— И я с вами. Можно? Хоть посмотреть!

— Это сколько угодно. На нас, земеля, сейчас много охотников поглядеть. Разные корреспонденты ездят, даже телевидение было. В каждой передаче про магистраль теперь показывают наш УК-двадцать пять — восемнадцать, так называется путеукладочный кран. Но уговор: там веди себя смирно, нечего везде соваться. А то, знаешь, ломик сверху нечаянно упадет. Голове ничего, голова выдержит, ломик погнется... — Парторг улыбнулся, потом просительно сказал. — И давай, земеля, без этого, без выканья. Тут все свои, ведь ребята засмеют!

* * *

Машина остановилась возле знакомого дома. Вита заволновалась, начала суетиться, тонкими пальцами пыталась безуспешно раскрыть заклинивший замочек сумочки. Она без предупреждения приехала, решила сделать родителям, сестренкам приятный сюрприз. Днем, перед вылетом, хотела отбить телеграмму, чтобы встречали, потом передумала: при неожиданной встрече больше искренности, томительность последних часов ожидания всегда омрачает, делает радость немного вымученной. Всю дорогу держала марку, около самого дома сдалась, захлюпала носом, куда только подевалась обыкновенная решительность! Дима закрыл наконец расстегнувшуюся сумочку, распахнул переднюю дверцу такси, жестом при-

казал девушке выйти. Помог поднести большую дорожную сумку... Вита немного успокоилась, перед дверями подъезда благодарно улыбнулась повлажневшими черными глазами, прерывисто вздохнув, слезливой скороговоркой пригласила заходить. Или нет, она немного погодя возьмет своих девчонок, они все вместе придут, чтобы отметить встречу. Прощально махнула узкой ладонью, под каблучками простучали ступени крыльцы, громко хлопнула железная дверь лифта... Дима вернулся, попросил шофера проехать немного вперед, остановиться напротив четвертого подъезда отсюда. Парень длинно цыкнул сквозь зубы, однако молча выполнил просьбу. Потом сдвинул назад форменную фуражку, начал неторопливо отсчитывать сдачу, вполголоса задумчиво приговаривая:

— Это хорошо, что она вышла первая. Тут надо сдавать сорок шесть копеек, при женском поле любой настоящий мужчина считает позором брать такую мелочишку... — Протянул бумажные рубли, потом осторожно положил сверху монетки. — Бери, бери, хозяин, иначе дешевым пижонством напоследок испортишь впечатление. Я с других свое возьму, под конец смены как пить дать буду иметь своих пару копеек... — Перегнувшись, плотнее захлопнул правую дверцу, быстро оглянулся, непримиримо озлобленно глянул цепкими светлыми глазами. — Не потому, что гад последний, без стыда, без совести обираю людей. Вся жизнь сейчас такая, каждый старается оторвать свой кусочек. Кожаный пиджачок навроде твоего здесь только спекулянты продают, чтобы купить, одной моей законной зарплаты мало. Да тут еще жена. — Шофер говорил торопливо, словно хотел своей правотой закончить разговор, который начался возле стоянки такси. — Я, дурак, сразу после армии надел хомут. Она невестой была золото, как стала женой — сразу выпустила когти: жить негде, как нынче порядочные люди живут, надеть тоже нечего, что нынче порядочные люди носят! Вот тогда малина кончилась, началась гонка, чтоб внести кооперативный взнос, жену свою ненаглядную одеть поприличнее, самому тоже надо пододеться, вроде стыдно быть бедным, выглядеть хуже денежных фраеров. Ты, наверное, думаешь: водило балясы разводит, оправдаться хочет, совесть свою очистить. На это мне, честно говорю, категорически наплевать... Вы там деньги лопатами гребете, можете свободно купить дефицитное барахло, сюда приезжаете богатыми господами. А здесь совсем другая жизнь, покуда пиджачки навроде твоего втридо-

рога, покуда всякая спекулянтская сволочь открыто поживает лучше всех, иметь совесть просто не по карману. Тебя хочу предупредить. Молодой, мало чего видел, если дальше будешь кидаться один против пятерых, рога быстро обломаешь!

Такси басовито рыкнуло мотором, словно неприлично выругалось, возле поворота ехидно подмигнуло красным задним фонариком. Дима усмехнулся: все правильно. тринадцатое число, сплошная полоса неприятностей. Иркутский холодный дождь, циклон над Уральским хребтом, раздражающая задержка рейсов, чужие житейские сложности. Как всегда, сначала растерялся перед нахрапистым напором, правильный ответ отыскался задним числом, когда остался оплеванным, поздно махать кулаками. Надо было ответить этому парню: вместо того, чтобы попусту злобиться, унизительно разживаться мелочевкой пассажиров, лучше поехать туда, где можно принести пользу, заодно решить свои личные материальные проблемы. Бамовские шоферы хорошо зарабатывают. За три года могут накопить на машину и кооперативную квартиру.

Мысль о шоферах заставила вспомнить отца, сразу зашевелилась, заскребла душу совестливость... Вот снова ситуация, впору разрываться надвое: одну половину здесь неудержимо притягивает раскрытая дверь знакомого подъезда, другая нетерпеливо рвется домой. Отца хочется увидеть, надо наконец поздравить маму, она недавно защитила свою диссертацию, теперь кандидат химических наук. Они, наверное, ждут, если получили написанное неделю назад письмо, где сообщал, что скоро приедет снова сдавать вступительные экзамены. Одно успокаивало: бригадир отпустил немного пораньше, без телеграммы сегодня прилетел, точная дата приезда родителям неизвестна.

Дима поднял тяжелую сумку, обернутые бумагой оленьи рога, быстро пошел мимо скамейки, спиной чувствуя любопытные взгляды сидевших перед подъездом женщин. Утренние тревоги остались позади, забывались дневные неприятности. Быстро пробежал несколько лестничных пролетов, нашел глазами знакомую дверь, обитую коричневым дерматином. Унимая гулко бившееся сердце, нажал белую кнопочку, радостно услыхал мелодичные переливы музыкального звонка. Ира быстро открыла... Рыжие волосы подобраны, стянуты сзади узлом, отчего лицо выглядело похудевшим, непривычно взрос-

лым. Она, быстро, бледнея, молча шагнула навстречу. Дима почувствовал, как теплые тонкие руки обвили его шею, вдохнул легкий пряный запах дорогих духов. Погладил узкие плечи, гибкую податливую спину, сразу начисто забыл заранее продуманные, приготовленные слова приветствия. Он плохо помнил, как закрылась дверь, они остались вдвоем посреди небольшой уютной прихожей: хотелось снять, протереть очки, чтобы получше разглядеть девушку: она заметно изменилась, черты сделались тоньше, будто завершеннее. Потом поразила неожиданная мысль, что они стоят молча, как два каменных истукана, чем дольше затягивалось молчание, тем труднее было заговорить. Дима наконец громким шепотом спросил:

— А куда девались твои веснушки?

Ира выдохнула:

— Вывела.

* * *

Она деланно осуждающе говорила:

— Ты раньше был крепкий парень, теперь вообще стал таежным мужиком! Схватил бедную девушку, даже косточки хрустнули. — Они сидели на тахте, внимательно рассматривали друг друга. — Дима, милый, как мне тут было тяжело. Особенно сначала, когда приехала после курорта. Тебя нет, жизнь словно остановилась, это просто тихий ужас!

Дима вспомнил прошлогодний август. Все тогда в обкоме комсомола произошло очень быстро, через несколько дней были оформлены необходимые документы, поезд увез доукомплектованный добровольцами отряд железнодорожников. Виноватым голосом сказал:

— Я же все написал.

Ира тяжело вздохнула:

— А что мне это письмо! Ведь главное, оставил меня одну. Оставил такую душевную пустоту, даже звон внутри стоял. Хоть все бросай, бегом беги вдогонку... — Она прижалась плотнее, торопливо заговорила, как обыкновенно говорят близкие люди сразу после долгой разлуки. — Дома тоже просто кошмар, особенно когда мама вышла замуж. Все вдруг оставили меня одну, ночами душила такая тоска, что утром все болело, словно побили. Я не знала, какая, оказывается, это мука, когда действительно любишь. И какое это счастье... На овощной базе

зимой продрогнешь, вся пропитаешься запахом гнилой капусты, ужас как все противно становится. И я тогда всю ночь пишу тебе письмо, жалуюсь, сама реву, реву неизвестно отчего. На сердце тепло так становится, хорошо, славно... — Она помолчала, сглатывая подступившие слезы, потом вдруг оживилась. — А по телевизору, как назло, стали часто показывать ваши веселые бамовские свадьбы. Женихи, невесты, черные костюмы, белые платья, все как положено! На вездеходах едут расписываться через тайгу, непролазную грязь, дикое бездорожье. Вон где находят свое счастье! Там что, действительно очень много красивых девушек?

Дима обнимал плечи доверчиво прильнувшей девушки, щекой касался гладко причесанной головы, знакомый запах духов сладко кружил голову.

— В каждом поселке красавиц воз, еще маленькая тележка. И я летел сюда с одной такой. Ты ее тоже скоро увидишь.

Ира отчужденно отстранилась:

— Ну да, прямо горю желанием! И не смейся... Я ужас какая ревнивая, когда нападает ревность, сама себя боюсь. Так что сразу позабудь их всех. Да, да! Для тебя, может, наши отношения игрушка, все мужчины такие непостоянные. Для меня наша любовь слишком много значит. За этот год открыла истину, способность любить — вроде таланта. Если есть такой талант, это большое счастье. Без умения любить люди сходятся, разводятся, меняют партнеров. Но не дано таким людям испытать настоящую любовь!

Дима задумчиво поинтересовался:

— Тебе твоя работа нравится?

Ира неопределенно пожала плечами:

— Не знаю... Сто рублей оклад, плюс сорок премиальных, выходит больше инженерской зарплаты. Никаких волнений, никакой ответственности... Одно плохо, работа сидячая, малоподвижность здорово утомляет.

— Ты бы йогой занималась!

Она только махнула рукой:

— Это все пустое дело. Раньше твердо верила, маме йога просто необходима, сильно помогала жить. А ей эти асаны, потом выяснилось, были нужны, как слону колготки. Так определено природой, чтобы люди жили парами. Тут молодая здоровая женщина осталась одна, энергию девать совершенно некуда, поэтому насильно ломала себя, чтоб убить свободное время. Я, знаешь, перед

мамой сильно виновата. Сначала убежденно считала, что она выходит замуж только ради квартиры. У нее муж сердечник. Сейчас жизнь такая странная, некоторые женщины выходят замуж, откровенно рассчитывая, что больные мужья скоро умрут, все нажитое имущество тогда останется вдовам. А мама сама влюбилась... Муж весной заболел, врачи категорически запретили вставать, так она весь уход сама! Это утки, судна, всякие такие житейские штучки, про которые вроде неприлично говорить. Естественные отправления травмируют эстетические взгляды образованных людей. Ну да ладно... Она там не падает духом, а когда приходит сюда, горькими слезами обливается. Если чего, говорила, следом пойдет за ним. Мне, милый, достался мамин характер, так что делай выводы!

Дима разнеженно улыбнулся:

— Уже давно сделал!

Ира словно договорила:

— И, конечно, успокоился... — Выдержала загадочную паузу, потом весело сказала: — Совершенно напрасно успокоился! Как только мама переехала, моя жизнь тоже сильно изменилась. Стала невестой, обеспеченной жилплощадью; такая маленькая подробность сейчас ценится больше любой красоты. Кавалеры следом толпами ходят. Сам зам. главного конструктора недавно начал ухаживать.

— Я ему ноги выдерну!

Ира смешливо фыркнула:

— Тебе придется перекалечить половину наших молодых конструкторов.— Она рассмеялась, потом совершенно серьезно сказала: — Иди на кухню, подожди там.

Дима, посмеиваясь, вышел из комнаты, плотно прикрыл дверь. Заглянул в кухню. Здесь все было по-прежнему... Стол, шкафы, холодильник белели пластиковым покрытием. Возникло ощущение, словно только вчера завалили вступительный экзамен. Вита сейчас войдет, сядет около стола. Вовчик будет гордо демонстрировать обновки. Вспомнил возникший спор, свою беспомощность, неуверенность в отстаивании общих положительных принципов. Сейчас же чувствовал уверенность, она постепенно накапливалась после трудных зимних смен, когда ценилось только обыкновенное тепло, электрический свет, горячий ужин, добрые слова друзей. Все это было конкретным и ясным.

Сзади послышались шаги. Дима оглянулся, ошелом-

ленно замер... Ира появилась в роскошном платье вишневого цвета, оно обтекало женственную фигуру. Гладкая эластичная ткань блестела, изредка вспыхивала, словно прошитая искрами. Ира вдруг неизвестно отчего смутилась, опустила голову. Дима подбадривающе улыбался. Ира, скрывая смущение, тихо сказала:

— Говорят, мини скоро будет модным. Но это уже для совсем молоденьких девочек, мне теперь больше подойдет другой фасон. — Она смешливо прыснула. — А помнишь, какую маечку надела, когда сдавали математику? В этом году никаких надписей. Или все точно заранее переведем. Ты там, наверное, успел хорошо подготовиться, как нечего делать, теперь сдашь экзамены!

Дима задумчиво помолчал, потом пожал плечами:

— Да так, листал учебники.

— Я тут тоже, когда тоска малость отпустила, как «Отче наш» каждый вечер.— Она спохватилась, виновато зачастила: — Дима, миленький, прости меня. Мама говорила, мужчину надо сначало накормить, потом занимать разговорами. Сейчас приготовлю немножечко калорий.

Она вошла в кухню. Дима вспомнил про подарок. В прихожей развернул рога. Ира выглянула, заинтересованная шелестом бумаги, обрадованно оживилась, начала прикидывать, куда можно приладить такую красоту! В комнате оглядела стены, покачала головой: здесь рога только портят интерьер. Дима тоже оглядел полутемную, наполненную вечерними сумерками комнату. Увидел за спинкой стула низенький журнальный столик, где солидно блестела японская двухкассетная магнитола. Рядом стояла пепельница, лежала распечатанная пачка сигарет, рядочками желтели аккуратные патрончики фильтров. Дима прикинул: такой аппарат стоит тысячи три. А чьи сигареты? Впервые непрошено ворохнулась удушливая ревность.

Ира чутко уловила перемену настроения. Начала торопливо оправдываться, что еще прошлым летом навсегда прекратила баловаться сигаретами. Невкусно, тошнит... Эта пачка для знакомых девочек, они почти все сейчас дымят. Приходится изображать опытную хозяйку дома, которая может принять любых гостей. Бармин иногда заходит, старательно делает вид, что сильно мучается любовью. Весной расщедрился, подарил свою аппаратуру. Вещь безумно дорогая, девушке неприлично принимать

такие подарки, люди могут всякое подумать, вот только невозможно было удержаться!

Ира помолчала, поглаживая рога, потом сказала:

— Их надо приладить вон там, около входной двери. Получится шикарная вешалка, все сначала громко ахнут, потом умрут от зависти. Завтра вызову мастера, пусть прибьет!

Дима недоуменно пожал плечами:

— Сам прибью, большое дело!

Ира всплеснула руками: вот что значит настоящий мужчина! Все сам... Она, между прочим, такая неумеха, даже стыдно признаваться. Без мамы все вдруг стало разваливаться, покрываться пылью, тут был такой бедлам, вспомнить тошно. Сейчас немного освоилась, хотя стоит сделать генеральную уборку, протереть хрусталь, пропылесосить ковер, три дня потом руки болят!

* * *

В прихожей громко тренькнул звонок. Ира, удивленно вскинув брови, пошла открывать дверь. Щелкнул замок, послышался мужской голос, потом странный приглушенный грохот. Дима кинулся туда, все еще машинально держа рога наперевес. Бармин стоял нагнувшись, брезгливо отряхивал брюки. Ира рядом неудержимо смеялась, держа большой букет желтых роз.

— Не бойся, ничего страшного.— Она едва выговаривала между приступами смеха.— Бармин разлетелся, зацепил ногой твою сумку. И как мешок, плашмя рухнул!

Бармин пригладил бородку, поправил аккуратный пробор:

— Леди энд джентльмены! Врубенс... — Оценивающе оглядел нарядное платье девушки.— Как сказал поэт: «Страшись любви, она придет, она мечтой твой ум встревожит, тоска по ней тебя убьет, ничто воскреснуть не поможет!» Но не хватает одной, всего одной маленькой детальки, под этот туалет подойдет приличный рубиновый перстень.

Ира покрутила пальцем возле виска:

— У тебя хватает... Такое говорить девушке!

— Мне сегодня можно. День рождения, девятнадцать стукнуло... — парень ногой подвинул большой кожаный портфель.— Я тут принес кое-что, надо только нарезать, украсить зеленью, будем праздновать. А то весь день неудачи! То одно, то другое... Вместо алых

роз нашел только эти желтого цвета измены. И наконец этот атлантид понаставил посреди прихожей своих таежных капканов, чтобы завалить меня, потом забодать!

Дима опустил рога. Ему вдруг показалось, что ироническая подначка парня, игриво возмущенный голос девушки прозвучали привычно, так обычно поддевают друг друга хорошо знакомые, пожалуй, даже очень близкие люди. Потом отметил слова насчет дня рождения. Это можно было посчитать случайным совпадением, вот только мама говорила... В разбившейся возле университета машине было двое годовалых мальчиков. Дима, когда узнал об этом, хотел отыскать брата, которого взяли воспитывать чужие люди, однако поиски ни к чему не привели, так как нигде не хотели нарушать тайну усыновления.

Ира строго сказала:

— Хватит, Бармин, заедаться, сегодня тройной праздник. Дима приехал, годовщина нашей встречи, твой день рождения.— Раскрыла портфель, изумленно ахнула: — Батюшки, сколько здесь всякой вкусной всячины! Для целого торжественного вечера хватит. Пока готовлю, идите побеседуйте!

Бармин привычным жестом толкнул дверь комнаты, заполненной темнотой позднего вечера. Уверенно прошел, включил торшер возле журнального столика, ногой подвинул низкое удобное кресло. Сел, развалясь, протянул руку, словно точно знал, где всегда лежат сигареты. Дима бросил рога посреди тахты, опустился рядом, сцепив пальцы. Бармин закурил, выпустил вверх дымную струйку, принялся насмешливо рассуждать: чувствуется, значит, посконь, сермяга, запах тайги, природная изначальность сильных ощущений. Мужчина добывает оленя, съедает сырое мясо, привозит любимой охотничьи трофеи. Рога, конечно, роскошные, однако подарок, мягко говоря, немного двусмысленный. Бармин старался выглядеть спокойным, вяло жестикулировал правой рукой, хотя свободная левая нервно теребила пуговицы расстегнутого пиджака, одергивала жилетку. Дима пропускал колкости мимо ушей, внимательно разглядывая парня. Черты лица тонкие, цвет кожи светлее, совсем незагорелое лицо. Главное, бородка совершенно скрывает нижнюю половину. Спрашивать прямо неловко, впору зеркало достать, чтобы наверняка сравнить внешность.

Вздохнув, резко сказал:

— Ну ладно, хватит кривляться! Давай начистоту... Нас тут трое. Бой быков устраивать незачем, лучше сохранить достоинство. У тебя, говорят, большие неприятности?

Бармин криво усмехнулся. Ира, значит, успела выложить. Что поделаешь, любой женщине хранить чужие тайны — хуже любого наказания! Отца действительно весной судили, припаяли двенадцать лет. С конфискацией имущества: машина уплыла, дачу опечатали, вывезли все ценное барахло.

Он бросил окурок, снова закурил, освещенные остреньким огоньком зажигалки глаза злобновато блеснули. Жадно затянулся дымом, презрительно скривив губы, жестко сказал... Есть золотое правило: если умеешь жить, старайся поменьше высовываться! Отцу позарез понадобилась заграничная машина. Такая дорогая игрушка привлекла внимание. Если разобраться, машина оказалась только мелкой зацепочкой, любой директор может приобрести. Отец и другие просто зарвались, вот что досадно, при дележке перегрызлись между собой, хотя дело было практически беспроигрышным.

Бармин махнул рукой:

— В общем, лавочку закрыли, туда дуракам дорога. Одних посадили, других сейчас судят, глупая обдираловка государства пресекается соответствующими органами плановым порядком. Пора понять, что охамевшие рвачи, которые совершают хищения, рано или поздно вымрут, как вымерли тяжелые неповоротливые динозавры. Жить остались умные организмы, которые сумели выгодно использовать перемены климата. Так что хозяевами положения теперь будут только умные молодые мужчины!

— Что это значит?

— Чтобы хорошо жить, нельзя нарушать законы. Имеется много способов делать деньги, для этого достаточно хорошо изучить, потом грамотно использовать сволочные качества человеческой натуры. Рискуют всегда дураки, умные рассчитывают наперед, чтобы жизнь стала беспроигрышной партией!

— А ты чего передо мной разоткровенничался?

Бармин спокойно выпустил дымное колечко:

— Ты мне нравишься. На полном серьезе... Вижу железную хватку. Хотя ты очень наивный. Помню твои прошлогодние рассуждения, когда ты говорил, что мир

можно сделать лучше. Надо, дескать, только повысить экономические показатели...

Дима снял и протер очки, потом задумчиво произнес:

— Не надо путать: экономикой можно улучшить хозяйственный механизм, а пути усовершенствования человека надо искать в сфере нравственности. Мне сейчас наверняка известно одно: чтобы жизнь стала лучше, каждому человеку нужно быть предельно честным.

В комнату заглянула Ира.

— Что, мальчики, мужской разговор?

Бармин, улыбаясь, вяло махнул рукой:

— Да, мужской разговор... — Когда девушка ушла, задумчиво сказал: — Не могу после суда гулять вечерами, раздражают трамваи. Странное возникает ощущение. В освещенных вагонах мимо несется настоящая жизнь. А я точно оказался между остановками. Или надо возвращаться, все начинать сначала, или все бросать, чтобы голеньким налегке догонять уходящий вагон. — Придвинул пепельницу, сильно смял окурок, будто раздавил паука, начал деланно отшучиваться: — Надо было ждать этого: родился тринадцатого числа, предки попались никудышные. Так называемый отец сам сел, мне хорошо подмочил репутацию, теперь многие злорадно пальцами тычут. Фамилию жены брать придется, чтобы скрыть позор, тем более мать и отец мне неродные.

Дима настороженно вскинулся:

— Да? Как это?

— А вот так: сначала считали детей помехой, для себя хотели пожить. Когда маман стали томить материнские инстинкты, было поздно, давние аборты обернулись бесплодием. Ты зря удивляешься... Мне как будущему врачу позволительно называть вещи своими именами.

— А кто твои настоящие родители?

— Не знаю... Из маман удалось вытянуть, что была автомобильная авария, родители погибли. После суда хотел навести справки, дело оказалось слишком хлопотным. Это все тебя очень волнует?

Дима утвердительно кивнул:

— Представь себе, волнует... Мы, по сути, братья. По совести, выходит, враги. Пытаюсь отыскать разумный выход.

Бармин насмешливо скривил губы.

— Враги, совесть... Ты, атлантид, поздно родился! Нет сейчас врагов, все друзья, товарищи, братья. Совесть

давно стала понятием отвлеченным, каждый определяет себе меру дозволенного. Выход искать незачем, просто некуда выходить, люди везде одинаковые. Ну все, прения сторон закончились, точки зрения остались прежними. Осталось решить последний вопрос, кто здесь лишний, кому сейчас лучше уйти. Давай трезво оценим ситуацию. Нас всех окружает мир вещей, удобств, потребностей. Любому человеку, женщине особенно, необходимо надежное жилье, красивая модная одежда, комфорт. Ты сейчас можешь предложить девушке крепкую любовь, железные мускулы, дурацкие рога. Иру я знаю как свои пять пальцев, поэтому вполне определенно говорю, что она недолго будет кушать твою духовную пищу. Она сейчас нарезает дорогую колбаску, украшает зеленью копченое мясо... Для нее вот эта квартира только первая ступенька туда, где люди имеют все, что захотят, легко делают былью любую сказку. Там узкий круг знакомств, личные портнихи, парикмахеры, подлинные картины, настоящие драгоценности.

Дима едва сдерживал зевоту. Вполуха слушал Бармина, прикинул: здесь около десяти вечера, там почти четыре часа утра. Скоро, значит, встанет первая смена, ребята плотно позавтракают. Рабочий поезд медленно тронется. Парни будут знобко поеживаться, лениво поддерживая случайно завязавшийся разговор, неторопливо выкурят первые сигареты...

— Вы не пара! — громко сказал Бармин, возвращая Диму в эту комнату. — Во всех отношениях... У тебя своя жизнь. Мы живем совершенно другими интересами. И вы все нам жестоко завидуете!

Дима насмешливо уточнил:

— Все?

— Без исключения... Одни вроде тебя едут черт знает куда, чтобы побольше урвать, а потом попользоваться всеми благами достатка, хоть как-то уподобиться нам. Не детским домам помогают, а строят дачи, покупают машины, женам шубы. Нам достаточно пошевелить мозгами, вам же приходится шевелить руками. Так что попусту злобствуешь, идеально честных людей не бывает! Другие...

— Не суди по себе! — прервал Дима. — Люди пока только обживают социализм, осваивают новые нравственные понятия, чтобы вплотную заняться внутренней отделкой общества! А процесс становления гладким не бывает.

Бармин выпустил вверх струйку дыма.

— Мне что? Это ваши заботы. Но ты мне все больше нравишься. Если рельсы укладывают такие упрямые парни, можно быть уверенным, магистраль построите, потом начнете прокладывать другую! Но будь мужчиной, пойми наконец, твое упрямство сейчас всем портит жизнь. Мне известны ваши отношения с Ирой, она все уши прожужжала: этот романтический первый поцелуй, потом волнующие совместные занятия тригонометрией. Умелая борьба, когда один троих победил, таким рыцарским поступком завоевал сердце девушки. Милый вздор, детский лепет... Вместо глупой пляжной схватки сейчас решаем серьезный житейский вопрос. Ира ошеломлена встречей, чтобы сделать правильный выбор. Но когда этот сладкий дурман пройдет, она обязательно подсчитает, кто чего стоит, женщины народ расчетливый. Будь уверен, твои рога, мою магнитолу тоже сравнит, сделает выводы!

Дима откровенно зевнул:

— Не передергивай, дураков нет. Тебе просто выгодно хранить здесь этот ящик. Вроде двух зайцев убил... При описи имущества аппаратуру должны были изъять.

— Это уже неважно! Вещь осталась нашей, вот что главное. Еще много чего осталось... Папашка оказался мужиком предусмотрительным, так что потеряли... крупное барахло, которое невозможно было утаить. Словом, маман осталась полностью обеспеченной, самому тоже хватит, когда освободиться. Мне тоже грех жаловаться, улавливай этот интересный нюанс! Ира тоже знает, что стоит глазом моргнуть, будет иметь приличную квартиру, остальное потом приложится. Это вещественнее твоей пылкости, подкрепленной верой в светлое будущее. Может, конечно, сейчас немного подзаработал. Но это ведь гроши...

Дима тяжело вздохнул. Ведь брат сидел напротив, единственный родной человек! Нет его вины, что был искалечен чужими людьми, настолько, что стал самым настоящим врагом. Именно врагом, нечего обманываться.

Молчание затягивалось, становилось томительно неловким.

Дима спохватился, машинально сказал:

— Гроши не гроши, а четыре тысячи.

Бармин смял окурок, его глаза загорелись.

— Представляю, что ты обо мне думаешь, наслаждаешься внутренним превосходством. Ну ладно, пусть

буду конченым гадом! Давай свои тысячи, уступлю девчонку, уйду отсюда навсегда. Все равно, вижу, так не отстанешь. Ну давай, делом докажи, что для тебя любимая дороже всего, деньги вообще мусор!

Дима пригляделся к нему, пытаясь понять, что это: черный юмор, неудачный розыгрыш? Бармин одной рукой поглаживал клинышек бородки, другую требовательно протянул. Дима вдруг почувствовал нелепость своего положения: парень ловко вывернул ситуацию, сейчас любой ответ будет только проигрышным. Кроме, пожалуй, одного...

Дима вскочил, решив, что только кулаком может поставить последнюю точку, но затылком почувствовал чей-то пристальный взгляд и оглянулся. Посреди темного дверного проема стояла Ира. Лицо ее было бледным, отчего на носу снова проступили мелкие веснушки. Шагнула вперед, гневно блеснула коричневыми глазами:

— Вы тут так орали, все было слышно. Зла не хватает, честное слово! Нет, мама права, мужчины малость того, умственно дефективные. — Нервно прошлась, следом скользнула изломанная углами мебели черная тень. — Дима, садись, нечего стоять столбом! Тоже хорош: весь вечер будто оправдываешься, что живешь порядочным человеком. Мало того, разрешаешь этому деловому говорить всякие гадости обо мне. Это я прежде выдумала его, теперь давно разобралась. — Она повернулась к Бармину, неожиданно спросила: — Ты, конечно, думаешь, что мне нужны твои деньги и тряпки? Нет! Каждой нормальной женщине больше всего нужна полная определенность отношений, сильное плечо мужчины. Так что ты не вписываешься в мои представления. Твой портфель возле двери, копченые колбасы остались нетронутыми. Свою музыку тоже забери, нашел здесь камеру хранения!

Бармин, надевая пиджак, снисходительно усмехнулся:

— Я тебя, оказывается, недооценивал. Не надо только усложнять, сразу колотить горшки. Но к этому вопросу мы еще вернемся.

Ира сделала воздушный поцелуй, прощально помахала рукой. Но когда парень вышел, она резко встала, щелкнула клавишами элегантно поблескивающей отделкой японской магнитолы. Два кассетодержателя медленно открылись... Ира вытащила кассету, неожиданно легко подняла большой продолговатый ящик. Откинула тю-

левую занавеску, распахнула балконную дверь... Через несколько мгновений внизу раздался приглушенный расстоянием треск расколовшейся пластмассы. Ира захлопнула дверь, задернула легкую занавеску, высоким голосом сказала:

— У меня мамин характер. Все или ничего! Я, может, не все понимаю. Но с тех пор, как встретила тебя, я стала уверена в себе. А то, что сегодня случилось, должно было рано или поздно случиться.

Она машинально теребила тонкую золотую цепочку, которая обвивала нежную белую шею. Вздохнула: неудержимо тянет выговориться, чтобы наконец все определилось... За этот год много передумала, пыталась беспристрастно оценить себя, представить дальнейшие жизненные планы. Бармин, надо признаться, верно сказал: она действительно успела понять извечное бабье стремление иметь свое теплое уютное жилье, гнездо. Вита сильная, поехала туда, где морозы сорок градусов, жесткие койки казенных общежитий. Ребята, наверное, особенно любят таких смелых, решительных девушек, какие поровну делят любые трудности. Дима еще выхвалялся, что привез оттуда красавицу. Чтобы такое выслушать, вместо нервов надо иметь стальные канаты!

Ира часто заморгала густо накрашенными ресницами, глаза быстро подозрительно повлажнели. Если ему так нравятся отважные мадемуазели, пусть тоже уходит, дверь открыта!

Дима удивленно спросил:

— Ты что такое говоришь?

— А то... Мне, может, самой стыдно: такая домашняя, люблю тепло, удобную обстановку, красивую одежду. Прошлым летом помешала тебе поступить. В самом деле плохо знала математику. И не бестолочь последняя. Без определенной цели, знаешь, не хочется стараться.

Дима, успокаиваясь, облегченно вздохнул:

— Зато теперь, надо думать, цель появилась.

Ира пожала плечами... Так или нет, трудно сказать! Но она год повторяла математику, чтобы вместе поступить, вместе учиться, потом иметь общие интересы, как говорится, дышать одним воздухом, стать верной подругой, надежной помощницей. Может, другие девушки мечтают иначе устроить свою судьбу, для нее счастье представляется вполне определенно: взаимная любовь, полноценная семья, чувство нужности друг к другу.

Дима молча слушал девушку. Она вдруг резко замол-

чала, безвольно опустила руки. Закусив верхнюю губу, несколько долгих мгновений стояла неподвижно. Потом порывисто подалась навстречу, глядя широко раскрытыми, полными решимости глазами. Подошла совсем близко, смущенно опустила ресницы. Поэтому, наверное, когда послышался звонок, обрадованно вскинулась, излишне торопливо побежала открывать дверь. Щелкнул замок, тотчас раздались громкие девчачьи возгласы. В комнату заглянула Вита, счастливо улыбаясь, показала руки: ногти алели свежим маникюром. Оглядела комнату, осуждающим тоном сказала:

— Ну вот, все правильно. Ирина какая была, такая осталась. Опять, значит, столкнула лбами кавалеров... Бармин, бедняга, внизу ползает, собирает разбитую магнитолу. Тебя, Дима, кстати сказать, тоже видеть тошно, как вареная колбаса. Ирка, конечно, забыла накормить человека... Как чувствовала, сидишь голодный, принесла салату, девчонки тоже всего понемногу прихватили. Теперь закрывай глаза!

Дима зажмурился, потом услышал сдавленный смешок, открыл глаза. Тряхнул головой, чтобы отогнать странное видение: три девичьих черноглазых лица — как одно. Вита, довольная произведенным эффектом, весело засмеялась, обняла сестренок. Дима встал, начал знакомиться... Вика, Вета.

На кухне началась веселая суета, застучали ножи, хлопнула дверца холодильника, забренчала упавшая ложка. Вета, самая серьезная девушка, привычно раскрыла сервант, достала старенький портативный магнитофон, стала пересматривать кассеты.

Дима сидел на тахте и слушал девичьи голоса. Неожиданно пробили настенные часы. Круглый желтый маятник равномерно покачивался. Вправо, влево, снова вправо... Дима начал считать. Там уже утро, первая смена начала работу. Такелажники цепляют траверсами звено. Оператор крана опускает звено точно посередине полотна. Ребята быстро ставят стыкователи. Механик двигает кран вперед. Оператор готовит следующее звено. Каждые пять минут стыковка. Ребята уходят вперед...

СОДЕРЖАНИЕ

Шишкин А. А.

Ш 65 Четвертый семестр: Повести. — М.: Мол. гвардия, 1987. — 271[1] с.

1 р. 150 000 экз.

Андрей Шишкин был военным летчиком. Сейчас — писатель. Четыре года назад в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» вышла его книга «Преодоление». В новой книге, состоящей из трех повестей, писатель, лауреат конкурса имени Н. Островского, продолжает раскрывать свою тему — становление идейно стойкой, волевой, цельной личности, утверждающей высокие нравственные идеалы, социально активную жизненную позицию.

Ш $\frac{4702010200-219}{078(02)-87}$ 124—87 ББК 84Р7

ИБ № 5541

Андрей Александрович Шишкин

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕМЕСТР

Зав. редакцией **В. Перегудов**
Редактор **В. Пелихов**
Художественный редактор **А. Романова**
Технический редактор **Т. Шельдова**
Корректоры **Н. Самойлова, В. Назарова**

Сдано в набор 11.03.87. Подписано в печать 27.07.87. А01145. Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,59. Учетно-изд. л. 15,5. Тираж 150 000 экз. (1-й завод 75 000 экз.). Цена в переплете 1 р. 10 к., (500 экз.), цена в мягкой обложке 1 руб. (149 500 экз.). Заказ 738.

Набрано и сматрицировано в типографии ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 252110, Киев-119, Пархоменко, 38—44. Заказ 7—312.

1 руб.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

АНДРЕЙ ШИШКИН

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕМЕСТР